

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 29 (1–4), 2021
№ 2

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2021. Т. 29(1–4). № 2

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [А. А. Крымов](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 06.07.2021. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России», [интернет-каталог](#) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugueva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведаы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 184** *Воробьев Ю. А.* Наказание в виде пожизненного лишения свободы в Германии: современное состояние и тенденции развития
- 192** *Садчикова Д. Н.* Принудительные работы как вид уголовного наказания в уголовно-правовых предписаниях зарубежных государств

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 200** *Сухов А. Н.* Из истории становления социальной конфликтологии
- 210** *Никитин Д. А., Козаченко Б. П., Карханина Л. В.* Развитие отечественного законодательства в сфере назначения и исполнения в отношении несовершеннолетних осужденных наказаний, не связанных с изоляцией от общества

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 218** *Зарубина К. А.* Трансформация криминальных профессий в России в постсоветский период
- 226** *Прихожая Л. Е.* Раздельное содержание осужденных как одно из перспективных направлений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 237** *Белова Т. Н., Бекаристанов М. А.-М.* Эффект масштаба в производственно-хозяйственной деятельности учреждения уголовно-исполнительной системы

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 245** *Ганишина И. С., Сучкова И. В.* Психологическая готовность сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний к применению огнестрельного оружия на поражение: поведенческий аспект
- 255** *Киселев А. М.* Об особенностях подготовки курсантов вуза Федерального службы исполнения наказаний к выполнению служебных задач в условиях чрезвычайных ситуаций природного характера
- 263** *Рубцова Н. Е., Александров Б. В.* Психологическая модель отношения к труду осужденных, отбывающих уголовные наказания
- 270** *Казанцев В. Н., Кузнецов М. И., Лузгин С. А.* Российско-швейцарский проект в области пенитенциарной социальной работы: опыт международного сотрудничества образовательных организаций и исправительных учреждений

ПЕРСОНАЛИИ

- 278** К юбилею профессора кафедры общей психологии психологического факультета Академии ФСИН России доктора психологических наук Ирины Валерьяновны Черемисовой

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

ABROAD

- 282** *Vorob'ev Yu. A.* Life imprisonment in Germany: current state and development trends
284 *Sadchikova D. N.* Forced labor as a type of criminal punishment in the criminal law regulations of foreign countries

TIME LENS

- 286** *Sukhov A. N.* The history of social conflictology formation
288 *Nikitin D. A., Kozachenko B. P., Karkhanina L. V.* The development of domestic legislation in the field of appointment and execution of sentences in relation to juvenile convicts, not related to isolation from society

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 290** *Zarubina K. A.* Transformation of criminal professions in Russia in the Post-Soviet period
292 *Prikhozhaya L. E.* Separate detention of convicts as one of the promising directions of the Concept of the Russian penal system development until 2030

COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 293** *Belova T. N., Bekaristanov M. A.-M.* The scale effect in the production and economic activities of the institution of the penal system

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 295** *Ganishina I. S., Suchkova I. V.* Psychological readiness among employees of the security units of the Federal Penitentiary Service of Russia to use firearms to kill: behavioral aspect
298 *Kiselev A. M.* The training peculiarities of cadets of the Federal Penitentiary Service's university to perform official tasks in natural emergencies
300 *Rubtsova N. E., Aleksandrov B. V.* Psychological model of the attitude to work of convicts serving criminal sentences
302 *Kazantsev V. N., Kuznetsov M. I., Luzgin S. A.* Russian-Swiss project in the field of penitentiary social work: experience of international cooperation between educational organizations and correctional institutions

PERSONALIA

- 303** To the anniversary of Sc.D (Psychology), professor of the department of general psychology at the psychological faculty of the Academy of the FPS of Russia Irina Valer'yanovna Cheremisova

УДК 343.82(4/9)

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.184-191

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ВОРОБЬЕВ,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: jurij.worobjow@yandex.ru

НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ГЕРМАНИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Для цитирования

Воробьев, Ю. А. Наказание в виде пожизненного лишения свободы в Германии: современное состояние и тенденции развития / Ю. А. Воробьев // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 184–191. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.184-191.

Аннотация. В статье анализируются развитие, состояние и нормативно-правовое регулирование института наказания в виде пожизненного заключения в Федеративной Республике Германия. В процессе исследования были рассмотрены изменения в сфере уголовного и уголовно-исполнительного законодательства страны в части применения данного наказания. Особое внимание уделено одному из главных результатов произошедших изменений – появлению возможности условно-досрочного освобождения из заключения. Рассмотрены условия принятия судом решения о приостановлении исполнения наказания и назначении probation, частотность этих решений в современной судебной практике и данные о рецидиве лиц, получивших условно-досрочное освобождение. Отмечается, что проводимый процесс гуманизации немецкого института пожизненного лишения свободы затронул не только этап исполнения данного наказания в пенитенциарных учреждениях, но и предшествующий, а также следующий за ним этапы. Это предопределило комплексность работы с лицами, отбывающими пожизненное заключение, сделало ее более целостной, а последствия пребывания в пенитенциарном учреждении менее фатальными для физического и психического здоровья осужденных. Такая политика в рамках уголовно-исполнительной системы обеспечивает возможность дифференцированного подхода к каждому осужденному и поиска наиболее эффективных методов коррекции поведения заключенных. Вместе с тем восприятие пожизненного лишения свободы в качестве наказания, имеющего неоспоримое право на существование в ближайшей и среднесрочной перспективе, получило прочное закрепление в немецком профессиональном сообществе и правовой системе. В рамках проведенного анализа были исполь-

© Воробьев Ю. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

зованы самые современные данные немецкого общенационального статистического ведомства, а также соответствующих ведомств федеральных земель, что позволило проследить указанные изменения не только на качественном, но и на количественном уровне.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Германии, наказание, пожизненное лишение свободы, осужденный, условно-досрочное освобождение, условия освобождения от наказания, ресоциализация заключенных.

Свою первую общенациональную правовую кодификацию наказание в виде пожизненного лишения свободы получило в Германии в Уголовном уложении 1871 г., где были предусмотрены два вида наказаний – заключение в каторжную тюрьму (§ 14 I) и заключение в крепость (§ 17 I). Обе санкции могли быть как ограниченными по времени, так и бессрочными [1].

В действующем Уголовном кодексе Германии (далее – StGB) категория бессрочности присутствует в трех основных формах санкций, к которым относятся: наказание в виде пожизненного лишения свободы (§ 38 I StGB), превентивное заключение (§ 66–66c StGB) и помещение в психиатрическое лечебное учреждение закрытого типа (§ 63 StGB) [2]. Принимая во внимание традиционное для Германии отнесение двух последних санкционных форм к мерам исправления и безопасности, но не наказания, мы рассмотрим в статье только национальные особенности применения пожизненного лишения свободы, отбытие которого осуществляется в пенитенциарных учреждениях ФРГ.

Наказание в виде пожизненного лишения свободы занимает особое положение в немецком уголовном праве: оно единственное так называемое определенное наказание, которое в соответствии с § 54 II StGB предусмотрено за конкретный деликт и не может быть получено в результате сложения других санкций. Кроме того, пожизненное лишение свободы не может быть вынесено судом многократно. Хотя в Уголовном кодексе Германии упоминаются различные составы преступлений, за которые чисто теоретически может быть назначено пожизненное заключение, все же в подавляющем большинстве случаев¹ оно назначается за (преднамеренные) убийства с отягчающими обстоятельствами в соответствии с § 211 StGB, где данная санкция является абсолютной.

В отдельных случаях данное наказание выносится за убийство без отягчающих обстоятельств, за различные квалифицированные составы преступления, такие как сексуальное насилие и изнасилование, похищения людей и захват заложников, осуществление поджогов и взрывов, во всех случаях повлекшие за собой смерть потерпевшего или потерпевших. Отдельно упоминаются преступления против внешней государственной безопасности, где в особо тяжких случаях также применяется данный вид наказания. После принятия Бундестагом 26 июня 2002 г. немецкого Кодекса международного уголовного права к перечисленным деликтам добавились некоторые формы преступлений против человечества и военные преступления против личности, а также преступления, связанные с агрессией против другого государства. В судебной практике частота при-

¹ С 1991 по 2020 год 97 % обвинительных приговоров было вынесено в соответствии с § 211 StGB, 1,4 % – за грабеж или вымогательство со смертельным исходом, 1,1 % – за убийство без отягчающих обстоятельств. Оставшиеся доли процента включили в себя единичные случаи сексуального насилия и изнасилования, похищения людей с целью вымогательства, взятия заложников, осуществления поджогов и взрывов, повлекших за собой смерть потерпевших, а также преступлений против государственной безопасности [3].

менения санкций, предусматривающих пожизненное лишение свободы, не превышает нескольких долей процента от общего количества обвинительных приговоров [4]. Однако в реальных цифрах их число не так уж и мало, о чем свидетельствует судебная статистика по уголовным делам. Так, если с 1950 по 1994 год их количество в западных федеральных землях было существенно ниже 100 случаев в год, то с 1995 по 2010 год уже на общенациональном уровне стали регистрироваться гораздо более высокие значения. Ежегодное среднее количество приговоров к пожизненному лишению свободы в этот период составляло уже около 109. В следующие девять лет (до 2019 г.) их среднегодовое число снизилось до 95 случаев [4].

Данная судебная статистика приговоров обусловила соответствующую корреляцию и с общим числом лиц, отбывающих данный вид наказания в пенитенциарных учреждениях закрытого типа. Можно выделить также три периода с различными количественными показателями. Во время первого периода (до середины 1980-х годов) отмечался постепенный рост числа заключенных до отметки 1100 чел. (1987 г.). До 2011 г. число заключенных стало стремительно расти и достигло своего максимума в 2050 чел. Следующий этап продемонстрировал тенденцию к значительному сокращению общего числа заключенных, отбывающих пожизненное лишение свободы. По состоянию на 31 марта 2020 г. их насчитывалось 1794 чел., что составило 3 % от общего числа лиц, находившихся на тот момент в заключении [5].

Пожизненное лишение свободы не имеет в Германии гендерных ограничений и применяется в отношении не только мужчин, но и женщин, общая численность которых на сегодняшний день составляет 105 чел. Данная санкция не применяется в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Для преступников из возрастной группы от 18 до 21 года суд может назначить наказание до 15 лет вместо пожизненного заключения (§ 106 I JGG); однако в случае применения к ним общего уголовного права пожизненное лишение свободы становится принципиально возможным [6].

Вопреки своему названию – «наказание в виде пожизненного лишения свободы» – в абсолютном смысле оно таковым в современной Германии не является. Г. Дуттге отмечает, что данный термин давно уже превратился в своеобразный «номинативный обман» (нем. Etikettenschwindel) [7], что обусловлено кардинальной сменой общей концепции данного вида наказания, произошедшей в последние десятилетия.

До конца 1970-х годов в Германии использовалась пенитенциарная концепция, в основу которой был заложен принцип пожизненной изоляции преступника от общества и нахождения его в заключении до наступления естественной смерти, то есть во главу угла был поставлен принцип защиты общества от дальнейшего вреда, который может быть причинен преступником. Его освобождение из исправительного учреждения было возможно только через индивидуальный акт помилования президентом страны, что происходило (если вообще происходило) в среднем после отбытия 25-летнего срока. Современная немецкая концепция пожизненного лишения свободы уже не предусматривает обязательного нахождения осужденного в уголовно-исполнительном учреждении до самой смерти, хотя в определенных случаях это может и произойти. Основой действующей пенитенциарной политики Германии является идея ресоциализации осужденного, в том числе и приговоренного к пожизненному заключению, которому также должна быть предоставлена возможность снова стать членом общества и активно участвовать в его жизни, независимо от совершенного преступления. Как пояснил в связи с этим Федеральный конституционный суд, «одним из условий уголовно-исполнительной системы, уважающей человеческое достоинство, является то, что у приговоренного

к пожизненному заключению в принципе остается шанс когда-нибудь снова выйти на свободу. Только одной возможности помилования недостаточно; в большей степени принцип правового государства предоставляет возможности, при которых исполнение пожизненного заключения может быть заменено условно-досрочным освобождением, и соответствующая процедура должна быть законодательно закреплена» [8].

В 1977 г. Федеральный конституционный суд предписал правительству ФРГ создать законодательное ограничение пожизненного заключения, что и было выполнено в 1981 г. посредством включения в Уголовный кодекс ФРГ положения о возможном приостановлении отбытия оставшейся части наказания (§ 57a StGB). С этого момента современная суть концепции пожизненного лишения свободы в Германии утратила императивный фактор бессрочности наказания, но приобрела новые временные характеристики. Теперь оно могло быть ограничено в рамках нового исполнительного производства посредством возможности последующего условного освобождения. Одновременно с этим в § 57a I 1 Кодекса была определена минимальная продолжительность нахождения осужденного в пенитенциарном учреждении – 15 лет. Более длительный срок отбывания наказания законом не установлен, его может определить только суд, принимая во внимание ряд правовых критериев, к которым, помимо отбытия указанного минимального срока, относится отсутствие «особой тяжести вины» в судебном приговоре (§ 57a I 2 StGB).

Особая тяжесть вины устанавливается в ходе суда, если в отношении сравниваемых преступлений четко просматривается более высокая мера вины – либо на основании преступления (например, преступление с особой жестокостью), мотивов (особая предосудительность) или личности преступника (склонность к насилию). При этом само понятие особой тяжести вины законом не определяется, но постоянно выражается судебной практикой. Если в решении суда присутствует особая тяжесть вины, то вопрос об условно-досрочном освобождении заключенного в значительной степени усложняется, вплоть до его исключения [9].

Следующее условие предполагает, что ответ на вопрос о возможности условно-досрочного освобождения заключенного должен быть решен с учетом интересов безопасности общества. Это также обозначается как так называемый благоприятный прогноз согласно § 454 II УПК Германии. С этой целью производится оценка баланса между ожидаемыми последствиями уже отбытого наказания в виде лишения свободы и интересов общественной безопасности. Иначе говоря, устанавливается, насколько ресоциализирован осужденный, оценил ли он соответствующим образом свое преступление.

Оценка осужденным содеянного, признание или непризнание им своей вины играют существенную роль в вопросе назначения условно-досрочного освобождения. Хотя отрицание собственной вины не противопоставляется в принципе чисто юридически позитивному прогнозу, однако на практике оно ведет к основанию полагать, что осужденный не отнесся к осмыслению совершенного преступления с достаточной степенью серьезности, с учетом чего благоприятный прогноз экспертами, как правило, отрицается.

Только при выполнении всех этих условий пожизненное тюремное заключение может быть заменено пробацией, но это также означает, что в течение установленного испытательного срока (как правило, 5 лет) осужденный будет находиться под надзором соответствующих органов. Кроме того, на него могут быть возложены определенные обязательства, например, посещение тренингов, которые проводят пенитенциарные психологи или педагоги, запрет на посещение некоторых мест.

Институт условно-досрочного освобождения достаточно активно используется в современной судебной практике. Только за период с 2002 по 2019 год в Германии было

приостановлено 1057 приговоров о пожизненном лишении свободы с последующим назначением испытательного срока. Количественный состав лиц, получающих право на прохождение probation, ежегодно меняется, но в последние пять лет стабильно находится в диапазоне 3,8–4,3 % от общего числа осужденных, отбывающих данный вид наказания [3, 4, 5].

С утратой бессрочной временной характеристики вполне естественным становится вопрос о реальной продолжительности пожизненного заключения в пенитенциарных учреждениях Германии. Специальная литература не дает однозначного ответа на этот вопрос. Причины этого, как подчеркивает А. Дессекер, с одной стороны, находятся в методике определения измеряемого значения, с другой – обусловлены тем фактом, что правовое положение на протяжении многих лет неоднократно менялось [10]. В ряде статистических отчетов отмечается, что средняя продолжительность отбытия наказания осужденным колеблется от 17 до 20 лет [4, 5]. Значительно более продолжительные сроки также возможны и не являются редкостью. Так, на момент освобождения очередной группы лиц, отбывавших наказание в виде пожизненного лишения свободы, в 2019 г. почти восьмая их часть (11,5 %) провела в заключении более 25 лет. Примерно каждый десятый осужденный заканчивает свою жизнь в стенах пенитенциарного учреждения [4].

Активно используемое условно-досрочное освобождение лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, безусловно, вызывает определенный интерес к уровню их рецидивности. Представленные в работе Й.-М. Йеле результаты исследования свидетельствуют о невысоком числе повторных правонарушений на начальном этапе нахождения вне учреждения и значительном их росте в более продолжительной временной перспективе. Так, из 58 бывших заключенных, освободившихся из пенитенциарных учреждений в 2010 г., только 8 (13,8 %) были осуждены повторно в течение трех лет. При этом большинство обвинительных приговоров были в виде денежных штрафов, не являющихся условием приостановки probation. Один из ранее освобожденных был приговорен к условному наказанию, еще один – к лишению свободы сроком до одного года без испытательного срока. В группе лиц, освободившихся в 2004 г. и наблюдаемых в течение 9 лет (42 человека), процент рецидива указан значительно более высокий – 45 %. При этом подробности новых преступлений и обвинительных приговоров не обнародованы [11].

Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в немецких тюрьмах не имеет принципиального отличия от исполнения наказаний с длительными, но определенными сроками изоляции от общества [12, с. 352]. Это относится не только к размещению заключенных, условиям работы, но и к проведению досуга, общению с другими заключенными. В повседневной работе немецкие пенитенциарные учреждения стараются избегать действий, стигматизирующих лиц, отбывающих этот вид наказания, придания им особого статуса в специальных отделениях или учреждениях в рамках пенитенциарной системы, а напротив, стремятся к тому, чтобы максимально приблизить условия их содержания к условиям, в которых находятся другие заключенные.

Немецкое уголовно-исполнительное право содержит совсем немного специальных норм, адресованных целенаправленно лицам, отбывающим пожизненное заключение. Касаются они, главным образом, доступности мер, смягчающих режим исполнения наказания. В частности, для них установлены особые по продолжительности периоды ожидания разрешений на получение отпуска, на выход за пределы учреждения (в сопровождении сотрудника или без), возможности работы вне учреждения.

Общенациональный уголовно-исполнительный закон, принятый в 1976 г., установил такой период сроком в 10 лет (§ 13 III StVollzG) [13], что значительно дольше, чем для лиц,

отбывающих меньшие по продолжительности наказания в виде лишения свободы [14]. После принятия федеральными землями в рамках Закона о федерализации собственных уголовно-исполнительных кодексов большинство данных ограничений были в них сохранены. Лишь в отдельных землях, например в Баварии, этот срок ожидания был ужесточен и продлен до 12 лет (§ 14 III BayStVollzG) [14]. В некоторых, например в Нижней Саксонии, он был, наоборот, уменьшен до 8 лет (§ 13 IV NJVollzG) [15].

В немецком обществе время от времени возникают дискуссии о необходимости сокращения этого периода ожидания до стандартных величин, применяемых при наказаниях с определенными сроками лишения свободы, но на сегодняшний день пенитенциаристы предлагают рассматривать проблему гораздо шире, с включением в обсуждение таких аспектов, как:

- реформирование системы квалификации убийств, являющейся основным источником судебных решений, сопряженных с пожизненным лишением свободы;
- законодательное нормирование понятия «особая тяжесть вины», играющего исключительно важную роль при назначении наказания в виде пожизненного лишения свободы, а также при рассмотрении вопроса о приостановлении исполнения данного наказания;
- повышение эффективности ресоциализации лиц, отбывших длительное наказание и проходящих испытательный срок в рамках условно-досрочного освобождения [16, с. 652].

В последние годы именно эти направления в немецкой правовой системе приобрели особую актуальность, о чем свидетельствует создание Федеральным министерством юстиции и защиты потребителей в 2014 г. специальной группы экспертов для подготовки новой базовой концепции при оценке преступлений против жизни, где основное внимание было уделено разграничению понятий «убийство с отягчающими обстоятельствами» (§ 211 StGB) и «убийство без отягчающих обстоятельств» (§ 212 StGB), попытке нового юридического осмысления самого понятия «убийство» со всеми вытекающими отсюда последствиями для определения оправданности вынесения наказания в виде пожизненного лишения свободы. Выработанные рекомендации были переданы в правительство для подготовки проекта об изменении содержания ряда статей Уголовного кодекса ФРГ [17].

В области ресоциализации осужденных, отбывших наказание в виде длительного лишения свободы, все большую значимость приобретает амбулаторное оказание многоаспектной помощи указанной категории лиц в процессе социальной адаптации, что наглядно демонстрирует принятие соответствующего закона в земле Саар [18] и подготовка подобных законов в других федеральных землях, а также создание специальных центров пробации.

Активные действия немецких властей в указанных направлениях убеждают в продолжении политики гуманизации института пожизненного лишения свободы, стремлении к более четкой и прозрачной правовой регламентации и применению данного вида уголовного наказания только в качестве *ultima ratio*, элиминации его фатальных последствий для физического и психического здоровья лиц, отбывающих этот вид наказания или вышедших на свободу условно-досрочно. При этом необходимость существования данного института в Германии не подвергается сомнению, что предопределяется, по мнению А. Дессекера, не только его органичным и прочным закреплением в немецком уголовном праве, эффективностью выполняемой работы пенитенциарными органами, но и той педантичностью, с которой немцы подходят к соблюдению соответствующих норм уголовно-исполнительного права своей страны и рекомендаций различных международных правозащитных организаций [19].

Библиографический список

1. *The criminal law for the German Empire of May 15, 1871*, viewed 15 January 2021. URL : <https://lexetius.com/leges/StGB/Inhalt;jsessionid=node08hoy4qs0onzct1j8h4fi8h5kik5048.node0?0>.
2. *The Criminal Vode for the Federal Republic of Germany*, viewed 15 January 2021. URL : <https://dejure.org/gesetze/StGB>.
3. Dessecker, A. & Rausch, E. 2021, *The execution of life sentences. Duration and reasons for termination in 2019*, viewed 20 January 2021. URL : <https://www.krimz.de/fileadmin/dateiablage/E-Publikationen/BM-Online/bm-online24.pdf>.
4. Jehle, J.-M. 2019, *Criminal justice in Germany. Facts and figures*, 7th edn, Federal Ministry for Justice and Consumer Protection, viewed 16 January 2021. URL : https://www.bmjv.de/SharedDocs/Downloads/DE/Service/Fachpublikationen/Strafrechtspflege_Deutschland.pdf?__blob=publicationFile&v=15.
5. 'Administration of justice. Penal system. Characteristics of prisoners as of the reference date 01.31.2020', *Federal Statistical Office (Destatis)*, viewed 20 January 2021. URL : https://www.destatis.de/DE/Themen/Staat/Justiz-Rechtspflege/Publikationen/Downloads-Strafverfolgung-Strafvollzug/strafvollzug-2100410207004.pdf?__blob=publicationFile.
6. 'Juvenile Court Act', *Federal Office of Justice*, viewed 15 January 2021. URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/jgg/>.
7. Duttge, G. 2020, 'The assessment problem in the operationalization of the debt severity clause (§ 57a StGB)', *Criminal Political Journal*, viewed 22 January 2021. URL : <https://kripoz.de/2020/03/23/das-bemessungsproblem-bei-der-operationalisierung-der-schuldschwereklausel-§-57a-stgb>.
8. *Jurisdiction. BVerfG. 21-06-1977-1 BvL 14/76*, viewed 15 January 2021. URL : <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=21.06.1977&Aktenzeichen=1%20BvL%2014%2F76>.
9. *Decisions of the Federal constitutional court. BVerfGE 117, 71*, viewed 16. January 2021. URL : https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2009/07/rk20090720_2bvr032809.html.
10. Desseker, A. & Gomille, A. 2020, *The execution of life imprisonment. Duration and reasons for termination in 2018*, Wiesbaden, viewed 25 January 2021. URL : https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/67902/ssoar-2020-gomille_et_al-Die_Vollstreckung_lebenslanger_Freiheitsstrafen_Dauer.pdf?sequence=1&isAllowed=y.
11. Jehle, J.-M., Albrecht, H.-J., Hohmann-Fricke, S., & Tetel, C. 2016, *Legal probation after criminal sanctions: a nationwide relapse investigation from 2010 to 2013 and 2004 to 2013*, Forum, Mönchengladbach, viewed 25 January 2021. URL : http://www.bmjv.de/SharedDocs/Downloads/DE/Statistiken/Download/Gesamt_Rueckfall.html.
12. Dessecker, A. 2018, 'Life imprisonment', in B. Maelike & S. Suhling (eds), *The prison under scrutiny. State and future of the prison system*, pp. 351–362, Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Wiesbaden.
13. 'Law on the execution of custodial sentences and custodial measures for reform and security', *Federal Office of Justice*, viewed 20 January 2021. URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/BJNR005810976.html>.
14. *Bavarian penal law*, Law, Bavaria, viewed 15 January 2021. URL : <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayStVollzG?AspxAutoDetectCookieSupport=1>.
15. 'Lower Saxony Correctional Law', *Lower Saxony regulations information system*, viewed 15 January 2021. URL : <http://www.nds-voris.de/jportal/?quelle=jlink&query=JVollzG+ND&psml=bsvorisprod.psml&max=true&aiz=true>.

16. Meier, B.-D. 2018, 'The life sentence de lege ferenda', in B. Hecker, B. Weißer & C. Brand (eds), *Festschrift für Rudolf Rengier zum 70 Geburtstag*, pp. 647–655, C. H. Beck, München.

17. 'Homicide law reform', *Federal Ministry of Justice and Consumer Protection*, viewed 25 January 2021. URL : https://www.bmjv.de/DE/Ministerium/ForschungUndWissenschaft/ReformToetungsdelikte/ReformToetungsdelikte_node.html.

18. 'Law on Outpatient Rehabilitation and Victim Assistance (AROG) of January 21, 2015', *Ministry of Justice*, viewed 25 January 2021. URL : <https://recht.saarland.de/bssl/document/jlr-SozDJGSL2015rahmen>.

19. Desseker, A. 2017, 'Development and future of life imprisonment in Germany', *Forum Strafvollzug* 66, iss. 4, pp. 223–228, viewed 25 January 2021. URL : https://krimpub.krimz.de/frontdoor/deliver/index/docId/147/file/Desseker_FS2017_4.pdf.

УДК 343.244.24(4/9)
DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.192-199

ДИНА НИКОЛАЕВНА САДЧИКОВА,
преподаватель кафедры уголовного права,
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация,
ORCID 0000-0002-1270-7447,
e-mail: dina.0206@mail.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Для цитирования

Садчикова, Д. Н. Принудительные работы как вид уголовного наказания в уголовно-правовых предписаниях зарубежных государств / Д. Н. Садчикова // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 192–199. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.192-199.

Аннотация. Принудительные работы – уникальный вид уголовного наказания в Российской Федерации, не имеющий аналогов в законодательстве ряда зарубежных стран. Вместив в себя характерные признаки отдельных видов «иностранных» уголовных санкций, принудительные работы не нашли закрепления в качестве альтернативы лишению свободы за рубежом. Положительным примером для отечественной практики могут стать законодательные положения, предусматривающие обязательное отбывание принудительного труда осужденных по месту жительства, что обуславливает необходимость увеличения числа исправительных центров соразмерно количеству субъектов Российской Федерации.

Цель работы – исследование зарубежного опыта правового регулирования уголовного наказания в виде принудительных работ, а также его аналогов. Для достижения обозначенной цели изучено содержание норм уголовного законодательства ряда зарубежных государств из разных правовых групп, определяющих особенности регламентации наказаний, по сущностным характеристикам схожих с российскими принудительными работами. Методология исследования сводится к применению диалектического метода научного познания, а также ряда частнонаучных методов, в числе которых сравнительно-правовой, формально-логический, метод правового моделирования и пр.

В результате исследования сделан вывод о том, что на сегодняшний день в мире не существует ни одного государства, в уголовно-правовой системе которого имелось бы наказание, полностью идентичное отечественным принудительным

© Садчикова Д. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

работам. Выявлено, что по ряду отдельных признаков можно судить о схожести подобной альтернативы лишению свободы с иными уголовно-правовыми санкциями. Определена необходимость заимствования опыта отдельных зарубежных государств в части расширения возможности отбывания принудительных работ по месту жительства, выдвинуто предложение об увеличении количества исправительных центров для осужденных. Новизна исследования определяется сформулированными новыми научными положениями по вопросам теоретического осмысления, нормативного регулирования и практической реализации принудительных работ.

Ключевые слова: принудительные работы, уголовное наказание, ограничение свободы, осужденный, труд, карательная сущность, зарубежное законодательство.

Использование принудительного труда осужденных – явление, характерное не только для отечественной уголовно-исполнительной политики. На сегодняшний день в ряде зарубежных государств закреплены и широко применяются наказания, связанные с принудительным трудом [1, с. 152]. Необходимость их изучения обусловливается тем, что именно сравнительное исследование позволит в полной мере продемонстрировать, какие направления отечественного законодательства согласуются с общепризнанными тенденциями, а какие идут вразрез с ними. Выяснение данных положений приобретает особую роль при рассмотрении вопроса о дальнейшем совершенствовании регламентации и правоприменения принудительных работ в Российской Федерации.

В целях проведения предельно результативного сравнительно-правового исследования и выявления ключевых черт сходства и различия российских принудительных работ с «иностранными» трудовыми наказаниями необходимо не только принимать во внимание их официальное толкование, но и проанализировать отдельные, специфические аспекты их практического использования. Такой комплексный анализ способен привести к реальному, наиболее объективному пониманию сущности и специфики исполнения уголовных наказаний, «родственных» отечественным принудительным работам. Исходя из позиций систематизации и удобства исследования, при изучении зарубежного опыта регламентации уголовных санкций, предусматривающих возможность использования принудительного труда преступников, наиболее разумным видится рассматривать их, основываясь на делении иностранных государств на пять логических смысловых групп.

Начиная рассмотрение с первой группы стран – членов Содружества Независимых Государств (СНГ), бывших республик СССР, необходимо отметить, что законодатель указанных государств максимально схожим с отечественными принудительными работами наказанием признает ограничение свободы, о чем говорят его следующие характерные черты:

– место отбывания – преступник направляется в места, которые устанавливаются компетентными органами исполнения наказания (УК Беларуси), а также отбывает ограничение свободы в уголовно-исполнительных учреждениях открытого типа (УК Украины) и специально созданных учреждениях, исключающих социальную изоляцию (УК Азербайджана, Казахстана, Таджикистана);

– минимальный возраст лица, по достижении которого возможно назначение данного наказания (согласно УК Азербайджана ограничение свободы, равно как и принудительные работы в России, назначается лицам только после исполнения им 18 лет);

– условия отбывания наказания – постоянный надзор за осужденными (УК Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Украины);

– исправительный потенциал наказания, выраженный в необходимости обязательного привлечения осужденных к труду (УК Беларуси, Украины);

– аналогичные сроки исполнения наказания, которые варьируются в пределах от 1 года до 5 лет (УК Казахстана, Таджикистана) [2, с. 48].

В большей степени родственный к карательной сущности принудительных работ характер ограничения свободы наблюдается в уголовном праве Республики Беларусь и Украины. Вместе с тем в противовес принудительным работам законодатель этих стран установил гораздо более строгие меры, применяемые к нарушителям в случае неисполнения ими данного наказания. Например, самостоятельный состав преступления, закрепленный в Особенной части УК Украины (ст. 391), предполагает ответственность за действия по злостному неподчинению администрации учреждения, исполняющего уголовное наказание в виде ограничения свободы (к нарушителю порядка применяется наиболее строгая санкция вплоть до трех лет лишения свободы). Перекидывая мостик к специфике российских законодательных мер, предусмотренных за неисполнение принудительных работ, констатируем, что в подобных ситуациях законодатель определил менее репрессивный механизм, установив правило замены данного наказания лишением свободы (ч. 6 ст. 53.1 УК РФ).

Как видно, нельзя говорить о полном отождествлении ограничения свободы с принудительными работами, ведь страны СНГ только частично, фрагментарно воспроизводят признаки изучаемого вида уголовного наказания. Об этом свидетельствует тот факт, что при регламентации ограничения свободы в некоторых странах отсутствует неотъемлемый элемент принудительных работ – обязательное привлечение осужденного к труду (Азербайджан, Таджикистан). Иначе говоря, институт ограничения свободы, закрепленный в законодательных нормах многих стран СНГ, не следует рассматривать как форму отражения российских принудительных работ ввиду существования отдельных, противоречащих их природе положений.

Другая группа стран – бывшие республики СССР, не являющиеся членами СНГ, в своем законодательстве также лишь в некоторой части отражают признаки принудительных работ. Особый интерес в данном аспекте представляет Латвия, которая закрепляет одноименный вид наказания в ст. 40 Уголовного кодекса, подразумевая под ним «принудительное привлечение к общественно необходимым работам», суть которого сводится к неоплачиваемому труду в свободное от трудовой или учебной деятельности осужденного время. При этом Закон говорит, что такие работы должны выполняться «в окрестности места жительства». Исследуемое наказание частично «роднит» с отечественными принудительными работами определенный латвийским Законом круг лиц, которым запрещено его назначать (нетрудоспособные лица и военнослужащие). Однако правовая сущность латвийских принудительных работ, а также сроки их отбывания (от 40 до 280 часов) в совокупности позволяют говорить об их идентичности с другим видом наказания – отечественными обязательными работами.

Более удачным видится сопоставление российских принудительных работ с наказанием в виде ограничения свободы, предусмотренным УК Литвы. Кроме ограничения личной свободы осужденного (выраженного в запрете на самовольную смену места жительства, исполнении возложенных обязанностей и пр.), оно предполагает его обязанность трудиться. Как и в ряде иных государств, строгость литовского ограничения свободы также подчеркивается необходимостью для осужденного отчитываться в специально установленных органах пенитенциарной системы об исполнении соответствующих возложенных на него запретов и обязательств (ч. 3 ст. 48 УК Литвы). Дифференци-

рованный и более прогрессивный характер исследуемого наказания находит отражение в возможности установления для виновного лица одного или нескольких запретов или обязательств. Кроме того, интерес представляет законодательно определенное в УК Литвы положение, допускающее по ходатайству как самого виновного, так и иных участников судопроизводства с согласия суда установить и иные, не обозначенные в законе ограничения. Другими словами, литовский законодатель предоставляет суду определенную свободу при выборе конкретных правоограничений для осужденного, что представляется целесообразным в рамках индивидуализации уголовного наказания. Таким образом, исследуемый вид наказания представляет собой своеобразный «симбиоз» ограничения свободы и принудительных работ. При этом следует обратить внимание на тот факт, что в Литве уголовное наказание в виде ограничения свободы отбывается строго по месту жительства виновного лица.

Следующая группа государств – бывшие страны социалистического лагеря (участницы Варшавского договора). Подробно рассматривая правовые нормы государств обозначенной группы, отметим, что совсем иначе, нежели литовский законодатель, регламентирует специфику ограничения свободы УК Польши, в котором описаны исключительно обязанности виновного лица. Анализ положений ч. 2 ст. 34 УК Польши свидетельствует о том, что при исполнении ограничения свободы осужденному запрещается при отсутствии надлежащего согласия судебных органов переезжать с места проживания. Однако виновный исполняет вверенную ему судом работу, сам процесс выполнения которой достаточно детально регламентирован в рамках ст. 35 УК Польши. Так, законодатель определяет, что указанная работа сводится к бесплатному труду осужденных для достижения социально полезных целей. Период их исполнения варьируется в пределах от 20 до 40 часов в месяц. При этом за трудом виновных осуществляется постоянный контроль со стороны уполномоченных субъектов. В обозначенной норме также закрепляются особенности мест отбывания ограничения свободы. Последние представляют собой выбранные судом предприятия, благотворительные организации, учреждения службы здравоохранения, социальной защиты. Наряду с этим указанные работы могут исполняться и в пользу местной общественности.

Демократичный характер польского ограничения свободы проявляется и в том, что место, время, вид, способ, а также иные вопросы, касающиеся исполнения указанных работ, решаются судом только после учета мнения самого осужденного. Другое отличительное свойство, характерное для данного вида наказания и сближающее его с принудительными работами, состоит в праве суда установить осужденному обязательство по переводу денежной суммы в размере от 10 до 25 % полученного им заработка. Указанные отчисления направляются в государственную казну или на социально полезные цели, также устанавливаемые судом. Важное уточнение заключается в том, что в процессе отбывания изучаемого наказания осужденному категорически воспрещается при отсутствии соответствующего согласия суда перестать выполнять вверенную им работу.

Стоит отметить достойное внимания право суда (при выборе для осужденного ограничения свободы в качестве наказания) установить над виновным контролирующего субъекта, которым выступает куратор, а также другая обладающая доверием личность. Если указанные лица отсутствуют либо в силу объективных причин и условий вверить им осужденного не представляется возможным, такими субъектами могут являться общественные организации, специально функционирующие в целях морально-нравственного воспитания или оказания иной помощи осужденным. Иначе говоря, польский законодатель отводит суду значительную роль при назначении, а также исполне-

нии наказания в виде ограничения свободы, которое по своим характеристикам близко к российским принудительным работам.

Максимально роднит с российскими принудительными работами применяемое в Болгарии обязательное поселение без лишения свободы. На срок от 1 года до 3 лет осужденному устанавливается место проживания с обязательным привлечением к работе. Если виновный признается опасным рецидивистом, обозначенный срок продлевается ему до 5 лет. При этом закон особо подчеркивает необходимость оказания помощи осужденному со стороны соответствующих государственных органов в поиске работы. Как правило, такая помощь сводится к содействию в трудоустройстве осужденного. Так же как и в отношении российских принудительных работ, в случае отказа виновного лица от трудовой деятельности суд может заменить ему обязательное поселение лишением свободы.

В рассматриваемом аспекте интересен опыт Венгрии, применяющей исправительно-воспитательные работы, назначаемые осужденным на срок от 6 месяцев до 2 лет (при совокупности преступлений – до 3 лет) с обязательным финансовым удержанием в размере от 5 до 30 % заработной платы. Вопрос о том, какие именно работы будет выполнять виновный, решает суд [3, с. 180]. Другое присущее венгерскому уголовному законодательству свойство исполнения исправительно-воспитательных работ состоит в том, что суд имеет право установить преступнику альтернативную по своему характеру меру в виде патронажного надзора (с соответствующим испытательным сроком). В отношении указанной меры действует следующий принцип: в случае если лицо грубо нарушает условия патронажа или в любой момент действия патронажного надзора совершает новое преступление, наказание в виде исправительно-воспитательных работ в императивном порядке заменяется ему лишением свободы.

При сопоставлении наказания в виде принудительных работ с иными представляющими интерес для исследования санкциями законодательства стран – бывших участников социалистического лагеря не представляется возможным говорить о наличии в их уголовных системах какого-либо явного аналога. Исследуя аналоги принудительных работ в европейских, азиатских и южноамериканских странах с развитой рыночной экономикой, отметим, что все имеющиеся в них уголовные наказания только по отдельным характеристикам схожи с исследуемым.

Рассматривая детали, хотелось бы отметить, что, например, шотландский законодатель из-за «тюремной перенаселенности» исправительных учреждений предусмотрел санкцию в виде неоплачиваемой трудовой деятельности (сроком до 1 года в пределах от 40 до 240 часов). При этом он закрепил обязательное правило в виде дачи лицом, преступившим закон, согласия на замену тюремного заключения бесплатными работами. Сближает подобное наказание с установленными ст. 53.1 УК РФ принудительными работами его характер, альтернативный лишению свободы.

Законодатель Финляндии также позволяет заменить тюремное заключение бесплатным трудом (до 200 часов в год), который отбывается под строгим надзором специализированных органов – общественных служб. Одним из преимуществ применения данной санкции является вменение суду при ее назначении обязанности учета профессиональных навыков, умений и способностей виновного лица, а также дача самим подсудимым согласия на такую замену.

Много общих черт с российскими принудительными работами имеет закрепленное в уголовном законе Турции легкое заключение, назначаемое сроком от 1 дня до 2 лет и в определенной степени ограничивающее личную свободу осужденных. Трудовой по-

тенциал данного наказания сводится к тому, что в соответствии со ст. 22 УК Турции оно может состоять в выполнении общественных либо муниципальных работ.

Важно отметить, что в ряде современных государств (Аргентина, Доминикана, Северная Корея, Япония и пр.) предусмотрено наказание в виде каторжных работ, отличающееся от ранее рассмотренных с тяжелыми условиями труда. Например, УК Аргентины определяет, что каторжные работы отбываются (пожизненно или на определенный срок) в специально созданных учреждениях в любой сфере, за исключением предприятий частного сектора. Можно с уверенностью утверждать, что специфика каторжных работ определяется их тяжелым, принудительным характером в чрезвычайно жестких, непреносимых условиях труда. Об этом говорит не только сама этимология слова «каторжные», которое еще со времен Римской империи ассоциируется с мучительной подневольной работой, но и позиция аргентинского законодателя, который наряду с данным видом наказания регламентирует обязательные работы для осужденных к тюремному заключению в местах, «отличных от мест, предназначенных для отбывания наказания осужденными к каторжным работам».

Переходя к группе стран прецедентного права (США, Англия), необходимо указать, что в США приобрело широкую популярность и значительное распространение близкое к принудительным работам наказание, именуемое пробацией с интенсивным надзором [4, с. 39]. Необходимость включения пробации в уголовную систему наказаний США задумана в качестве меры, альтернативной тюремному заключению. Такую формулировку использует и российский законодатель при регламентации принудительных работ. Однако принципиально отличается сама процедура пробации, которая сводится к возложению судом на виновное лицо определенных обязанностей, которые исполняются им под наблюдением соответствующей службы. При этом нередко лицу, преступившему закон, вменяют необходимость выполнения неоплачиваемой работы в пользу той или иной публичной или неприбыльной корпорации. Кроме того, пробация очень часто применяется в этой стране как дополнительное наказание к условному лишению свободы.

Институт пробации с интенсивным надзором, практикуемый в США еще с 1982 г., имеет более широкие пределы в сравнении с классической пробацией, что объясняется предоставлением судам свободы в выборе обязательств осужденного, носящих как конкретный характер (отказаться от управления автомобилем), так и более размытые рамки (не злоупотреблять вредными привычками, уклоняться от взаимодействия с маргиналами и пр.). Среди черт пробации с интенсивным надзором, отличающих данную меру уголовной репрессии от принудительных работ, выделяется также обязанность виновного совершить реституцию (возмещение ущерба) пострадавшему лицу, возместить расходы на осуществление контроля над ним и иными методами загладить вину за преступление. Пробация с интенсивным надзором на сегодняшний день показала свою эффективность, в связи с чем она получает все большее распространение и на нее возлагают надежды в плане снижения рецидивной преступности. В США применяется и такая мера, как условное освобождение, при котором виновное лицо считается не имеющим судимости, если выполняет определенные условия. К подобным условиям можно отнести необходимость отработать установленное количество обязательных работ, возложенных на него службой пробации.

В вопросах регламентации принудительного труда осужденных шагнула вперед Англия. Наряду с закреплением института пробации, английский законодатель предусматривает исполнение приговоров к общему труду. Подобная мера применяется взамен кратковременного лишения свободы и сводится к необходимости безвозмездно отра-

ботать в общественных местах (парки, скверы, стадионы, общественные больницы и пр.) от 40 до 240 часов [5, с. 22]. Невзирая на то что организация исполнения данного вида наказания в основном ложится на плечи служб пробации, одним из промежуточных этапов, являющихся обязательным элементом его отбывания, выступают центры посещения. Их функциональные задачи отличаются от соответствующих обязанностей исправительных центров (характерных для принудительных работ) и сводятся прежде всего к исправительному воздействию на виновных (привлечение к занятиям спортом, различными видами искусства и отчасти трудовой деятельности). На первое место при этом выходит необходимость воспитания коллективом путем обязательного и постоянного взаимодействия с группой.

Анализ законодательных норм зарубежных государств позволяет прийти к выводу о том, что ни в одной из мировых стран не существует аналога принудительных работ в чистом виде. Абсолютному большинству государств из каждой рассмотренной группы известны наказания, в той или иной степени содержащие сущностные характеристики принудительных работ. В отличие от российского законодателя, четко обозначившего в нормах УК РФ различия между «трудовыми» наказаниями, в подавляющем большинстве зарубежных стран эти наказания не разграничиваются, характеризуются разрозненностью и размытостью. Об этом говорит и А. Коряк [6, с. 122].

Вместе с тем одним из положительных моментов, который целесообразно было бы учесть российскому законодателю, является описанная в уголовном законодательстве отдельных государств возможность исполнения принудительного труда осужденных при их нахождении в месте постоянного проживания. Эта мера видится наиболее гуманной и приемлемой в условиях необходимости сохранения социальных связей осужденного. Однако созданные в России условия отбывания принудительных работ не позволяют использовать подобную возможность из-за недостаточного количества исправительных центров – специально предназначенных мест исполнения рассматриваемого уголовного наказания. По данным ФСИН России, на сегодняшний день исправительные центры, а также их участки имеются и функционируют лишь в 61 субъекте (URL : <https://pravo.ru/news/213635>), а значит, в 24 субъектах они отсутствуют, что в соответствии с ч. 2 ст. 60.1 УИК РФ предполагает направление осужденных в другой регион для отбывания принудительных работ. Подобная ситуация недопустима, поскольку противоречит законодательно установленному альтернативному характеру данного наказания и превращает его в воплощение существовавшей в советской правовой системе «химии». Отрыв преступника от семьи и близких посредством его направления в отдаленный исправительный центр другого региона негативным образом влияет на его правосознание, препятствуя процессу исправления. Полагаем, что увеличение числа исправительных центров с их размещением в каждом регионе России позволит решить указанную проблему, максимально реализовать воспитательный потенциал принудительных работ и обеспечить их соответствие международным пенитенциарным тенденциям.

Библиографический список

1. Кадырова Н. Н. Система уголовных наказаний в зарубежных государствах // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 3. С. 151–154.
2. Барков Л. А. Ограничение свободы в современном уголовном законодательстве стран СНГ // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 29. С. 48–52.

3. Тепляшин П. В. Восточно-европейский тип пенитенциарных систем // *Lex Russica*. 2017. № 3(124). С. 176–194.

4. Стромов В. Ю. Система наказаний в законодательстве зарубежных стран в контексте эффективности предупредительного воздействия // *Вестник Тамбовского университета*. 2016. № 2. С. 39–47.

5. Родионов А. В. Международный опыт организации труда осужденных (на примере Англии и Уэльса) // *Бизнес. Образование. Право*. 2016. № 4. С. 22–25.

6. Коряк А. Зарубежный опыт правового регулирования наказаний в виде обязательных, исправительных и принудительных работ // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 2-2. С. 120–124.

УДК 316.6

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.200-209

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ СУХОВ,
доктор психологических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации,
заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Для цитирования

Сухов, А. Н. Из истории становления социальной конфликтологии / А. Н. Сухов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 200–209. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.200-209.

Аннотация. В статье рассматривается сущность социально-психологического подхода к пониманию конфликтов. Объективно представлена и восстановлена хронология развития социальной конфликтологии в полном объеме с учетом вклада тех исследователей, которые стояли у ее истоков. Предмет теории социальной конфликтологии включает в себя закономерности возникновения и проявления конфликтов. В статье анализируются трудности, имеющие место при определении понятия, структуры, динамики и классификации социальных конфликтов. Социальная конфликтология интенсивно развивается: созданы общетеоретические предпосылки и основания для ее стройной теории. Она способствует разработке оптимальной социальной политики и профессиональной подготовке социальных работников.

Ключевые слова: конфликт, социальная напряженность, социальная конфликтология, конфликтологическая компетентность, социальная политика, профессиональная подготовка.

Теоретические предпосылки и сущность проблемы. Процесс уточнения предмета социальной конфликтологии происходил на всех этапах ее становления как науки: в период накопления научных знаний в сфере философии; в ходе выделения описательной социальной конфликтологии в самостоятельную область знания; во время оформления социальной конфликтологии в науку, как таковую, со всеми присущими ей атрибутами. В связи с этим целью статьи являлись уточнение предмета социальной конфликтологии и создание полноценной теории социальных конфликтов.

© Сухов А. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Этапы становления социальной конфликтологии. Термин «социология конфликта» впервые ввел немецкий философ и социолог Г. Зиммель (1858–1918 гг.). В современной социальной психологии и социологии понятие «конфликтология» собирательное, употребляемое для обозначения особой области исследований. Пока эта теория носит характер «среднего ранга», в то же время она претендует на статус общепсихологической теории. С середины 1920-х гг. интерес к теоретическому анализу проблем конфликта значительно снизился, но с начала 1940-х гг. снова возрос. Попытка возрождения теории конфликтов связана с именем Т. Парсонса (1902–1979 гг.). С момента становления западной социальной психологии и социологии степень интереса к исследованию конфликта значительно варьировалась – от признания важности и позитивной ценности конфликта в конце XIX – начале XX в. (Г. Зиммель) до минимального внимания к нему со стороны социальных аналитиков и попытки создания специальной дисциплины о конфликтах – конфликтологии (Р. Дарендорф, Х. Крисмански и др.) [24, 30].

За рубежом проблема конфликта изучается в рамках различных научных школ: социал-дарвинизма, психоанализа, гештальтпсихологии, интеракционизма, когнитивизма, математического моделирования, теории игр и др. О широте исследования этой проблемы в западных странах говорят следующие обстоятельства. В США по данной тематике издаются специальные журналы, в частности «Проблемы разрешения конфликтных ситуаций». Имеются специальные научные учреждения, которые занимаются изучением только проблемы конфликтов. Кроме того, при Мичиганском университете функционирует Центр по исследованию конфликтов, который координирует все разработки, проводимые в этом направлении. В Англии создан Лондонский институт по изучению международных конфликтов, готовятся профессиональные конфликтологи. Однако теория конфликта в США, европейских странах не представляет какой-либо единой концепции, а выступает в виде разрозненных взглядов. Среди них наибольшую известность получили концепции позитивно-функционального конфликта Л. Козера [14], конфликтная модель общества Р. Дарендорфа, общая теория конфликта К. Боулдинга [4].

Актуальность и социальная значимость изучения конфликтов привлекла к этой проблеме внимание ЮНЕСКО. Далее события развивались в хронологической последовательности. Проблеме конфликтов было посвящено Парижское заседание Социологической ассоциации при ЮНЕСКО в 1957 г. В 1960-х гг. в Мичиганском университете был создан Центр по исследованию конфликтных ситуаций, начавший издание журнала по этой проблематике. Вслед за этим специальные научные организации, ставящие целью изучение конфликтов, стали возникать и в других странах.

В 1970-х гг. в США разворачивается деятельность ряда конфликтологических центров при военных и других организациях. В настоящее время их внимание сосредоточено на гибридных конфликтах. Конфликтологию преподают в 150 колледжах и университетах США, выпускники по этой специальности получают степень магистра наук. В связи с объявлением Организацией Объединенных Наций 1986 г. годом мира в Австралии был создан Международный центр разрешения конфликтов. Его задачами стали практическая работа в этой области, обучение искусству урегулирования конфликтов. Конфликтологические центры с аналогичными задачами возникают и во многих других странах.

На сегодняшний день имеется острая необходимость связать в систему те исследования, которые ведутся в рамках различных наук: биологии, искусствоведения, математики, педагогики, политологии, правоведения, разных отраслей психологии, социологии, философии и некоторых других наук, например психиатрии, военных наук.

Создание такой комплексной науки о конфликтах не только желательно и возможно, но и необходимо [24].

Предмет социальной конфликтологии. Предметом конфликтологии являются общие закономерности возникновения, развития и разрешения конфликтов. Ее интересуют в основном два типа конфликтов: внутриличностные и социальные. К главным видам конфликтов относятся: внутриличностные, межличностные, конфликты между малыми, средними и большими социальными группами, международные конфликты между отдельными государствами и коалициями. Однако в реальной жизни редко можно встретить конфликты в чистом виде.

Концептуальные основы социальной конфликтологии. В контексте изложенного есть необходимость более детально рассмотреть парадигмальные, в том числе концептуальные, основы социальной конфликтологии, которая является не декларативной, а реально главной составляющей современной конфликтологии. Конфликтная модель общества получила развитие в 1950–1960-е гг. в странах Западной Европы и США. Противоборство (в явных или латентных формах) – универсальное и доминирующее свойство общественных отношений. «Если в вашей жизни нет конфликтов, проверьте, есть ли у вас пульс», – иронизирует американский конфликтолог Ч. Ликсон. Ученые справедливо полагали, что бесконфликтное общество нереально и искусственно. Мысль о том, что идеальное общество может представлять собой «полную гармонию» без напряженностей, – не более чем мечта, от которой лучше избавиться.

Конфликтная модель общества. Разработчиками конфликтной модели развития общества являются классики конфликтологии. Это немецкий социолог Р. Дарендорф – автор конфликтной модели общества и американский социолог Л. Козер, рассмотревший концепцию позитивно-функционального конфликта [14].

Р. Дарендорф считал не отношения собственности, а отношения господства и подчинения присущими любому обществу, неизбежно вызывающему конфликт. В своих трудах «Классы и классовые конфликты в индустриальном обществе» (1957 г.), «Современный социальный конфликт» (1988 г.) он рассматривает конфликт как главную категорию социологии. Для него конфликт – естественное состояние общества, его отсутствие он квалифицирует как ненормальное явление.

Р. Дарендорф разработал свою социологическую концепцию конфликта и назвал ее теорией конфликта. Основные положения теории конфликта:

- общество представляет собой систему конфликтующих групп;
- конфликт – это не только атрибут, но и источник позитивных изменений общества;
- причиной конфликтности являются властные отношения, господство одних над другими;
- общность и различия интересов и потребностей людей по мере их осознания ведут к образованию разного рода организационных структур: профсоюзов, партий, лоббистских объединений;
- конфликты неизбежны, универсальны, никогда не исчезают, поэтому правильнее говорить не о разрешении, а об урегулировании конфликтов.

Классическим произведением современной конфликтологии стала работа американского социолога Л. Козера «Функции социального конфликта» (1956 г.) [14]. Развивая идеи предшественников о всеобщности и универсальности конфликта, Л. Козер обосновал позитивную роль конфликтного взаимодействия в жизнедеятельности общества. Возникновение конфликтов в обществе он объясняет как следствие неудовлетворения потребностей различных социальных групп, касающихся распределения власти,

богатства, статуса. Объективное социальное неравенство определяет неравенство в удовлетворении потребностей. Сформулированные им положения стали теоретическим фундаментом современной конфликтологии:

– постоянно действующим источником социальных конфликтов является неустранимый дефицит ресурсов, власти, ценностей, престижа, обуславливающих определенную напряженность, время от времени провоцирующих конфликт;

– функции конфликта можно дифференцировать на положительные, конструктивные (присущи демократическому, открытому обществу) и отрицательные, деструктивные, носящие разрушительный, революционно-насильственный характер (свойственны недемократическому, закрытому обществу);

– задача конфликтологии состоит в разработке рекомендаций по локализации и ограничению негативных проявлений и использованию позитивных функций конфликтов. Чтобы понять природу конфликтов, необходимо уяснить природу социальных интересов и потребностей. Конфликт по сути является одним из видов социального взаимодействия людей, больших и малых групп. Он охватывает все сферы жизнедеятельности, всю совокупность социальных отношений. Таким образом, вскрываются общие причины конфликтов и пути их разрешения.

В настоящее время теория психоанализа не представляет весомой ценности для социальной конфликтологии, тем не менее сбрасывать ее со счетов не следует ни в коем случае. Ученики З. Фрейда создали школу социального психоанализа, который, несомненно, представляет гораздо большую ценность для социальной конфликтологии. Последователь Фрейда швейцарский психолог К. Юнг (1875–1961 гг.) основал школу аналитической психологии, точнее, социального психоанализа. Им выдвинуто положение о существовании коллективного бессознательного, обуславливающего межгрупповые конфликты [32].

Социально-психологический аспект конфликтологии. Теория конфликтов во многом обязана социальной психологии с момента ее рождения. Это правда. Дело в том, что возникновение самой социальной психологии связано с необходимостью объяснения природы конфликтов.

В 1876 г. В. Х. Кандинский произвел анализ явлений конформизма и психического индуцирования массовых экстатических состояний, иначе говоря, конфликтов в рамках действующей агрессивной толпы [12]. В 1893 г. А. А. Токарский в докладе «Психические эпидемии» трактовал их как формы массового коллективного поведения. К ним он отнес народные волнения, религиозные движения и явления паники [33]. С. С. Корсаков писал о психических эпидемиях в связи с анализом индуцированного помешательства и отмечал близость этих явлений [19]. В 1897 г. В. М. Бехтерев произвел дифференциацию тех форм общения, которые характерны для коллективных, массовых его проявлений в виде психических «эпидемий» [3].

В годы первой русской революции стал актуальным вопрос о массовых преступлениях. Предметом исследования Д. Д. Безсонова была психология толпы. В ее характеристику он ввел понятия пассивности и активности: «С психологической стороны должно различать толпу пассивную (выжидающую) и толпу активную (действующую)». Все это имеет прямое отношение к определенным видам конфликтов. Проблема толпы довольно долго рассматривалась в русле традиционной теории внеколлективного поведения (Ю. А. Шерковин, Г. М. Андреева, А. В. Серегин) и массовых эксцессов. Что касается истории исследования групповых эксцессов, то ее начало связано с работой Г. А. Туманова (1974 г.).

Получается, что социальная психология и теория социальных конфликтов друг без друга не могут обойтись уже на протяжении более сотни лет. В то же время следует особо подчеркнуть, что перед социальной психологией стоит задача не по разработке технологий по осуществлению искусственных, навязанных извне цветных революций, а в превенции реальных массовых деструктивных конфликтов. Дело в том, что социальная конфликтология не только составная, но и основная часть конфликтологии. Однако пока нет универсальной, строго операциональной дефиниции, которая учитывала бы все многообразие социальных конфликтов, начиная от внутриличностного и заканчивая массовыми.

Реальное состояние отечественной социальной конфликтологии. В нашей стране изучение конфликтов осуществлялось в советское время главным образом в русле марксистской теории классово-борьбы. Официальная идеология утверждала, что при социализме могут существовать только неантагонистические противоречия и нет условий для возникновения социальных конфликтов. В силу этого проблема конфликтов рассматривалась в основном в плане критики пороков капитализма. С середины 1920-х до конца 1940-х гг. никакой работы по изучению конфликта не велось. Начиная с 1950-х гг. постепенно стали все чаще появляться в печати публикации, касающиеся отдельных видов конфликтов в трудовых организациях, произведениях искусства, международных отношениях, в педагогическом процессе, спорте, служебных и семейных отношениях. Однако общая теория конфликта оставалась запретной областью и упоминалась только в целях «разоблачения лжеизмышлений» буржуазных ученых и философов. Так, З. Фрейда буквально клеймили, но это не помешало тем же лицам позже канонизировать его.

Нельзя сказать, что проблема конфликтов в СССР находилась в центре внимания. Наоборот, она практически была под запретом, хотя в рамках марксизма-ленинизма ей уделялось немалое внимание, но дальше деклараций и лозунгов дело не шло. Одна лексика в этом контексте чего стоит! Так, приходилось в соответствующих публикациях употреблять словосочетание «внеколлективное поведение» вместо «массовые беспорядки» и т. д. Примеры можно продолжать. В связи с этим отметим, что история исследования конфликтов в России носит далеко не однозначный и прямолинейный характер.

Проблема конфликтов с 1949 по 2012 год так или иначе была затронута в 1555 диссертациях отечественных ученых. За 77 лет (с 1924 по 2001 год) на русском языке опубликовано более 3000 работ, посвященных изучению конфликтов, из них большинство увидело свет в последние годы ушедшего тысячелетия. Этот подъем продолжается. В настоящее время идет анализ и освоение зарубежного опыта, появляются оригинальные теоретические и методические разработки социальных, психологических, юридических аспектов конфликта. В середине 1990-х гг. издается монография А. Г. Здравомыслова «Социология конфликта» (1995 г.), обобщающая результаты зарубежных и отечественных исследований и дающая на этой теоретической базе анализ конфликтов в современном российском обществе. В это время выходят в свет первые отечественные учебники по конфликтологии.

Без всякого преувеличения можно констатировать, что с 1990-гг. наблюдался всплеск конфликтологических исследований. Так, в учебном пособии «Социальная психология», переизданном с 2001 г. более 20 раз, всегда был и остается раздел о социальной напряженности и конфликтах, а также различных видах кризиса [30]. Социально-психологическая сущность социального кризиса состоит в массовой социальной дезадаптации, то есть напряженности [29].

В начале 1990-х гг. нами сформулированы понятие, структура, уровень, факторы и механизм возникновения, функции, формы проявления социальной напряженности и изложена своя интерпретация этого явления в ряде периодических изданий [27]. В 1990-е гг. мы не только занимались разработкой теории социальной напряженности, но и проводили эмпирические исследования данной проблемы [24, 27, 30]. Интересные попытки собрать в рамках социальной психологии общую модель конфликта предпринимались иными отечественными исследователями: А. А. Ершовым, А. Петровской, Ф. М. Бородкиным, Н. М. Коряк, Н. В. Гришиной и др. [13]. В феврале 1992 г. при Институте социологии АН СССР создан Центр конфликтологии.

По мнению многих авторов, отечественная школа конфликтологии сложилась в 1990-е гг., однако с этим согласиться никак нельзя. В середине 1970-х гг. нами защищена закрытая кандидатская диссертация «Проблема конфликтов в первичных коллективах осужденных» (1978 г.) [25], подготовлен целый ряд публикаций по рассматриваемой теме. Кстати, изучением конфликтов в это время занимались и другие коллеги в правоохранительной сфере. В самом начале 1990-х гг. нами была защищена докторская диссертация о криминогенном общении (1991 г.). В ней также шла речь о межличностных, групповых конфликтах, массовых эксцессах, беспорядках. Концептуальной основой обоснования криминогенного общения выступила сформулированная нами теория деформации. Хронологический анализ показывает, что это была первая кандидатская диссертация по теме, связанной с криминальными конфликтами. Мы выступили в качестве соавтора советско-европейской монографии, тираж которой был, к сожалению, уничтожен. Книга так и не вышла в свет.

В юридической психологии исследованием конфликтов занимались А. Д. Глоточкин, А. Г. Ковалев, В. Ф. Пирожков, К. К. Платонов, И. Б. Пономарев, А. В. Усс и др. Например, М. И. Еникеевым и В. И. Васильевым, а также В. Н. Кудрявцевым были подготовлены и изданы несколько самостоятельных вариантов учебного пособия «Юридическая конфликтология» (1995 г.). В настоящее время в России, как и во многих странах мира, созданы научные центры, издается специальная литература, проводятся конференции по конфликтологии, в учебных заведениях готовят конфликтологов.

Конфликтология акцентирует причины возникновения противоречий в системе отношений индивидов и групп, условия их перерастания в конфликты, пути предупреждения и методы урегулирования конфликтов в современной России. Нельзя не сказать об изданиях по конфликтологии. Вне всякого сомнения они заслуживают позитивной оценки. Имеются в виду соответствующие работы А. Я. Анцупова, А. Г. Большакова, С. А. Войтова, Н. В. Гришиной, С. М. Емельянова, Г. И. Козырева, А. И. Шпилова и др. [1, 2, 8].

Однако перечень основных направлений современной отечественной конфликтологии на этом не заканчивается. В последнее время резко возросла потребность в разработке социальной конфликтологии. Ее актуальность связана не только с мировыми, международными, но и с внутренними проблемами и вызовами. В этом плане заслуживают особого внимания исследования, связанные с изучением социальной напряженности, кризисов, цветных революций, гибридных войн, массовых протестных выступлений и т. д.

Долгое время предметное поле деятельности социальной психологии старательно отгораживалось от явлений, связанных с конфликтами, законами «перевернутого мира», деформации. Эти проблемы оставались «запретной зоной», были недоступными для социальной психологии, что обедняло понимание ее предмета. Тем не менее анализ имеющихся данных позволяет сделать вывод о том, что социально-

психологические явления, в том числе социальные конфликты, имеют различную природу, так как возникают и проявляются на разных уровнях (макро-, среднем и микро-), в различных сферах (государство, экономика, общество, отдельная личность) и условиях (нормальные, осложненные и экстремальные). Не принимать во внимание это обстоятельство – значит совершать серьезную теоретическую ошибку в понимании социальных конфликтов [30].

На наш взгляд, социально-психологический подход, ориентирующий на анализ и понимание как конструктивных, так и деструктивных социальных конфликтов, возникающих на личностном, групповом, семейном, организационном, мезо-, макро-, то есть массовом, уровнях, в различных сферах и условиях позволяет сформулировать предмет социальной конфликтологии. Им является изучение закономерностей возникновения, функционирования и проявления как конструктивных, так и деструктивных социальных конфликтов, в том числе гибридных, возникающих на макро-, среднем и микроуровне в различных сферах (политика, экономика и общество), в нормальных, осложненных и экстремальных условиях. Собственно говоря, это предмет только одной из частей социальной конфликтологии, ее теоретической области [24].

Следует особо подчеркнуть, что до сих пор крайне малое внимание уделяется конструктивным социальным конфликтам, без которых нельзя представить достижение успеха, карьерного роста, развитие личности, групп, семьи, организаций и общества в целом. Это явный пробел как в теории, так и в практике в отечественной конфликтологии [24].

Традиционное сведение социальных конфликтов только к деструктивным явлениям дает о себе знать и поныне. Данный подход имеет свое глубокое историческое прошлое, но должен уйти навсегда из теории и практики отечественной конфликтологии. Негативные последствия игнорирования этого факта колоссальны. Конструктивные социальные конфликты должны занять соответствующее место не только в конфликтологии, но и в сфере политики, экономики и общества.

Предмет прикладной социальной конфликтологии складывается из закономерностей социально-психологической диагностики, консультирования и социально-психологических технологий урегулирования и разрешения конфликтов. Если объединить предмет социально-психологической теории конфликтов и прикладной социальной конфликтологии, то образуется предмет современной социальной конфликтологии [24]. Таким образом, социальная конфликтология должна состоять из двух частей: теории и прикладной социальной конфликтологии. В свою очередь, последняя обязана включать в себя диагностику и технологии превенции, урегулирования и разрешения социальных конфликтов, а также развития конфликтологической компетентности. Что касается теории социальных конфликтов, то ее нельзя представить вне связи с социальной напряженностью и различными видами массового кризиса, в основе которых лежит массовая деформация. Пока учебников по социальной конфликтологии в таком формате нет, но наверняка они появятся.

В 1990-х гг. в нашей стране с помощью российско-американской программы по конфликтологии, в рамках которой было организовано обучение конфликтологов-медиаторов, вошла в обиход и практика медиаторства. На этой основе в Санкт-Петербурге в 1993 г. был открыт первый в России центр разрешения конфликтов. В 1997 г. созданный ранее Клуб конфликтологов, объединивший профессиональных конфликтологов-медиаторов, возобновил свою деятельность. В настоящее время конфликтология представляет собой область профессиональной деятельности, требующей специальной подготовки, знаний и умений. Специалисты-конфликтологи ведут исследовательскую и практическую работу в научных институтах и конфликтологических центрах, адми-

нистративных и юридических учреждениях, управлениях корпораций и дипломатических ведомствах. Накопился обширный фонд конфликтологической литературы. Конфликтология включается в программы обучения психологов, социологов, журналистов, юристов, социальных работников, менеджеров в качестве особой учебной дисциплины. Существуют колледжи и университеты, выпускающие конфликтологов, есть система международной сертификации конфликтологов-медиаторов [24].

В настоящее время мы являемся свидетелями бума, связанного с проблемой конфликта. Переведены и изданы многие зарубежные источники, вышли в свет отечественные издания по конфликтологии, в том числе библиографический указатель. Созданы специальные центры и лаборатории по прикладной конфликтологии. В свое время в Санкт-Петербурге Институтом «Гармония» ежегодно проводились конференции по разрешению конфликтов, такое практиковалось и в Белгородском педагогическом университете. Защищаются докторские и кандидатские диссертации по конфликтам. Началась подготовка практических специалистов по урегулированию конфликтов (имеется в виду обучение переговорщиков). Читаются специальные курсы по конфликтологии. Совместно с зарубежными коллегами проводятся совместные мероприятия. В то же время ситуация остается по существу неизменной, хотя практически каждый второй психолог и другие специалисты считают себя конфликтологами. Социальную конфликтологию нельзя сводить к психологии конфликтов. Это далеко не одно и то же. Однако данная ошибка присутствует и в соответствующих публикациях, и в устных докладах. Практика урегулирования и разрешения конфликтов по-прежнему мало соединена с теорией [24]. Однако как бы то ни было, специалисты в области конфликтов не могут снимать с себя ответственности за разрыв между теорией и практикой разрешения конфликтов. Во многом осложняют более или менее устоявшее понимание и формулирование конфликтов такие их разновидности, как управляемый, а также гибридный конфликт.

Управляемые и гибридные конфликты связаны не с традиционным, а с современным подходом к пониманию и использованию как их структуры, так и динамики. Имеет место чрезвычайно много так называемых инноваций, связанных с моделью конфликтного взаимодействия сторон. Например, использование современных специальных средств и технологий позволяет одной из сторон прикрывать и «легендировать» истинные цели и создавать ситуацию невозможности ответных действий. На самом деле ничего общего управляемые и гибридные конфликты с деэскалацией, урегулированием и разрешением конфликтов не имеют. Напротив, это прикрытая эскалация конфликтов. Они связаны напрямую с подготовкой и осуществлением цветных революций [24].

Заключение. В целях повышения конфликтологической компетентности специалистов, занимающихся проблемой конфликтов, целесообразно скоординировать усилия конфликтологов на основе создания специальных изданий и ассоциации. Наиболее важной задачей является создание полноценной теории социальных конфликтов и на этой основе – социальной конфликтологии. Без этого невозможно вести речь об эффективном урегулировании и разрешении социальных конфликтов. Разрыв между теорией и практикой урегулирования социальных конфликтов продолжает оставаться. Об этом свидетельствуют, в частности, события, имевшие место в ходе президентских выборов в США.

Выводы

1. Социальная конфликтология интенсивно развивается: созданы общетеоретический каркас, контур, скелет, если можно так сказать, проблемы. Подготовленное нами и изданное в 2021 г. учебное пособие «Социальная конфликтология» – тому подтверждение.

2. Необходимо повышать конфликтологическую компетентность среди различных социальных групп, в том числе социальных работников, в целях урегулирования и разрешения конфликтов.

3. Основным подходом к обеспечению урегулирования социальных конфликтов должна стать их социальная превенция.

Перспективы. Социальная конфликтология – составная часть конфликтологии. Предстоит еще немало сделать как в теоретическом, так и в прикладном плане для ее полного оформления. В связи с этим должны быть детально исследованы такие виды конфликтов, как внутриличностные, межличностные, групповые, семейные, корпоративные, региональные и т. д. Без всякого сомнения, становление социальной конфликтологии окажет позитивное влияние на развитие реальной социальной политики и эффективность профессиональной подготовки социальных работников.

Библиографический список

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учебник СПб. : Питер, 2015. 528 с.
2. Анцупов А. Я., Прошанов С. Л. Российская конфликтология. Указатель 1555 диссертаций отечественных ученых (1949–2012 годы). М. : ТАСТ, 2013. 244 с.
3. Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни: речь, произнесенная в Императорской Военно-медицинской академии. СПб. : К. Л. Риккер, 1898. 53 с.
4. Боулдинг К. Конфликт и защита. Общая теория. Нью-Йорк : Харпер, 1963. 372 с.
5. Большаков А. Г., Несмелова М. Ю. Конфликтология организаций : учеб. пособие. М., 2001. 182 с.
6. Войтова С. А., Зубань Е. Н. Конфликтология. СПб., 1992. 84 с.
7. Ворожейкин И. Е., Кибанов А. Я., Захаров Д. К. Конфликтология : учебник. М. : ИНФРА-М, 2000. 240 с.
8. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд., перераб. СПб. : Питер, 2006. 544 с.
9. Громова О. Н. Конфликтология : курс лекций. М. : Тандем ; ЭКМОС, 2000. 345 с.
10. Зайцев А. К. Социальный конфликт. М. : Academia, 2001. 463 с.
11. Иванова О. А., Суртаева Н. Н. Конфликтология в социальной работе : учеб. и практ. для академ. бакалавриата. Люберцы : Юрайт, 2016. 282 с.
12. Общепонятные психологические этюды Виктора Кандинского. I. Очерк прежних и современных воззрений на психическую жизнь человека и животных. II. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии. М. : А. Ланг, 1881. 236 с.
13. Кильмашкина Т. Н. Конфликтология. Социальные конфликты : учебник. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2013. 287 с.
14. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2008. 205 с.
15. Козырев Г. И. Введение в конфликтологию. М. : Владос, 2000. 320 с.
16. Конфликтология / под ред. А. С. Кармина. СПб. : Лань, 1999. 448 с.
17. Конфликтология для XXI века: наука – образование – практика : материалы Санкт-Петербургского Междунар. форума. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. 772 с.
18. Корнелиус Х., Фейр Ш. Выиграть может каждый. М. : Стрингер, 1992. 212 с.
19. Корсаков С. С. Курс психиатрии. 2-е изд. М., 1901.
20. Рубин Д. Социальный конфликт. Эскалация, тупик, разрешение. Секреты убеждения. М. : Прайм-Еврознак, 2010. 352 с.
21. Социальная психология / под ред. А. Н. Сухова. 8-е изд. М. : Юнити, 2017. 367 с.

-
22. Социальный конфликт: современные исследования : реферат. сб. / под ред. Н. Л. Полякова. М. : ИНИОН, 1991. 114 с.
23. Степаненкова В. М. Понятие социального конфликта в теории Р. Дарендорфа // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 141–142.
24. Сухов А. Н. Социальная конфликтология: теоретико-исторический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 300–304.
25. Сухов А. Н. Конфликты в первичных коллективах осужденных. Рязань : РВШ МВД РФ, 1978. 72 с.
26. Сухов А. Н. Криминогенное общение в среде осужденных. Рязань : РВШ МВД РФ, 1993. 134 с.
27. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности. М. : Academia, 2002. 256 с.
28. Сухов А. Н. Внутриличностный конфликт: конструктивный аспект // Человеческий капитал. 2020. № 10(142). С. 171–178.
29. Сухов А. Н. Социально-психологический подход к пониманию массового кризиса // Человеческий капитал. 2015. № 10(82). С. 6–9
30. Сухов А. Н., Гераськина М. Г. Социальная психология / под ред. А. Н. Сухова. 8-е изд. М. : Юнити, 2017. 367 с.
31. Шильцова Ю. В. К вопросу о пионерах в области развития отечественной конфликтологии // Молодой ученый. 2020. № 33(323). С. 81–83.
32. Юнг К. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 297 с.
33. Токарский А. А. Психические эпидемии // Вопросы философии и психологии. 1891. № 5(20). С. 203–223.

УДК 343.847

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.210-217

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НИКИТИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Университет ФСИН России,
г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация,
е-mail: dima60-62@yandex.ru;

БОРИС ПАВЛОВИЧ КОЗАЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент Института Академии ФСИН России
по кафедре уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
е-mail: boriskozachenko@mail.ru;

ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА КАРХАНИНА,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
е-mail: ludakarhanina@mail.ru

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

Для цитирования

Никитин, Д. А. Развитие отечественного законодательства в сфере назначения и исполнения в отношении несовершеннолетних осужденных наказаний, не связанных с изоляцией от общества / Д. А. Никитин, Б. П. Козаченко, Л. В. Карханина // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 210–217. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.210-217.

Аннотация. В статье проводится краткий анализ развития национального законодательства в сфере применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, начиная с периода Древней Руси и заканчивая постсоветским временем. Авторы приходят к выводу о том, что до начала XVIII века в России практически не прослеживаются особенности привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних осужденных и исполнения назначенных им наказаний. Советский период характеризуется, с одной стороны, смягчением карательной политики государства в отношении несовершеннолетних, с другой – значительным усилением уголовной ответственности

© Никитин Д. А., Козаченко Б. П., Карханина Л. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

в отношении рассматриваемой категории лиц в период Великой Отечественной войны. В это время наблюдаются различия в порядке и условиях исполнения наказаний без изоляции от общества в отношении взрослых и несовершеннолетних осужденных. Послевоенное время вновь отмечено смягчением ответственности лиц, не достигших совершеннолетия: сокращается применение к ним наказания в виде лишения свободы и расширяется применение мер, не связанных с изоляцией осужденных от общества, что продолжается и в постсоветский период.

Ключевые слова: наказания, не связанные с изоляцией от общества, несовершеннолетние осужденные, уголовно-исполнительное законодательство, исполнение наказаний, исторический анализ законодательства.

Становление и развитие уголовных наказаний для несовершеннолетних в России происходило на протяжении достаточно долгого исторического периода. На каждом его этапе формирование уголовной, уголовно-исполнительной политики и законодательства, регламентирующего ответственность правонарушителей, осуществлялось при особом влиянии как внешних, так и внутренних факторов. Этот процесс соответственно воздействовал на применение наказаний, в том числе в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. Так, еще в Древней Руси особая роль в воспитании несовершеннолетних отводилась родителям, которым предоставлялись широкие права отеческой власти. Фактически государство отказывалось от привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних и передавало их на воспитание семье или особым воспитательным учреждениям и приютам [8, с. 47]. В период существования Киевской Руси действовали нормы права, которые предусматривали ответственность не только преступника, но и всех членов его семьи, в том числе невинных детей. Такое положение устанавливали нормы Русской Правды в ст. 7, принятой около 1072 г.

Одним из самых первых наказаний, которое можно в настоящее время определить как не связанное с лишением свободы, в действовавшем законодательстве России являлся штраф. Этот вид наказания возник с появлением государственности. Плата в пользу потерпевшего существовала наряду с вирами, продажами, которые обращались в пользу государства. Преступник был обязан выплатить определенную сумму и в дальнейшем освобождался от каких-либо других наказаний (X–XVI вв.) [5, с. 80]. В принятых позднее законодательных актах, в частности в Судебнике Ивана III (1497 г.), минимальный возраст наступления уголовной ответственности также не был определен. Однако поскольку преступление определялось не только как правонарушение, но и как грех перед Богом, то данный вопрос решался со ссылкой на позицию Русской Православной Церкви (РПЦ). Согласно каноническим постановлениям РПЦ человек начинал грешить с 7 лет, поэтому именно с этого возраста лицо могло быть субъектом преступления и нести ответственность за его совершение. Вместе с тем несовершеннолетним вместо смертной казни назначались иные наказания [7, с. 12].

Для Российского государства характерно то, что на протяжении многих веков уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних и взрослых правонарушителей были одинаковыми. Телесные наказания, тюремное заключение и смертная казнь оставались основными видами кары и практиковались в том числе в отношении лиц несовершеннолетнего возраста. Соборное уложение 1649 г. устанавливало равную ответственность несовершеннолетних и взрослых (в Московском государстве суд и расправа во всяких делах всем равны). К несовершеннолетнему за убийство своих

родителей могло применяться наказание в виде смертной казни. До начала XVIII в. в законодательстве не прослеживались отличия в привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних, следовательно, не могло быть и речи об особенностях исполнения наказаний в отношении указанных лиц.

Динамичное становление, научное и законодательное формирование специального уголовно-правового статуса несовершеннолетних, а также иных мер, альтернативных лишению свободы, началось с XX в. Так, в 1911 г. в царской России были созданы и активно действовали суды по делам несовершеннолетних. Они были сохранены после революции 1917 г. и продолжали функционировать в рамках, предусмотренных для них сохранившимися уголовными и уголовно-процессуальными законами [6, с. 37]. Следовательно, отечественное законодательство дореволюционного периода предусматривало наличие для несовершеннолетних правонарушителей некоторых мер, альтернативных тюремному заключению. Следует отметить, что с начала XVIII в. в России наблюдается распространение гуманистических взглядов, существенно повлиявших на дальнейшую разработку уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Все последующие преобразования судебной системы по делам несовершеннолетних начались с января 1918 г. с изданием Декрета СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних», положения которого устанавливали, что суд и тюремное заключение для лиц, не достигших совершеннолетия, отменяются. Рассмотрение противоправных деяний несовершеннолетних в возрасте до 17 лет возлагалось на комиссии для несовершеннолетних. Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» продолжил начатые преобразования. В декрете закреплялось положение о том, что уголовное дело несовершеннолетнего осужденного, к которому по каким-либо причинам не могли быть применены меры медико-педагогического воздействия, комиссия направляла в народный суд.

Впоследствии было принято постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР», где содержались новые правила о том, что наказание не должно применяться к малолетним правонарушителям в возрасте до 14 лет и ко всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия. УК РСФСР 1922 г. в ст. 32 устанавливал следующие виды наказаний, не связанных с лишением свободы, которые могли применяться к лицам, не достигшим совершеннолетия:

1. В соответствии со ст. 35 УК РСФСР 1922 г. это были принудительные работы (назначались на срок от 7 дней до 1 года). Их исполнение согласно ст. 23 Исправительно-трудового кодекса РСФСР (ИТК РСФСР) 1924 г. было возложено на специализированное бюро, которое находилось в ведении Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД СССР). К осужденным допускалось применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде принудительных работ без содержания под стражей (ст. 43). Лица, не достигшие 18-летия, имели некоторое преимущество в сравнении с совершеннолетними осужденными. Так, несовершеннолетним, отбывающим принудительные работы без содержания под стражей, один раз в год предоставлялся очередной месячный отпуск, а взрослым осужденным – две недели один раз в год при условии, что они непрерывно проработали пять с половиной месяцев (ст. 39). Подчеркивая гуманистический характер норм ИТК РСФСР 1924 г., следует отметить, что время, проведенное в отпуске работающим осужденным, засчитывалось в срок отбывания наказания (ст. 39). При этом законодателем также был установлен фиксированный процент удержания из заработной платы для всех катего-

рий осужденных к принудительным работам в размере 25 % (ст. 32). В случае уклонения осужденного от отбывания наказания или неявки на регистрацию, несоблюдения установленных правил и недобросовестного отношения к работе в соответствии со ст. 40 ИТК РСФСР 1924 г. он мог быть подвергнут взысканию. В дальнейшем на смену принудительным работам без заключения под стражу пришли исправительно-трудовые работы без лишения свободы, регламентируемые ИТК РСФСР 1933 г. При отбывании этого нового наказания, изменившего свое название, но не содержание, осужденным отпуск не предоставлялся, а стаж, необходимый для получения отпуска, в срок не засчитывался (ст. 24 ИТК РСФСР 1933 г.). Следовательно, законодатель заметно ужесточил правовое регулирование исправительно-трудовых работ без лишения свободы.

2. При назначении осужденному наказания в виде штрафа законодатель устанавливал, что в случае уклонения осужденного от его уплаты он мог быть заменен принудительными работами без содержания под стражей. Не допускалась замена лишения свободы штрафом, а штрафа – лишением свободы (ст. 39 УК РСФСР 1922 г.). На наш взгляд, подобная позиция законодателя весьма целесообразна. Поскольку штраф является одним из наиболее мягких видов наказаний, его замена на лишение свободы или лишение свободы на штраф неравнозначна.

3. Наказание в виде общественного порицания реализовывалось на общем собрании, сельском сходе и других общественных мероприятиях и состояло в объявлении вынесенного судом приговора правонарушителю с опубликованием его в печати за счет виновного или без такового (ст. 44 УК РСФСР 1922 г.).

4. Обязанность загладить вред возлагалась на осужденного в том случае, если суд считал необходимым и целесообразным, чтобы он сам, лично, определенными усилиями, точно обозначенными в приговоре, ликвидировал последствия правонарушения или причиненный потерпевшему ущерб (ст. 45 УК РСФСР 1922 г.).

Краткий анализ четырех названных видов уголовных наказаний, существовавших в 1920–1940 гг. по УК и ИТК РСФСР, в полной мере отражает весь «колорит» того времени, а следовательно, и отношение законодателя и государства к несовершеннолетним, совершившим уголовно наказуемые деяния. Следует отметить, что вместе с падением общей численности осужденных в период с 1933 по 1935 год снизилось на 21,6 % и количество несовершеннолетних осужденных в возрасте от 16 до 18 лет, а в абсолютных цифрах – с 75 930 до 16 439 чел. [1]. Вместе с тем основным видом уголовного наказания, назначаемым несовершеннолетним правонарушителям, продолжало оставаться лишение свободы.

Значительные изменения в отечественной системе правосудия по делам несовершеннолетних произошли в 1935–1951 гг. В тот период оно вместе с общим отношением общества и государства к проблемам преступности неуклонно переориентировалось на карательное направление [6, с. 45]. Данный тезис находит свое подтверждение в следующем правовом акте. 7 апреля 1935 г. ЦИК СССР и СНК СССР приняли постановление № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», которое устанавливало снижение возрастного ценза привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности за совершение отдельных видов преступлений. Произошло также существенное сокращение применения к осужденным наказания в виде исправительно-трудовых работ в связи с усилением мер уголовной ответственности. В РСФСР с момента принятия этого закона и до декабря 1935 г. было осуждено

5134 несовершеннолетних к лишению свободы и 3172 – к иным мерам, в числе которых исправительно-трудовые работы без лишения свободы, штраф и пр.

В годы Великой Отечественной войны система наказаний изменилась, и среди их целей возникла такая, как усиление обороноспособности страны [3, с. 3, 31]. В связи с этим в уголовном законодательстве республик СССР появились новые составы преступлений, характерные для военного времени. Кроме того, в довоенный период и в начале войны значительно увеличилось применение краткосрочного лишения свободы, выполнявшего задачи общего предупреждения преступлений. Так, по данным Главного тюремного управления (ГТУ) НКВД СССР по состоянию на 10 марта 1941 г. в тюрьмах содержалось 7000 несовершеннолетних, осужденных на определенный срок. В системе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД (ГУЛАГ) в тот период действовало 40 колоний, предназначенных для содержания лиц, не достигших совершеннолетия. По состоянию на 1 марта 1941 г. в них находилось 19 406 осужденных, при лимите 21 400 мест [4, с. 83].

Следовательно, применение к несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы было настолько распространенным, что не хватало мест для их полного размещения. Наряду с органами, исполняющими наказания с изоляцией от общества, в систему ГУЛАГа вошли бюро исправительных работ (БИР), задачей которых была не изоляция осужденных, а обеспечение выполнения судебных решений в отношении лиц, приговоренных к отбыванию исправительных работ [4, с. 78–79].

По данным централизованного учета, по состоянию на 1 марта 1940 г. в БИР числилось 312 800 чел., осужденных к исправительно-трудовым работам без лишения свободы, 97,3 % из них трудились по основному месту работы, а 2,7 % – на местах, в которые их назначили органы НКВД [4, с. 80]. Кроме того, в 1941 г. законодательство военного времени установило минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности с 14 лет. В результате этого только по состоянию на 1 августа 1943 г. общая численность заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа составила 1 256 050 чел., из них не достигших возраста 17 лет: мужчин – 18 792 чел., женщин – 7921 чел. [4, с. 91]. Следует отметить, что в первой половине 1943 г. лишение свободы в СССР стало применяться значительно меньше, чем в довоенное время. Этому способствовало более широкое использование судами наказания в виде исправительно-трудовых работ без лишения свободы [3, с. 35]. Суды практически не назначали условное осуждение по делам о прогуле без уважительных причин и самовольном уходе с рабочего места, по делам о хулиганстве, а также хищении социалистического имущества [3, с. 39]. К несовершеннолетним, как и к взрослым правонарушителям, широко применялось лишение свободы без каких-либо исключений.

Военное положение вызвало безнадзорность среди несовершеннолетних, в связи с чем государству и законодателю потребовалось ужесточить меры воспитательного характера в отношении лиц, которые не достигли 16-летнего возраста. Постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью и хулиганством» предусматривалась организация трудовых воспитательных колоний НКВД СССР в дополнение к уже функционирующим исправительным учреждениям для несовершеннолетних преступников. При этом суд, прекращая уголовное дело по незначительным преступлениям, должен был избрать одну из следующих мер воздействия для несовершеннолетнего: передать его на попечение родителей или опекунов (при их наличии) или в качестве крайней меры направить в трудовую воспитательную колонию для исправления и перевоспитания [3, с. 44]. С учетом того обстоятельства,

что в период ведения боевых действий была необходимость концентрировать все имеющиеся ресурсы на нужды фронта, к труду привлекались практически все граждане страны, в том числе несовершеннолетние, осужденные за незначительные преступления. Полагаем, что в то время чрезмерная суровость уголовного и исправительно-трудового законодательства была оправдана условиями военного времени.

В годы Великой Отечественной войны несовершеннолетние осужденные трудились на предприятиях оборонной промышленности, однако усиление уголовной ответственности за нарушения трудовой дисциплины все же имело некоторые исключения. Это отразилось на отношении к несовершеннолетним преступникам. В частности, самовольный уход с оборонных предприятий всех несовершеннолетних в возрасте до 16 лет наказывался направлением их в трудовые колонии сроком до 1 года. Кроме того, особое значение в военный период имело обеспечение рабочей силой предприятий сельского хозяйства. Мобилизации подлежали все лица от 14 до 50 лет мужского и женского пола. Уклонение от мобилизации или самовольный уход с работы наказывались исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев с удержанием из заработка до 25 %. Вместе с тем, несмотря на столь суровое законодательство тех лет, для отдельных возрастных категорий несовершеннолетних были сделаны исключения. Например, учащиеся подростки в возрасте от 14 до 16 лет не подлежали уголовной ответственности за уклонение от мобилизации или самовольный уход с рабочих мест согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 28 октября 1942 г. [3, с. 113–114]. И все же лишение свободы продолжало оставаться одним из самых распространенных видов уголовных наказаний, что подтверждается представленными статистическими данными.

Послевоенное время характеризовалось существенным смягчением уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Подтверждением этому служит тот факт, что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. в период с 1953 по 1955 год из исправительно-трудовых колоний и лагерей по амнистии было освобождено 5686 несовершеннолетних осужденных, отбывающих лишение свободы [2]. Согласно ст. 10 УК РСФСР 1960 г. к уголовной ответственности привлекались лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 16 лет. В УК РСФСР 1960 г. и ИТК РСФСР 1970 г. четко прослеживаются некоторые отличия в порядке назначения и исполнения отдельных видов наказаний, которые свидетельствуют об определенном смягчении уголовной ответственности несовершеннолетних. Вместе с тем порядок исполнения наказаний в отношении как взрослых, так и несовершеннолетних продолжал оставаться единым.

Наказание в виде исправительных работ без лишения свободы по УК РСФСР 1960 г. претерпело существенные изменения. Теперь исправительные работы назначались на срок от 2 месяцев до 2 лет и отбывались осужденными как по основному месту работы, так и в иных местах, но в районе их места жительства. Диапазон процентного удержания из заработной платы устанавливался от 5 до 20 %. Лицам, которые были признаны нетрудоспособными, суд мог заменить исправительные работы штрафом (ст. 27 УК РСФСР 1960 г.). Последствием уклонения осужденного от отбывания рассматриваемого нами наказания являлась его замена лишением свободы.

Детальный порядок и условия исполнения наказания в виде исправительных работ регулировались гл. 16 ИТК РСФСР 1970 г. В числе новаций было то, что в срок отбывания исправительных работ засчитывалось время, когда осужденный не работал по уважительным причинам, но ему в соответствии с законодательством вы-

плачивалась заработная плата, подтвержденное в установленном порядке время болезни, а также период нахождения в отпуске по беременности и родам (ст. 90). Исполнение исправительных работ в отношении несовершеннолетних осужденных должно было быть организовано так, чтобы администрация предприятия и коллектив трудящихся обеспечивали за подростком надлежащий надзор. Кроме того, несовершеннолетний должен был получить производственную квалификацию (ст. 91, 93, 96 ИТК РСФСР 1970 г.).

Активное обновление российского уголовно-исполнительного законодательства берет свое начало с 1990-х гг. Распад СССР и вступление Российской Федерации в Совет Европы в 1996 г. послужили поводом к последовательной реализации международных стандартов в законодательном регулировании и практике исполнения уголовных наказаний без изоляции осужденных от общества в отношении всех категорий осужденных. Принятие УК РФ (13 июня 1996 г.) и УИК РФ (8 января 1997 г.) ознаменовалось новым этапом в дальнейшем становлении и развитии мер, альтернативных лишению свободы, в отношении всех категорий осужденных.

Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в УК РФ 1996 г. были выделены в отдельную главу, что подчеркивает особое отношение государства к проблеме этой категории преступников. Часть 1 ст. 88 УК РФ 1996 г. устанавливает, что основными видами наказаний для несовершеннолетних, которые не связаны с изоляцией от общества, являются: штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; обязательные и исправительные работы.

В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. штраф назначался лишь при наличии у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание. Практика применения этого вида уголовного наказания показала, что необходимо внесение изменений в порядок взыскания штрафа. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ было установлено, что взыскание штрафа может производиться с родителей или иных законных представителей несовершеннолетних. Несмотря на то что обязательные работы в Российской Федерации были закреплены в УК РФ 1996 г., они не применялись вплоть до 2005 г.

Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» изменил сущность этого вида наказания. Если до его принятия наказание в виде ограничения свободы осужденные должны были отбывать в специально предназначенных для этого исправительных центрах, то теперь – по месту жительства осужденного. Кроме того, анализируемый Закон предполагает применение этого вида наказания к несовершеннолетним, что повлекло за собой существенное расширение использования судами мер, альтернативных лишению свободы.

Таким образом, в Российской Федерации продолжается поступательная деятельность законодателя, ученых, практических работников правоохранительных органов по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, приведению его в соответствие с международно-правовыми актами и стандартами в части отправления правосудия в отношении граждан, не достигших совершеннолетия, направленная на повышение эффективности в достижении целей уголовной ответственности. В конечном итоге это будет способствовать исправлению несовершеннолетних осужденных без применения уголовного наказания в виде лишения свободы, защите

их прав, свобод, законных интересов, скорейшему их становлению на путь правопослушания, снижению общего уровня повторной преступности.

Библиографический список

1. Отчет Уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР о состоянии и характере преступности в период 1933–1935 гг. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9474. Оп. 16. Д. 79. Л. 1–76.
2. Сведения о движении осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях в период 1953–1956 гг. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 78–82.
3. Исаев М. М., Утевский Б. С., Карев Д. С. Советское право в период Великой Отечественной войны / под ред. И. Т. Голякова : в 2 ч. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. Ч. 2 : Уголовное право, уголовный процесс. 213 с.
4. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. М. : Рос. полит. энцикл. 2004. Т. 4 : Население ГУЛАГа: численность и условия содержания / отв. ред. А. Б. Безбородов, В. М. Хрусталев ; сост. И. В. Безбородова, В. М. Хрусталев. 728 с.
5. Медведева Н. Т., Упоров И. В. Истоки и развитие уголовного наказания : учеб. пособие. Рязань : Ряз. ин-т права и экономики, 1997. 86 с.
6. Мельникова Э. Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность / отв. ред. Ф. М. Решетников. М. : Наука, 1990. 118 с.
7. Рожнов А. А. Уголовное право Московского государства (XIV–XVII вв.) : учеб.-метод. пособие. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2007. 169 с.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 1. 419 с.

УДК 343.97

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.218-225

КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЗАРУБИНА,

аспирант,

Юго-Западный государственный университет,

г. Курск, Российская Федерация,

ORCID 0000-0003-2725-6906,

e-mail: kris1996z@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ В РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Для цитирования

Зарубина, К. А. Трансформация криминальных профессий в России в постсоветский период / К. А. Зарубина // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 218–225. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.218-225.

Аннотация. Профессиональная преступность является опасным криминальным явлением, в связи с чем особо важно держать под контролем развитие этой разновидности преступной деятельности. В постсоветский период в России криминальные профессии заметно трансформировались, в преступной среде появились новые направления деятельности, отдельные специализации были утрачены, ввиду чего необходимо отслеживать тенденции развития профессиональной преступности. Цель работы – решение вопроса об определении основных направлений развития современной профессиональной преступности в России для ее прогнозирования и предупреждения. Для достижения данной цели исследованы отдельные наиболее распространенные криминальные профессии современности, определяющие курс дальнейшего развития мира преступников-профессионалов. Методология исследования представлена диалектическим методом познания, а также такими частнонаучными методами, как анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, моделирование и др. В результате исследования определено, что профессиональная преступность в настоящее время по сравнению с советским периодом значительно изменила свой облик. Основываясь на анализе развития профессиональной преступности в России в постсоветский период, полагаем, что криминальные специализации и далее будут заметно интеллектуализироваться. В связи с этим особо интенсивно будет продолжаться развиваться профессиональная киберпреступность. В ближайшее время наиболее распространенными станут те криминальные профессии, которые непосредственно связаны с получением быстрой и значительной материальной выгоды, поскольку совершать малоприбыльные множественные престу-

© Зарубина К. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

пления корыстной или корыстно-насильственной направленности (например, карманные кражи) фактически невыгодно. Кроме того, можно выделить некоторые другие тенденции развития преступного мира «профессионалов». Новизна представленного исследования в сравнении с иными, родственными по тематике научными исследованиями заключается в прогнозировании курса дальнейшего развития профессиональной преступности в России, обосновании приведенного прогноза.

Ключевые слова: профессиональная преступность, криминальный профессионализм, киберпреступность, профессиональное мошенничество, криминальные профессии.

Профессиональная преступность как крайне опасное криминальное явление возникла в нашей стране достаточно давно. С течением времени количество специализаций, преступных профессий увеличивалось, и этот рост был обусловлен в первую очередь усложнением социально-экономических отношений. Хотя справедливости ради отметим, что с появлением одних криминальных специализаций другие отмирали, при этом квалификация преступников-профессионалов повышалась, а доходы от занятия антиобщественной деятельностью, как правило, росли. Политическое и культурное развитие государства также в некоторой степени оказывало влияние на формирование отдельных групп преступных профессий, касты преступников-профессионалов в целом.

В постсоветский период в российском криминальном мире преступников-профессионалов произошли существенные изменения, в том числе связанные с трансформацией существующей системы преступных профессий. Так, для обозначения изменений в профессиональном преступном мире российские исследователи в 1990-е гг. даже ввели в научный оборот термин «неопротифионализм», подчеркивая значимые перемены в системе организации различных специализаций профессионального преступного мира [1, с. 17]. При этом трансформация криминальных профессий в первую очередь связана с тем, что именно в 1990-х гг. был разрушен традиционный уклад социально-экономических, политических и культурных отношений. Именно в этот период в России начало формироваться и активно развиваться правовое государство, современное гражданское общество с совершенно иными, отличными от прежних устоями, ценностями и нормами жизни. В связи с этим облик криминальной среды, в том числе мира преступников-профессионалов, значительно изменился.

Следует отметить, что многие криминальные специализации в постсоветский период в России были навсегда забыты. Например, карманные вору в настоящее время практически не совершают кражи с помощью рыболовных крючков, в связи с чем исчезла такая криминальная профессия, как «карманник-рыболов». По утверждению отдельных исследователей [2, с. 132–137], практически исчезли такие преступники, как «тырчики» (воры, создающие намеренно давку в толпе для облегчения совершения карманных краж) [3, с. 147], «пропальщики» (преступники, принимающие у карманников краденое) [4, с. 148], в прошлом остались «ломщики» – преступники, которые при размене валюты вкладывали обычную бумагу в пачки вместо долларов и получали с этого немалую прибыль. Исчезла такая некогда популярная преступная профессия, как «вор-форточник», поскольку залезть в квартиру многоэтажного дома, расположенную выше первого этажа, достаточно сложно или невозможно.

Вместе с тем число криминальных профессий в России несколько возросло, поскольку именно в постсоветский период у преступников появилось много новых возможностей

обогащаться материально, причем значительно и постоянно. При этом особо распространенной становится именно интеллектуальная преступность, ввиду того что современные преступники заботятся о своей безопасности, неуязвимости для уголовного преследования, поэтому плохо совершать те или иные преступные деяния, те же классические кражи, в настоящее время не имеет смысла. Именно поэтому современные криминальные профессии отличаются особо изощренными способами и приемами совершения преступлений, в связи с чем более распространенными становятся преступные специализации, требующие особых умений и навыков, знаний. Примером может служить появление в постсоветский период в криминальной среде таких относительно новых преступных профессий, как «компьютерные мошенники». Так, даже современные исследователи делят эту категорию на традиционных и профессиональных преступников, причем последних подразделяют на кардеров (лиц, незаконно использующих для совершения преступлений информацию третьих лиц о принадлежащих им платежных средствах – карточках) и фишеров (преступников, осуществляющих сбор различных данных о платежных средствах посредством обмана в сети, в том числе с помощью различных методов психологического воздействия). Кроме того, в профессии кардеров выделяют и более узкие разновидности преступной специализации. Например, исследователи подразделяют кардеров на стафферов или вещевиков (похищающих товарно-материальные ценности при помощи платежных средств, позволяющих рассчитываться на различных сайтах в сети Интернет дистанционно), заливщиков (собирающих персональные данные о владельцах платежных средств для совершения мошеннических действий) [5, с. 54–58].

С годами все более популярным становится телефонное (мобильное) мошенничество (с использованием средств сотовой связи), которое уже с 2008 г., по утверждению некоторых исследователей, в России стало активно совершенствоваться и развиваться [6, с. 94–98]. По некоторым сведениям, ежегодно убытки от мобильных преступлений в мире составляют более 20 млрд долларов. По данным Всемирного форума операторов GSM, операторы, работающие на постсоветском пространстве, получили материальный ущерб в размере 10 % от их доходов. По сведениям МВД России, жертвами телефонного мошенничества стали уже миллионы человек [7, с. 32–36]. Данную разновидность преступной деятельности вполне можно считать профессиональным промыслом, поскольку у современных «телефонных» мошенников разработаны хорошо отлаженные схемы совершения преступлений. Так, достаточно популярны такие сценарии мошенничества, как проблемный звонок, счастливый номер, ваша карта заблокирована, ошибочный перевод средств, платный код и др. [8, с. 48–51; 9, с. 60–65; 10, с. 74–76]. Кроме того, на профессиональный характер такой разновидности преступной деятельности указывает тот факт, что телефонные мошенники, как правило, живут только за счет средств, полученных от систематического занятия преступной деятельностью, причем этот доход не только постоянный, но и значительный. Помимо прочего, телефонные мошенники имеют достаточно высокую квалификацию, о чем свидетельствует неуязвимость для уголовного преследования (по отдельным социологическим исследованиям, на это указывают более 80 % сотрудников различных оперативных подразделений МВД России) [11, с. 137–141], а также обширные криминальные связи.

С 1990-х гг. в России получает распространение профессия наркоторговца. На это указывает тот факт, что задерживать сбытчиков наркотиков и иных наркосодержащих веществ стало гораздо труднее из-за усиления конспирации деятельности таких лиц, в то время как еще в 1990-х гг. сотрудники уголовного розыска задерживали преступников в своих домах, квартирах. Как отмечают исследователи, этот ры-

нок торговли становится все более бесконтактным, и большинство сделок совершаются в виртуальном пространстве, а не лично. При этом деятельность наркоторговцев и иных преступников, способствующих продаже наркотиков, является, как правило, групповой. Доход от такой деятельности не только систематический и значительный, но и сверхзначительный, причем именно у наркоторговцев в криминальной среде наиболее четко налажены преступные связи, поэтому профессию наркоторговца можно считать классической преступной профессией современности [12]. В 1990-х гг. появляется такая преступная профессия, как наемный убийца, или киллер. Ю. М. Антонян справедливо называет их «особо опасными преступниками», поскольку они достаточно редко несут наказание и своей деятельностью привлекают внимание молодежи, невольно склоняя их к совершению правонарушений и преступлений. Только в 1990-х гг. в России ежегодно наемниками совершалось по 500–600 убийств, и хотя в 2000-х гг. этот бум прошел, данная преступная специализация существовать в криминальном мире не перестала и по-прежнему представляет для общества существенную опасность [13]. Отметим, что, помимо специализации, у наемных убийц есть и особая квалификация, поскольку многие из профессиональных киллеров получали в тот или иной промежуток времени необходимую подготовку в местах, где проходили боевые действия (например, в Афганистане или на Кавказе), а также при прохождении армейской службы. Наемные убийцы обладают превосходными навыками конспирации, что позволяет им продолжительное время находиться в зоне недосягаемости для уголовного преследования. Кроме того, профессиональные наемные убийцы имеют обширные преступные связи, поскольку те же орудия и средства совершения преступлений киллеры, как правило, приобретают нелегально на так называемом черном рынке.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в постсоветский период в системе криминальных профессий появился универсальный тип профессионального преступника, о котором еще в начале 1990-х гг. писал в своих трудах А. И. Гуров [14], поскольку многие преступные навыки, умения, знания, необходимые для систематического совершения преступлений, заметно универсализировались. Например, сейчас практически не встречаются воры, похищающие деньги и иные материальные ценности исключительно из личных сейфов физических лиц, поскольку такие «специалисты» чаще всего «орудуют» не только в квартирах и домах, но и в офисных помещениях, магазинах и т. п. Некоторые исследователи полагают, что уже в 1990-х гг. мошенники и воры специализировались не на одной разновидности преступной деятельности, а на нескольких. Это позволяло и позволяет профессиональным преступникам, во-первых, оставаться в тени, поскольку их общественно опасная деятельность, таким образом, сильнее растворяется в массе иных правонарушений, во-вторых, быстрее получить прибыль, ввиду чего эта каста преступников становится более устойчивой, чем в советский период. Особо отметим, что некоторые современные исследователи в связи с происходящими изменениями в криминальном мире даже не включают специализацию в признаки криминального профессионализма [15, с. 286].

Анализируя современное состояние профессиональной преступности в России, нельзя не упомянуть особую корыстную и корыстно-насильственную направленность деятельности преступников-профессионалов, поскольку извлечение прибыли от занятия преступной деятельностью (постоянной и в значительном размере) является одним из основных признаков криминального профессионализма. Ведь, как справедливо отмечает Е. В. Фарышев, «в любом случае конечной целью профессиональной преступной деятельности является получение материальных средств», причем данной точки зрения придерживаются более 80 % современных исследователей [16]. Именно

в настоящее время такая общественно опасная деятельность преступников приобрела иной характер. Так, с развитием рыночных отношений корыстная направленность преступной деятельности «профессионалов» в России особо активизировалась. Это связано в первую очередь с тем, что рыночные отношения, демократические начала государства предоставили гражданам страны право на свободу труда, то есть в России вполне можно быть официально безработным, что в тот же советский период было практически недопустимым, а наличие такого слоя населения, который не имеет постоянного законного источника дохода, определенным образом детерминирует развитие преступности, особенно профессиональной. Кроме того, если ранее профессиональная преступная деятельность позволяла криминальному миру лишь существовать за счет получаемых таким незаконным способом денежных средств, преступного дохода, то в современном мире образ жизни преступников-профессионалов отличается особой роскошью. Ответить точно на вопрос, сколько зарабатывают те же киллеры или профессиональные мошенники, невозможно, такую статистику никто не ведет и вести не будет ввиду множества обстоятельств, но отрывочные сведения о материальном статусе таких преступников научная, научно-популярная и публицистическая литература все же предоставляет. Как сообщает А. И. Гуров, уже во второй половине XX в. такие категории преступников, как преступники-профессионалы, не только существовали, но и вели «респектабельный, роскошный образ жизни» [14]. По данным выборочных исследований, вор-карманник ежемесячно в данный период мог зарабатывать порядка 500 рублей, а в летние месяцы, когда совершать карманные кражи становилось технически проще, по нескольку тысяч. Мошенники, которые промышляли играми в наперсток, зарабатывали также по нескольку тысяч рублей ежемесячно, а за каждую перепродажу культурных, исторических и иных ценностей преступники «имели» от тысячи до десятков тысяч рублей. Уже во второй половине XX в. профессиональные преступники обладали такими денежными суммами, которые не шли ни в какое сравнение ни с чем иным [14].

Стоит ли говорить о том, насколько роскошной стала жизнь современных преступников-профессионалов, причем возможность не отказывать себе ни в чем напрямую и сейчас зависит от активности профессиональной преступной деятельности, особого мастерства, даже таланта. Например, в настоящее время профессиональные взломщики банков (хранилищ) за одно преступление получают по нескольку миллионов и даже миллиардов рублей, воры-домушники зарабатывают на одной «вылазке» до десятков тысяч долларов, а шулер или «ломщик» такие денежные средства может получать ежедневно [17]. Конечно, разные профессионалы имеют разный материальный статус и усреднять данные о доходах отдельных категорий преступников нельзя. Однако и эти скудные сведения дают основание полагать, что корыстная направленность деятельности преступников-профессионалов стала более выраженной. Это подтверждает и тот факт, что современные преступники опосредованным образом превращают некогда непрофессионализированные общественно опасные виды деятельности в профессионализированные только за счет того, что начинают брать деньги (как за выполнение определенной работы) за совершение таких преступлений, которые ранее не имели никакой корыстной и даже корыстно-насильственной ориентации (например, в случае с киллерами). Кроме того, преступники совершенствуют свою профессиональную деятельность не количественно, а качественно, в связи с чем профессионалы за одно преступление стали получать больше, а следовательно, совершать таких преступлений меньше.

В постсоветский период значительно усовершенствовались мастерство, квалификация преступников, причем в относительно короткий промежуток времени. В советский период профессиональные преступные умения и навыки совершенствовались не годами, а десятилетиями. В настоящее время для того чтобы оставаться на плаву, успевать за научно-техническим прогрессом и опережать правоохранительные органы, преступники-профессионалы повышают свою квалификацию достаточно быстро. Например, если недавно был довольно распространенным и популярным такой способ угона автомобиля, как простое скручивание проводов панели управления, то сейчас, благодаря новейшим разработкам в области производства противоугонных систем, преступники-профессионалы вынуждены отказаться от этого способа совершения преступлений. И. С. Мукаев, характеризуя современных профессиональных автоугонщиков, отмечает, что подавляющее большинство краж транспортных средств осуществляют хорошо обученные и хорошо снаряженные техникой преступники [18].

Анализ трансформации современных криминальных профессий в постсоветский период в России показал, что профессиональная преступность по сравнению с советским периодом значительно изменила свой облик, в связи с чем многие исследователи называют новый этап развития профессионального преступного мира непрофессиональным. Эти знания имеют большое значение для криминологического прогнозирования. Абсолютно точно предположить, какие изменения будут происходить в преступном мире даже через 10–20 лет, тем более в криминальном мире профессиональных преступников с высоким уровнем латентности, достаточно сложно, однако выделить общие тенденции дальнейшего развития этого особо опасного криминального явления, основываясь на таком методе криминологического прогнозирования, как экстраполяция, позволяющем учитывать инерционность общественных процессов и их влияние на преступность, и некоторых других методах криминологического прогнозирования, возможно.

В первую очередь укажем на то, что в ближайшее время криминальные специализации будут заметно интеллектуализироваться. В связи с этим, по нашему мнению, наиболее интенсивно будет продолжаться развиваться киберпреступность, в том числе ввиду всеобщей информатизации и цифровизации экономики, причем процесс проникновения преступников-профессионалов в киберпространство схож с появлением карманников в России в начале XVIII в. Как только на верхней одежде появились карманы, появились и воры, похищающие из этих карманов денежные средства. Так и с киберсредой, как только в виртуальное пространство проникли денежные средства и данные, позволяющие получить доступ к этим денежным средствам, появились и профессиональные преступники, зарабатывающие в киберпространстве. Интенсивному развитию профессиональной киберпреступности способствует также отсутствие необходимой защиты информационного пространства в части охраны электронных платежных систем, банковских счетов, персональных данных, позволяющих получить доступ к денежным средствам, и т. п. В связи с этим можно сделать промежуточный вывод: для того чтобы информационная среда не порождала развитие профессиональной преступности, необходимо тщательно продумывать средства защиты информационного пространства и иных информационных ноу-хау, позволяющих получить денежные средства, иные материальные ценности или доступ к ним.

По нашему мнению, в ближайшее время особо активно будут развиваться те криминальные профессии, которые непосредственно связаны с получением быстрой и значительной материальной выгоды, так как совершать «малоприбыльные» множественные преступления корыстной или корыстно-насильственной направленности, например карманные кражи, в настоящее время фактически невыгодно, поскольку при совершении

множественных преступлений оставаться неуязвимым для уголовного преследования ввиду совершенствования работы правоохранительных органов становится все сложнее, в связи с чем профессиональные преступники чаще выбирают более прибыльные криминальные направления, позволяющие разово получить существенную выгоду, а не постоянно заниматься преступной деятельностью под угрозой «раскрытия». К таким криминальным занятиям, по нашему мнению, можно отнести мошенничество, в том числе в виртуальном пространстве, занятие наркобизнесом и пр.

Считаем необходимым указать: чем больше будут усложняться имущественные отношения, тем интенсивнее будет развиваться профессиональная преступность, «паразитирующая» на этих отношениях, поскольку основная цель профессиональной преступной деятельности – это систематическое получение дохода, и противодействовать данному криминальному явлению в подобных, постоянно усложняющихся социально-экономических условиях будет все проблематичнее.

Таким образом, сформировавшаяся и продолжающая развиваться информационная глобализация, новые культурные, политические, социально-экономические условия в той или иной степени выступают катализаторами криминальных вызовов и угроз. В связи с этим основные тенденции развития профессионального криминального мира необходимо учитывать при моделировании курса противодействия профессиональной преступности, поскольку отдельные антиобщественные явления гораздо проще если не полностью предотвратить, то хотя бы сдержать в развитии.

Библиографический список

1. Овчинский В. С. Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1994. 61 с.
2. Ишигеев В. С., Романова Н. Л., Бондарь А. Я. Криминальный профессионализм в XXI веке как объект криминологического исследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4(37). С. 132–137.
3. Модернизация государства и права России в XX–XXI вв.: исторический опыт и современные проблемы : материалы межвуз. заоч. науч. конф. / под ред. И. Ф. Амельчакова, А. А. Сафонова, П. Г. Осокина. Тамбов : Першин Р. В., 2006. 296 с.
4. Гуров А. И. Красная мафия. М. : Коммерческий вестник, 1995. 328 с.
5. Гайфутдинов Р. Р. Типы компьютерных мошенников // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 54–58.
6. Астишина Т. В., Маркелова Е. В. Проблемы расследования преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершенных с использованием средств сотовой телефонной связи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 2(16). С. 94–98.
7. Долгов Д. В. Мошенничество с использованием подвижной (мобильной) связи // Человек: преступление и наказание. 2011. № 3. С. 32–36.
8. Профиль общества // Деловой ежедневник. 2015. № 34. С. 48–51.
9. Гилязов Р. Р. К некоторым особенностям способов совершения мошенничеств с использованием средств сотовой связи // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 1(63). С. 60–65.
10. Телефонные мошенничества (предупреждает управление «К» МВД России) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 4. С. 74–76.
11. Горбанев В. М. Оперативно-розыскная характеристика мошенничеств, связанных с использованием средств сотовой связи // Общество и право. 2016. № 4(58). С. 137–141.

12. Репецкая А. Л. Характеристика трансформаций криминальных профессий постсоветского периода // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4. С. 56–60.

13. Антонян Ю. М. Наемные убийцы как особо опасные преступники // Человек: преступление и наказание. 2010. № 2. С. 82–86.

14. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. URL : <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/10.htm> (дата обращения: 02.10.2020).

15. Хохряков Г. Ф. Криминология : учебник / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М. : Юристъ, 2002. 511 с.

16. Фарышев Е. В. Современное понятие и содержание профессиональной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3(33). С. 90–93.

17. Данилов А. А. Маги криминала. М. : Юрид. центр Пресс, 2004. URL : <https://books.google.ru/books?id=XzHhCgAAQBAJ&pg=PT295&dq=вор+карманник+рублей+в+месяц&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwj1u7v58TrAhXDFXcKHbFJDglQ6AEwAHoECAMQAg#v=onepage&q=вор%20карманник%20рублей%20в%20месяц&f=false> (дата обращения: 31.08.2020).

18. Мукаев И. С. Расследование краж и угонов автомобилей // Отечественная юриспруденция. 2017. № 5(19). С. 110–112.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.226-236

ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА ПРИХОЖАЯ,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-5547-9678,
e-mail: lyudmila_prikhozhaya@mail.ru

РАЗДЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА

Для цитирования

Прихожая, Л. Е. Раздельное содержание осужденных как одно из перспективных направлений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года / Л. Е. Прихожая // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 226–236. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.226-236.

Аннотация. В статье акцентируется внимание на создании условий для раздельного содержания отдельных категорий осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы и совершенствовании порядка проведения индивидуальной профилактики правонарушений в местах лишения свободы. Приводится существующее состояние правоприменительной деятельности исправительных учреждений России, на территории которых внедряется типовая модель проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными. Осуществляется комплексный анализ реализации требований раздельного содержания осужденных, предусмотренных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Исследование осуществлялось посредством анкетирования осужденных и сотрудников исправительных колоний общего и строгого режимов, на территории которых внедрена типовая модель проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными. Целью исследования явилось выявление существующих проблем и определение целесообразности подобных мероприятий в остальных учреждениях уголовно-исполнительной системы России. В рамках создания условий раздельного содержания отдельных категорий осужденных и совершенствования порядка проведения индивидуальной профилактики правонарушений предлагается разделение осужденных, состоящих на профилактическом учете, содержащихся в секторе «А», на три группы для отдельного содержания друг от друга.

© Прихожая Л. Е., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: раздельное содержание осужденных, профилактический учет, типовая модель проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными.

Уголовно-исполнительная система (УИС) находится на стадии своего активного реформирования, основные направления которого определены Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция развития УИС до 2030 г.). В ней также закреплены цели совершенствования уголовной и уголовно-исполнительной политики, где одной из основополагающих является повышение эффективности УИС России, предусматривающей реформирование организации ее деятельности и оптимизацию системы исправительных учреждений (ИУ). Достижение указанной цели включает в себя определенный перечень задач, стоящих перед УИС России, где в качестве первоочередных – обеспечение безопасности УИС России и учет особенностей содержания отдельных категорий осужденных. Их реализация предполагает определенный комплекс мероприятий: создание условий раздельного содержания отдельных категорий осужденных в учреждениях УИС; совершенствование порядка проведения индивидуальной профилактики правонарушений, включая постановку и конкретизацию категорий осужденных, находящихся на профилактическом учете.

Следует отметить, что определенные меры реализации указанных целей были предприняты еще в 2017 г. Так, для профилактики нарушений установленного порядка отбывания наказания, предупреждения совершения преступлений, а также оказания дифференцированного воспитательного воздействия на осужденных, в том числе стимулирования их правопослушного поведения, 3 марта 2017 г. ФСИН России был утвержден план первоочередных мероприятий по внедрению типовой модели проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными в ИУ УИС России [1, с. 320]. На основании указанного документа руководством УФСИН России по Мурманской, Астраханской, Владимирской и Алтайской областям были разработаны типовые модели проведения эксперимента, в соответствии с которыми был осуществлен ряд реорганизационных мероприятий в ИУ указанных территориальных органов, в результате чего руководством ФСИН России была разработана единая типовая модель проведения эксперимента.

На основании распоряжения ФСИН России от 29 января 2018 г. № 31-р «О распространении положительного опыта организации надзора и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» даны указания о внедрении типовой модели проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными в каждом территориальном органе ФСИН России. С 1 февраля 2018 г. в эксперименте участвуют 82 исправительных колонии в 77 территориальных органах ФСИН России, из которых: исправительных колоний (ИК) строгого режима – 50, общего режима – 31, особого режима – 1 (ИК-3 УФСИН России по Ямало-Ненецкому автономному округу). Эксперимент заключается в обеспечении активного профилактического воздействия на осужденных, являющихся нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в условиях изоляции их от основного количества осужденных и оценке эффективности внедрения новых методов организации службы.

Организация дифференцированной профилактической и воспитательной работы с осужденными осуществляется посредством деления территории исправительной колонии на секторы, которые состоят из отрядов. Разделение территории ИУ проводится

на сектора в зависимости от степени исправления осужденных, соблюдения порядка отбывания наказания и степени воспитательного воздействия, характера совершенного преступления, характеристик осужденного, отношения к труду, а также от постановки на профилактический учет: усиленного («А»), обычного («Б») и умеренного («В») контроля. Так, в секторе «А» отбывают наказание осужденные, систематически нарушающие режим содержания, осужденные за преступления террористической и экстремистской направленности, за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также состоящие на профилактическом учете. В соответствии с приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» на профилактическом учете состоят осужденные: 1) склонные к совершению побега; 2) лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности; 3) лица, оказывающие негативное влияние на других осужденных; 4) организующие и провоцирующие групповое противодействие законным требованиям администрации; 5) склонные к употреблению и приобретению наркотических веществ, психотропных средств, сильнодействующих медицинских препаратов и алкогольных напитков; 6) признанные судом нуждающимися в лечении от наркомании и алкоголизма; 7) склонные к совершению суицида и членовредительству; 8) организующие или активно участвующие в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды; 9) склонные к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка; 10) изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию; 11) отбывающие наказание за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки; 12) склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов; 13) склонные к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность. В 2018 г. данный перечень был дополнен (приказ Минюста России от 2 ноября 2018 г. № 229) следующими категориями осужденных: склонные к совершению преступлений террористического характера и экстремистской направленности; склонные к совершению преступлений с использованием технических средств связи; склонные к захвату заложников; склонные к совершению поджогов. Следовательно, все перечисленные категории осужденных отбывают наказание в одном секторе «А».

Сектор обычного контроля «Б» предназначен для осужденных, отбывающих наказание в обычных условиях содержания, трудоустроенных на производстве учреждения, привлекаемых к труду, а также положительно характеризующихся осужденных. Содержание в указанном секторе осуществляется в общежитиях.

В состав сектора умеренного контроля «В» включаются общежития с улучшенными коммунально-бытовыми условиями для содержания следующих категорий осужденных:

- занятые на работах в жилой и производственной зонах;
- переведенные в облегченные условия отбывания наказания, в том числе пользующиеся правом передвижения без конвоя;
- трудоустроенные на производствах учреждения;
- добросовестно относящиеся к труду;
- недопускающие нарушения установленного порядка отбывания наказания;
- положительно характеризующиеся;
- осужденные старше 60 лет;
- осужденные, имеющие инвалидность.

Распределение осужденных в сектор «А», а также перевод их из сектора «А» в сектора «Б» и «В» осуществляется комиссией ИУ под председательством начальника учреждения с учетом мнений всех закрепленных за сектором сотрудников по направлениям деятельности, психологической характеристики, подготовленной сотрудником психологической лаборатории.

В целях оценки эффективности указанной типовой модели и целесообразности ее внедрения в остальные учреждения УИС России в 2020 г. нами было проведено изучение существующих проблем, возникающих при реализации эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях УИС России. Исследование осуществлялось в УФСИН России по Владимирской, Мурманской, Амурской, Астраханской областям и по Алтайскому краю посредством анкетирования и интервьюирования с обеспечением сплошного и выборочного опроса осужденных и сотрудников исправительных колоний общего и строгого режимов, на территории которых внедрена типовая модель проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях УИС России.

В опросе приняли участие 175 осужденных и 144 сотрудника ИК, преобладающая часть опрошенных респондентов – сотрудники и осужденные из исправительных колоний общего режима для впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы (табл. 1).

Таблица 1

Категория респондентов	Распределение по ИУ и видам режима, чел.			
	ИК общего режима для впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы	ИК общего режима для ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы	ИК строгого режима для впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы	ИК строгого режима для ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы
Сотрудники	52	26	35	31
Осужденные	54	43	33	44

Объем выборки респондентов из числа сотрудников. В общем количестве опрошенных сотрудников отдела безопасности – 68 чел., или 47,2 %, отдела воспитательной работы – 42 чел., или 29,2 %, оперативного отдела – 8 чел., или 5,6 %, психологической лаборатории – 18 чел., или 12,5 %, социальных работников – 5 чел., или 3,5 %, других отделов и служб – 3 чел., или 2,1 %.

Наибольшая часть опрошенных сотрудников (43,1 %) – это лица, проходящие службу в уголовно-исполнительной системе от 7 до 10 лет (табл. 2).

Таблица 2

Опыт работы	Количество респондентов	Процент
Менее 3 лет	19	13,2
От 3 до 6 лет	42	29,2
От 7 до 10 лет	62	43,1
Более 10 лет	21	14,5
Итого	144	100

Объем выборки респондентов из числа осужденных. В общем количестве опрошенных осужденных, отбывающих наказание в секторе «А», – 45 чел., или 25,7 %, в секторе «Б» – 95 чел., или 54,3 %, в секторе «В» – 33 чел., или 18,9 %.

Таким образом, более половины опрошенных осужденных (55 %) отбывают наказание в виде лишения свободы в секторе «Б», предусматриваемом исправительными колониями, на территории которых внедрена типовая модель проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы.

Наибольшее количество опрошенных осужденных (46,3 %) отбывают наказание в виде лишения свободы впервые. Вторая по численности категория респондентов (21,1 %) – осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы четыре и более раз (табл. 3).

Таблица 3

В настоящее время отбывают наказание в виде лишения свободы	Количество респондентов	Процент
Впервые	81	46,3
Второй раз	30	17,1
Третий раз	27	15,4
Четвертый и более раз	37	21,1
Итого	144	100

Осужденные, время отбытого наказания у которых менее года (41,7 %) и от одного года до трех лет (33,1 %), содержатся в условиях разделения исправительного учреждения на секторы с момента назначения наказания и не способны дать объективную оценку преимуществ (недостатков) секторального содержания в сравнении с содержанием в различных условиях отбывания наказания (кроме лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы).

Наиболее значимой для проводимого исследования выступает категория осужденных, уже отбывших наказание в виде лишения свободы сроком более трех лет (от 3 до 5, от 5 до 10, более 10 лет), общая численность которых составляет 45 человек, или 24,6 % опрошенных (табл. 4).

Таблица 4

Время отбытого срока наказания в данном исправительном учреждении	Количество респондентов	Процент
Менее 1 года	73	41,7
От 1 года до 3 лет	58	33,1
От 3 до 5 лет	18	10,3
От 5 до 10 лет	18	10,3
Более 10 лет	7	4,0

Преобладающая часть респондентов (36,5 %) – это лица, совершившие преступления против собственности; 28 % из числа осужденных отбывают наказание за преступления против здоровья населения и общественной нравственности; 13,1 % – совершили преступления против жизни и здоровья (табл. 5).

Таблица 5

№ п/п	Вид преступления (статьи УК РФ)	Количество респондентов	Процент
1	Преступления против жизни и здоровья (ст. 105, 111, 119)	23	13,1
2	Преступления против свободы, чести и достоинства личности (ст. 127)	1	0,6
3	Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 131, 132, 135)	8	4,6
4	Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 157)	1	0,6
5	Преступления против собственности (ст.158, 159, 161, 162, 165)	64	36,5
6	Преступления в сфере экономической деятельности (ст. 169)	1	0,6
7	Преступления против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 228)	49	28,0
8	Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 264)	4	2,3
9	Преступления против порядка управления (ст. 330)	1	0,6
10	Не указали	23	13,1

Как видно из таблицы 5, наибольшее количество респондентов (36,5 %) – это лица, осужденные за преступления против собственности.

Исследовательская часть. В целях изучения динамики изменения основных показателей, характеризующих состояние деятельности вышеуказанных учреждений, нами осуществлялся их сравнительный анализ до и после разделения по секторам.

Перед проведением исследования нами были заданы основные показатели, являющиеся отправными для понимания происходящих процессов в деятельности ИУ до и после внедрения типовой модели проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях УИС России.

Основные показатели, характеризующие состояние деятельности ИК, на территории которых внедрена Типовая модель проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными (показатели в пп. 1, 2, 3, 8, 9 относятся к сотрудникам и не предназначены для опроса осужденных):

- 1) количество осужденных, признанных злостными нарушителями режима;
- 2) количество нарушений правил внутреннего распорядка, совершаемых осужденными;
- 3) количество правонарушений, совершаемых осужденными;
- 4) общий уровень конфликтности между осужденными;
- 5) общий уровень конфликтности между осужденными и сотрудниками;
- 6) общий уровень влияния криминальной субкультуры в условиях изоляции;
- 7) условия отбывания наказания;
- 8) проведение воспитательной работы с осужденными;
- 9) процесс исправления осужденных;
- 10) материально-бытовое обеспечение осужденных;
- 11) медико-санитарное обеспечение осужденных;

12) личное мнение сотрудников и осужденных к проводимым изменениям (целесообразность внедрения).

Респондентам был задан вопрос о результатах, которые удалось достичь благодаря внедрению типовой модели проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными в деятельность ИУ УИС России, опираясь на указанные основные показатели.

По результатам проведенного опроса среди сотрудников было выявлено сокращение численности осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания (по мнению 50,0 % опрошенных респондентов); количества нарушений правил внутреннего распорядка, совершаемых осужденными (по мнению 51,4 % опрошенных респондентов), а также правонарушений, совершаемых осужденными (по мнению 59 % опрошенных респондентов).

Снизился общий уровень конфликтности между осужденными (по мнению 61,8 % опрошенных респондентов) и между осужденными и сотрудниками (по мнению 61,8 % опрошенных респондентов).

Менее выраженным стало влияние криминальной субкультуры (по мнению 63,9 % опрошенных респондентов), улучшились условия отбывания наказания (по мнению 59,7 % опрошенных респондентов), стало легче проводить воспитательную работу с осужденными (по мнению 50,0 % опрошенных респондентов). Не изменились показатели исправления осужденных (по мнению 47,9 % опрошенных респондентов), материально-бытового (по мнению 51,4 % опрошенных респондентов) и медико-санитарного (по мнению 52,8 % опрошенных респондентов) обеспечения осужденных.

Вместе с тем в период проведения данного исследования неоднократно отмечалось, что в секторе «А» пп. 1–3 заданных показателей значительно возросли, другими словами, основное количество правонарушений и нарушений порядка отбывания наказания приходится на данный сектор.

В подтверждение указанных выводов приведем результаты анализа дисциплинарной практики, представленные управлением воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России и управлением режима и надзора ФСИН России (аналитическая справка о ходе реализации эксперимента по новым формам и методам организации надзора и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, утвержденного распоряжением ФСИН России от 29 января 2018 г. № 31-р, представленная управлением режима и надзора ФСИН России от 21 декабря 2020 г. № 5-82403; сопроводительное письмо управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России от 18 декабря 2020 г. № 15-81941 с приложением ответа на запрос от 2 октября 2020 г. № 34-4708 о реализации в исправительных учреждениях территориальных органов ФСИН России эксперимента по новым формам и методам организации надзора и воспитательной работы с осужденными, утвержденного распоряжением ФСИН России от 29 января 2018 г. № 31-р). Так, в I полугодии 2020 г. в секторах «А», «Б» и «В» выявлено 204 985 нарушений осужденными установленного порядка отбывания наказания, что на 17 % больше, чем в АППГ (169 400). При этом 59 %, или 121 763, допущено осужденными в секторе «А» (в среднем по УИС рост числа нарушений установленного порядка отбывания наказаний составил 0,3 %).

Вследствие концентрации наибольшего количества сотрудников дежурных смен в период проведения основных режимных мероприятий и организации постоянного контроля за выполнением осужденными распорядка дня в сравнении с АППГ допущено зна-

чительное увеличение количества нарушений, связанных: с групповым неповиновением осужденных (с 0 до 2 случаев, или на 100 %), умышленной порчей казенного имущества (с 625 до 680, или на 8,8 %), повреждением средств видеонаблюдения, сигнализации и связи (с 112 до 177, или на 58 %), групповым употреблением спиртных напитков (с 1 до 3 или на 200 %), изготовлением спиртных напитков (с 18 до 21, или на 16,6 %), приближением к ограждению внутренней запретной зоны (с 3 до 14, или на 367 %), нарушением формы одежды (с 34 072 до 35 690, или на 4,8 %), передвижением по территории учреждения без сопровождения (с 7 283 до 7878, или на 8,2 %), причинением умышленного вреда своему здоровью (с 445 до 821, или на 84,5 %), употреблением нецензурных слов (с 5 293 до 5617, или на 6 %), угрозой жизни и здоровью сотрудников и иных лиц (с 18 до 19, или на 5,5 %), хранением аксессуаров к сотовым телефонам (с 174 до 353, или на 103 %), хранением спиртосодержащих напитков (с 43 л до 131,01 л, или на 204 %), что свидетельствует о недостаточной профилактической работе с осужденными и об отсутствии своевременной упреждающей информации о наличии у осужденных запрещенных предметов или намерении совершения ими противоправных действий.

Несмотря на общее увеличение на 17 % количества нарушений УПОИ отмечается уменьшение их количества в части: отказа (прекращения) от работы (с 341 до 303, или на 11,2 %), неповиновения законным требованиям сотрудников (с 1007 до 947, или на 6 %), употребления спиртных напитков (с 21 до 15, или 28,6 %), хранения сотовых телефонов (с 2836 до 832, или на 70,7 %) и хранения колюще-режущих предметов (с 117 до 95, или на 18,8 %), что может говорить о повышении сотрудниками контроля за выполнением осужденными своих обязанностей.

К дисциплинарной ответственности привлечено 135 602 осужденных (АППГ – 118 810), из них: водворялись в ШИЗО – 33 909, или 25 % от всех привлеченных, переводились в ПКТ – 1708, или 1,3 %, и ЕПКТ – 323, или 0,2 %, объявлялись выговоры – 40 394, или 29,8 %, накладывались дисциплинарные штрафы – 656, или 0,5 %, проводились профилактические беседы с 46 099 осужденными, или 34 %. Злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания признано 1686 человек, или 3 % от всех осужденных.

На основании приведенных данных нами был задан вопрос о возможности достижения целей уголовно-исполнительного законодательства с осужденными, отбывающими наказание в секторе «А». По мнению 71,5 % опрошенных сотрудников, исправление и предупреждение совершения новых преступлений осужденными, отбывающими наказание в секторе «А», возможны, более того, их изоляция от других категорий позволяет оказывать необходимое исправительное воздействие и проводить с ними комплексную и целостную воспитательную работу. Вместе с тем на невозможность исправления данной категории осужденных указали 28,5 % сотрудников, где 16,7 % в качестве основной причины отметили, что оказание необходимого воздействия на осужденных данного сектора не представляется возможным из-за широкого перечня категорий, содержащихся в нем. Менее 10 % опрошенных указали, что достижение указанных целей невозможно из-за их криминального опыта и (или) отрицательной направленности.

Ввиду того что одним из направлений данного исследования явилось рассмотрение целесообразности внедрения типовой модели в остальных учреждениях УИС России, был задан вопрос о мнении сотрудников и осужденных относительно разрешения проблем раздельного содержания осужденных к лишению свободы в связи с переходом на содержание в секторах различных видов контроля. Приведем процентное соотношение указанных респондентами ответов (табл. 6).

Таблица 6

Категория	Переход на содержание в секторах различных видов контроля привел к разрешению проблем раздельного содержания осужденных, %	Переход на содержание в секторах различных видов контроля не привел к разрешению проблем раздельного содержания осужденных, %	Затруднились ответить, %
Сотрудники	49,3	19,4	31,3
Осужденные	50,3	22,3	27,4

Как видно из таблицы, мнение сотрудников и осужденных о проблемах раздельного содержания осужденных к лишению свободы после внедрения типовой модели проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы совпадает – деление территории ИУ по секторам различных видов контроля привело к разрешению некоторых проблем раздельного содержания осужденных.

Следует отметить, что до внедрения типовой модели осужденные, оказывающие отрицательное влияние на других лиц, содержались в общем отряде и их концентрация была минимальной. Это позволяло сдерживать деструктивное поведение осужденных в пределах одного отряда. Изоляция лиц отрицательной направленности в целом является положительным шагом на пути преодоления распространения криминальной субкультуры, однако содержание лиц, находящихся на профилактическом учете, по различным основаниям в пределах одного сектора нуждается в корректировке и доработке.

При анализе данных о количестве осужденных, поставленных на профилактический учет, установлено, что в 2020 г. их количество снизилось на 8 % и составило 5487 чел. (АППГ – 5 959), общее количество осужденных, снятых с профилактического учета, уменьшилось на 10 % – с 2876 до 2606 чел.

Возвращаясь к вопросу о мероприятиях, предусмотренных Концепцией развития УИС России до 2030 г., следует акцентировать внимание на содержании в секторе «А» отдельных категорий осужденных, в частности лиц, состоящих на профилактическом учете. Степень криминальной зараженности, основания и условия постановки на профилактический учет и другие факторы обуславливают необходимость отделения осужденных друг от друга. Важность такого разделения вызвана степенью негативного влияния одних осужденных на других.

На наш взгляд, целесообразно разделение осужденных, предусмотренных для содержания в секторе «А», на три группы для отдельного содержания друг от друга.

Группа 1:

- организующие и провоцирующие групповое противодействие законным требованиям администрации;
- отбывающие наказание за дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки;
- оказывающие негативное влияние на других осужденных;
- склонные к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка;
- организующие или активно участвующие в азартных играх с целью извлечения материальной или иной выгоды;
- склонные к совершению побега;
- лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности;

– склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов;

– склонные к захвату заложников;

– склонные к совершению поджогов.

Группа 2:

– склонные к употреблению и приобретению наркотических веществ, психотропных средств, сильнодействующих медицинских препаратов и алкогольных напитков;

– признанные судом нуждающимися в лечении от наркомании и алкоголизма;

– склонные к совершению суицида и членовредительству;

– склонные к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность;

– склонные к совершению преступлений с использованием технических средств связи.

Группа 3:

– изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию;

– осужденные за преступления террористического характера и (или) экстремистской направленности, а также склонные к совершению указанных преступлений.

Первая группа осужденных обладает значительным криминальным и преступным опытом, приверженностью к тюремной субкультуре, проявляет лидерские качества, имеет склонность к совершению противоправных деяний, что выступает основаниями определения высокой степени общественной опасности таких лиц.

Лица, входящие во вторую группу, в большей степени склонны к причинению вреда своему здоровью и нарушению установленных правил внутреннего распорядка, чем к оказанию отрицательного влияния на другие категории осужденных. Необходимость отдельного содержания первой и второй групп вызвана угрозой безопасности последним ввиду проявления менее выраженной степени агрессии по отношению к другим.

Третья группа осужденных включает в себя лиц, осужденных за преступления террористического характера и (или) экстремистской направленности, а также осужденных, изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию. Их изоляция является очевидным необходимым шагом на пути преодоления распространения экстремистской идеологии, в особенности религиозного насильственного экстремизма (радикальный экстремизм).

Каждой из приведенных категорий необходимо особое исправительное воздействие, изолированное содержание позволит более качественно проводить профилактическую и воспитательную работу с ними, оказывать психологическую помощь, препятствовать преступному влиянию на другие группы осужденных, обеспечивая исправление и предупреждение совершения новых преступлений лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Для сотрудников откроются возможности проведения групповых занятий, так как работа с каждой группой лиц, поставленных на профилактический учет, требует специального группового и индивидуального психологического сопровождения.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что некоторые направления, предусмотренные Концепцией развития УИС России до 2030 г., уже применяются в практической деятельности ФСИН России в отдельных ИУ, в которых внедрена типовая модель проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными. В рамках проведенного исследования обоснована целесообразность ее внедрения в другие ИУ ФСИН России. Вместе с тем сравнительный анализ мнений сотрудников и осужденных, их анкетирование и интервьюирование

позволили выявить проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности учреждений ФСИН России, на территории которых внедрена типовая модель, следовательно, ее отдельные направления требуют дальнейшей корректировки и доработки.

В рамках создания условий раздельного содержания отдельных категорий осужденных в учреждениях УИС и совершенствования порядка проведения индивидуальной профилактики правонарушений, в частности, конкретизации категорий осужденных, находящихся на профилактическом учете, как значимых мероприятий, предусмотренных Концепцией развития УИС России до 2030 г., предлагается разделение осужденных, состоящих на профилактическом учете, содержащихся в секторе «А», на три группы для отдельного содержания друг от друга.

Библиографический список

1. Стрелков Д. О. О ходе эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. Т. 7 : материалы круглых столов «Осуществление оперативно-розыскной деятельности в учреждениях УИС на современном этапе», «Наука и практика в обеспечении режима в пенитенциарных учреждениях», «Кинологическое обеспечение деятельности ФСИН России: теоретические основы и практический опыт». С. 319–324.

УДК 20.1:343.8

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.237-244

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА БЕЛОВА,

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики и менеджмента,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: belova_t_n@mail.ru;

МУХТАР АМАН-МУРАТОВИЧ БЕКАРИСТАНОВ,

заместитель дежурного помощника начальника колонии,
ФКУ ИК-10 УФСИН России по Астраханской области,
г. Астрахань, Российская Федерация,
e-mail: muxtar-777@mail.ru

ЭФФЕКТ МАСШТАБА В ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Белова, Т. Н. Эффект масштаба в производственно-хозяйственной деятельности учреждения уголовно-исполнительной системы / Т. Н. Белова, М. А.-М. Бекарисанов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 237–244. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.237-244.

Аннотация. В статье рассмотрен эффект масштаба, инструментом реализации которого является определение минимально эффективного объема производства продукции. Предлагается адаптированный к особенностям функционирования производственных подразделений исправительных колоний метод определения минимально эффективного объема производства (точки безубыточности). Суть метода состоит в расчете такого объема однономенклатурной продукции, при котором финансовый результат равен нулю. Положение точки безубыточности зависит от соотношения постоянных и переменных затрат на производство продукции, доли постоянных затрат в суммарных издержках. Планирование с использованием минимально эффективного объема производства для каждого вида продукции является необходимым условием успешного развития исправительного учреждения в средней и долгосрочной перспективе. В качестве объекта исследования выбрано производственное подразделение ФКУ ИК-10 УФСИН России по Астраханской области, для которого актуальна проблема оптимизации объемов и структуры ведущей отрасли – производства хлеба и хлебобулочных изделий. На основе данных отчетности за последние три года был сделан расчет минимально эффективного объема производства для этой продукции в пересчете на условные единицы. Исходя из

© Белова Т. Н., Бекарисанов М. А.-М., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

проведенных расчетов авторы рекомендуют расширение производства хлеба и хлебобулочных изделий. В проектном графике содержится решение по объемам производства с учетом эффекта масштаба по критерию увеличения массы финансового результата (прибыли). Это позволит учреждению в дальнейшем инвестировать финансовые средства в расширение и модернизацию производства данного сегмента производственно-хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: эффект масштаба, эффект разнообразия, минимально эффективный объем производства, производство пищевых продуктов, экономическая эффективность, производственные подразделения исправительных колоний.

Становление рыночных отношений в российской экономике затрагивает все сферы хозяйственной деятельности, в том числе производственный сектор уголовно-исполнительной системы (УИС). Производство товаров и оказание услуг с использованием труда осужденных является воспроизводственным процессом, неотъемлемая часть которого – планирование в условиях действия специфических ограничений [11]. Успех производственно-хозяйственной деятельности исправительного учреждения зависит от множества факторов – это внешние и внутренние коммуникации, гибкость принятия решений, знание конкретных рынков, информационное обеспечение внутренних процессов и т. д. [1, 2, 5, 10].

Несмотря на то что получение прибыли не считается главной целью производственной деятельности учреждений УИС, финансовый результат выступает важнейшим ориентиром, характеризующим место того или иного продукта на товарных или локальных рынках. Планирование рентабельности на уровне 5–6 %, как это принято во многих исправительных колониях, приводит к тому, что фактическая прибыль в условиях колебания цен на ресурсы и сложной конъюнктуры рынка не покрывает издержек. В этом случае весьма сложным является перспектива дальнейшего роста, обновление производственных мощностей, применение инноваций [7]. Экономический эффект производства продукции или оказания услуг во многом зависит от его размеров (объемов) и связан со спецификой и технологией. Так, применение производственных машин и оборудования только тогда имеет положительный экономический эффект, когда производственные мощности загружены полностью [11]. В противном случае высокая доля амортизационных отчислений в себестоимости продукции делает ее неконкурентоспособной на рынке товаров и услуг.

Преодолению барьеров для входа на рынок способствует использование эффекта масштаба и эффекта разнообразия [9]. Эффект масштаба состоит в увеличении объемов производства, что, в свою очередь, приводит к снижению условно-постоянных затрат на единицу продукции. Если исправительная колония сумела наладить крупномасштабное (серийное, поточное, массовое) производство своих товаров, то она становится доминирующим агентом на рынке и ставит своих потенциальных соперников в трудные условия. Эффект разнообразия носит другую направленность, но имеет ту же природу – экономию на издержках, но относится к ситуации, когда колония производит несколько разнородных товаров [9]. Себестоимость производства ряда изделий в одном учреждении может оказаться значительно ниже, чем если бы они производились в разных учреждениях.

Эффект масштаба может быть как положительным, так и отрицательным. Отрицательный эффект возникает, если не учитывать истинное положение хозяйствующего

субъекта на рынке. Положительных эффектов масштаба значительно больше. Крупное производство, во-первых, способствует большей специализации и разделению труда, что является основой для повышения производительности труда, в данном случае выработке на одного осужденного; во-вторых, может позволить себе применять механизацию и автоматизацию производства, которые недоступны для более мелких предприятий. Положительный эффект масштаба также связан с применением технологических линий и сборочных конвейеров, способствующих снижению удельных издержек, например общехозяйственных и общепроизводственных расходов [4].

Рассмотрим использование в планировании эффекта масштаба на примере типичного хозяйствующего субъекта – ФКУ ИК-10 УФСИН России по Астраханской области (далее – ИК-10) общего режима с лимитом наполнения 1026 единиц. Объемы производственно-хозяйственной деятельности, связанной с привлечением труда осужденных, весьма значительны. Так, объем товарной продукции и оказанных услуг в 2018 г. составил 23,1 млн руб., что значительно выше уровня предыдущего года. В 2019 г. данный показатель вновь снизился на 19,5 % (18,6 млн руб.). Следует отметить, что практически весь объем произведенной продукции и оказанных услуг реализуется. Нестабильность объемов реализации сказывается на получении финансового результата. Прибыль от реализации в 2017 г. составила 847,3 тыс. руб., но в 2018–2019 гг. произошло значительное снижение данного показателя. В 2019 г. получена прибыль в размере 756,3 тыс. руб., что ниже, чем в 2017 г., но выше, чем в 2018 г. на 51,62 %.

Хозяйственная деятельность колонии весьма разнообразна – это производство пищевых продуктов, сельскохозяйственное производство (мясо и мясопродукты, выращивание и переработка овощей), лесозаготовка и обработка древесины, швейное производство. В настоящее время ИК-10 выпускает свыше 30 наименований товарной продукции, имеющей спрос на потребительском рынке, и считается ведущим среди исправительных колоний региона. На протяжении последних лет структура товарной продукции, определяющая позиции производственного сектора исправительной колонии на рынке, остается неизменной (рис. 1).

Рис. 1. Структура товарной продукции ИК-10, 2019 г. (данные статистики ФСИН России)

Ведущей отраслью является производство пищевых продуктов, которое составляло 39,8 % от суммарного выпуска. На долю выполненных работ и оказанных услуг приходилось 31,9 % от всего объема. Сельскохозяйственное производство, размеры которого остаются неизменными и определяются внутренними потребностями, составляет 3,55 млн руб., или 19,1 %. Вследствие снижения объемов лесозаготовки и обработки древесины все последние годы их доля в структуре товарной продукции на конец 2019 г. составила менее 1 %. Структурный анализ производственно-хозяйственной деятельности ИК-10 показал, что эффект масштаба может быть использован только в одном секторе – производстве пищевых продуктов (выпечка хлеба). Дело в том, что ни сельскохозяйственное производство, размеры деятельности которого ограничены площадью земельных угодий, ни оказание услуг не могут претендовать на расширение производства [3, 8]. Ассортимент производства небольшой – это хлеб 1-го сорта «Нарезной», хлеб «Дарницкий» и хлеб «Купеческий» (табл. 1).

Таблица 1

Размеры и эффективность производства хлеба и хлебобулочных изделий в ИК-10, 2019 г.

Наименование продукции	Кол-во, ед.	Себестоимость продукции, тыс. руб.	Выручка от реализации продукции, тыс. руб.	Прибыль, тыс. руб.	Рентабельность, %
Хлеб 1-го сорта «Нарезной», 1 шт., 600 г	110 000	2871,0	3030,5	159,5	5,6
Хлеб «Дарницкий», 1 шт., 600 г	95 000	2635,3	2812,0	176,7	6,7
Хлеб «Купеческий», 1 т., 400 г	55 000	2871	1568,1	129,3	9,0
Итого:		6945,1	7410,6	465,5	6,7

Согласно отчетным данным за 2019 г., суммарная выручка от реализации продукции составила 7,41 млн руб., себестоимость – 6,9 млн руб., рентабельность реализованной продукции – 6,7 %. Внутри ассортиментной группы наибольшая рентабельность (9 %) принадлежит хлебу «Купеческий», а наименьшая – 5,6 % хлебу 1-го сорта «Нарезной». Очевидно, что за счет увеличения номенклатуры продукции, а также перераспределения имеющихся производственных ресурсов на более выгодные виды продукции возможно увеличение доходности и достижение положительного эффекта масштаба.

Опишем процедуру расчетов, адаптированную нами к специфике производственной деятельности учреждения УИС. Основным приемом расчета в данном случае является определение минимально эффективного выпуска, или точки безубыточности [4, 6, 10]. Это объем производства, обеспечивающего соответствие выручки от его реализации общим издержкам на его производство и реализацию. Расчет минимально эффективного объема ($Q_{кр}$) для производства продукции одной номенклатуры произведем по формуле (1):

$$Q_{кр} = Z_{пост} / Ц_{ед} - Z_{пер ед}, \quad (1)$$

где $Z_{\text{пост}}$ – общие постоянные издержки на весь объем продукции данного наименования (в их состав входят затраты на содержание, эксплуатацию и ремонт оборудования, затраты на содержание и эксплуатацию зданий и сооружений, затраты на подготовку производства, общепроизводственные, общехозяйственные и внепроизводственные расходы); $C_{\text{ед}}$ – отпускная цена реализации единицы продукции (без НДС); $Z_{\text{пер ед}}$ – переменные издержки в расчете на единицу продукции (в их состав входят затраты сырья и материалов, топлива и энергии на технологические нужды, заработная плата производственных рабочих и страховые взносы).

Размер финансового результата (π) от реализации фактического объема продукции определенного наименования Q можно рассчитать по следующей формуле:

$$\pi = Q \times (C_{\text{ед}} - Z_{\text{пер ед}}) - Z_{\text{пост}} \quad (2)$$

На рисунке 2 отражен процесс проведения расчетов по определению минимально эффективного объема хлебопекарного производства с использованием электронных таблиц Excel. По мере необходимости с изменением входной информации результаты расчетов

	A	B	C	D	E	F	G
1	Введите исходные данные			Расчитываемые значения			
2	Выручка (руб.)		13 050,00	Цена за единицу товара			26,10
3	Реализация (Услов. Ед.)		500,00	Средние переменные издержки			14,82
4	Постоянные затраты (руб.)		8 680,00	Точка безубыточности (руб.)			20 084,04
5	Переменные затраты (руб.)		7 410,00	Точка безубыточности (шт.)			769,50
6							
7	Q	TVC	TFC	TC	R	R-TC	
8	0	0	8 680,00	8 680	0	-8 680	
9	150	2 223	8 680,00	10 903	3 915	-6 988	
10	250	3 705	8 680,00	12 385	6 525	-5 860	
11	350	5 187	8 680,00	13 867	9 135	-4 732	
12	450	6 669	8 680,00	15 349	11 745	-3 604	
13	550	8 151	8 680,00	16 831	14 355	-2 476	
14	650	9 633	8 680,00	18 313	16 965	-1 348	
15	750	11 115	8 680,00	19 795	19 575	-220	
16	850	12 597	8 680,00	21 277	22 185	908	
17	950	14 079	8 680,00	22 759	24 795	2 036	
18	1050	15 561	8 680,00	24 241	27 405	3 164	
19	1150	17 043	8 680,00	25 723	30 015	4 292	
20	1250	18 525	8 680,00	27 205	32 625	5 420	

Рис. 2. Окно диалога Excel для определения критического объема производства хлеба и хлебобулочных изделий

автоматически пересчитываются. В левой части в первых строках расположены исходные данные на весь объем продаж: выручка от реализации продукции в натуральном и стоимостном выражении, постоянные и переменные затраты. В правой части – результаты вычислений, это критический объем производства в стоимостном и натуральном выражении.

Соотношение постоянных и переменных затрат, как показали наши исследования, оказалось главным критерием, определяющим положение критической точки. Если

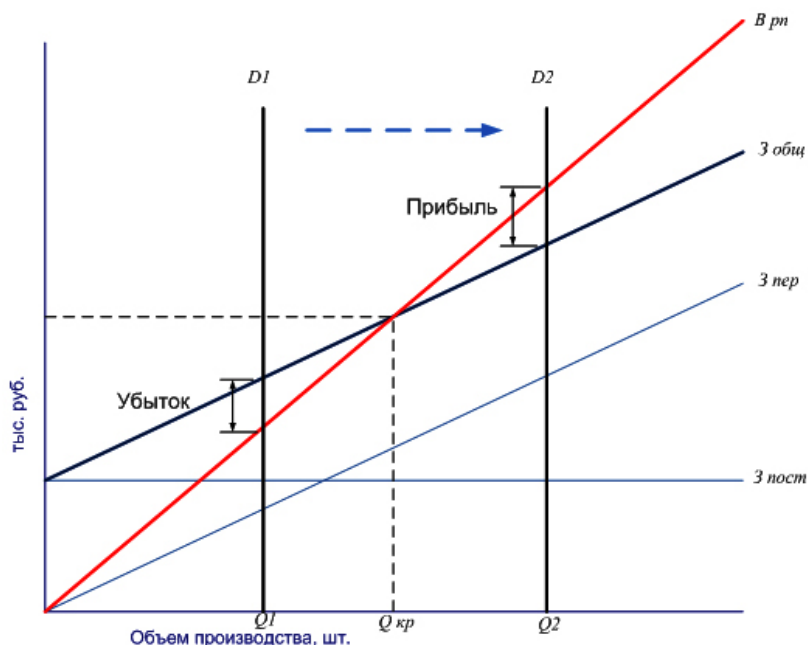

Рис. 3. Графический метод определения минимально эффективного объема производства продукции

следовать плановой калькуляции, разработанной в учреждении, то оказывается, что большая часть постоянных затрат – это общепроизводственные и общехозяйственные расходы – являются непомерно большими [6, 7]. Кроме того, эти расходы планируются на основе части переменных расходов (оплаты труда) и составляют, как показывает анализ, 80–110 % от оплаты труда. Таким образом, для систематических расчетов по определению критического объема производства продукции следует изменить практику учета и анализа себестоимости продукции.

Наглядной иллюстрацией применения методики определения критического объема продаж является графический метод (рис.3).

Проведенные нами расчеты по хлебу и хлебобулочным изделиям показали, что точка безубыточности $Q_{кр}$ составляет 770 условных единиц в сутки (для пересчета хлеба и хлебобулочных изделий в условные единицы мы приняли за единицу хлеб 1-го сорта «Нарезной» (по плановой себестоимости), тогда хлеб «Дарницкий» – 1,063, хлеб «Купеческий» – 1,0022, хлеб «Горчичный» – 1,065, пирожки в ассортименте – 0,724 условной единицы), или 20 084 руб. (в пересчете на год 280,9 тыс. условных единиц и 7330 тыс. руб.). Если потенциальный спрос $D1$ предполагает включение в план продаж в объеме $Q1$, который меньше критического объема $Q_{кр}$, то реализация в данном объеме приведет к возникновению убытка. Однако если спрос будет на уровне $D2$, соответствующем объему продаж $Q2$, превышающему критический объем $Q_{кр}$, то финансовый результат от реализации продукции по данной номенклатурной позиции будет положительным.

При растущем спросе на продукцию исправительной колонии вполне возможен переход в зону прибыли, которая отмечена на графике по вертикали D2. Допустим, это объем продаж хлеба и хлебобулочных изделий в объеме 950 условных единиц в сутки (рис. 2, строка 17). В этом случае при том же уровне постоянных затрат 8680 руб. суммарная себестоимость составит 22 759 руб. Плановая рентабельность не изменится – 8,9 %.

В заключение отметит, что действие эффекта масштаба не распространяется на сколь угодно длительную шкалу производства продукции: расширение производства ограничено имеющимися технологическими мощностями. В случае инвестиций в новое оборудование большей мощности происходит скачкообразный рост постоянных затрат, что увеличивает их долю в суммарных издержках. При этом точка безубыточности переместится вправо и потребуются более точный пересчет критического объема продаж. Важным моментом, на который следует обратить внимание планово-экономическим службам учреждений УИС, является снижение постоянных затрат, возникающих в процессе функционирования производственного участка: всесторонняя экономия топливно-энергетических ресурсов, оптимизация производственных помещений цеха и т. д. Следует также пояснить, что только реализованная продукция возмещает как постоянные, так и переменные издержки производства и является источником получения положительного финансового результата.

Обострение конкуренции в условиях развития российской и мировой экономики в целом поставило финансовый результат коммерческой организации в зависимость от учета и формирования потребительского спроса, что предполагает качественное управление ассортиментом выпускаемой и реализуемой продукции. Руководители предприятий, где применяется преимущественно традиционная система учета полных затрат, не всегда осознают, что в рамках такой учетной политики управление ассортиментом не дает тех возможностей влияния на финансовый результат, какие предполагает система учета частичных затрат. Последняя позволяет проводить глубокий анализ относительной прибыльности отдельных продуктов, ассортиментных групп и повышать прибыль даже без введения новых продуктов.

Библиографический список

1. Белова Т. Н., Слюняев Д. В. Моделирование товарной стратегии производственной деятельности исправительного учреждения // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1–4), № 2. С. 276–283.
2. Белова Т. Н. Матрица BCG как инструмент моделирования товарной стратегии // Современные технологии в науке и образовании – СТНО-2020 : сб. тр. III Междунар. науч.-техн. форума : в 10 т. / под общ. ред. О. В. Миловзорова. Рязань : Book Jet, 2020. Т. 8. С. 76–81.
3. Белова Т. Н. Дифференциация локальных рынков продовольствия в контексте импортозамещения // Социально-экономическое развитие хозяйствующих субъектов, отраслей, регионов: проблемы и перспективы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. С. 14–20.
4. Основы планирования производственной деятельности / Е. А. Буранова [и др.]. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. 237 с.
5. Валушко К. П., Зарубина О. А., Крапивина С. В. Особенности совершенствования сбытовой политики в пенитенциарной системе России // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Пенз. гос. аграр. ун-т, 2020. С. 38–41.

6. Конкина В. С. Сравнительный анализ основных подходов к управлению затратами // Вестник аграрной науки. 2018. № 1.

7. Конкина В. С., Пономарева Е. В., Курочкина Е. Н. Оценка эффективности АПК уголовно-исполнительной системы на примере Рязанской области // Вестник Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева. 2016. № 4(32). С. 108–113.

8. Макарова О. В., Гаспарян С. В. Особенности применения экономических инструментов для развития сельскохозяйственного производства в пенитенциарной системе // Экономика и предпринимательство. 2020. № 11(124). С. 951–954.

9. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов / пер. с англ. Н. Минервин. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.

10. Феофанова А. С., Зарубина О. А. К вопросу о конкурентоспособности продукции // Организационно-экономические и инновационно-технологические проблемы модернизации экономики России : сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Пенз. гос. аграр. ун-т, 2020. С. 227–230.

11. Чернышов И. Н. Структура управления исправительным центром: принципы построения и направления изменений // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1–4), № 1. С. 62–71.

УДК 159.9:343.83

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.245-254

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ГАНИШИНА,

доктор психологических наук, доцент,
начальник кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
е-mail: irinaganishina@yandex.ru;

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА СУЧКОВА,

заместитель начальника межрегионального отдела
психологической работы,
ГУФСИН России по Приморскому краю,
г. Владивосток, Российская Федерация,
е-mail: shira78@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОХРАНЫ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ К ПРИМЕНЕНИЮ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ НА ПОРАЖЕНИЕ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Для цитирования

Ганишина, И. С. Психологическая готовность сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний к применению огнестрельного оружия на поражение: поведенческий аспект / И. С. Ганишина, И. В. Сучкова // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 245–254. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.245-254.

Аннотация. Актуальность исследования поведенческого аспекта психологической готовности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний к применению огнестрельного оружия на поражение обусловлена стабильным уровнем побеговой активности осужденных, что определяет необходимость изучения личностных особенностей сотрудников, отвечающих за успешность профессиональных действий по применению огнестрельного оружия на поражение. Исследованием готовности к деятельности в особых и экстремальных условиях службы занимались Л. С. Нерсесян, В. Н. Пушкин (1969 г.), М. И. Дьяченко (1985 г.), Л. А. Кандыбович (1985 г.), И. С. Дорошенко (2002 г.), А. И. Адаев (2004 г.), Б. Б. Казак (2006 г.), Е. В. Овчарова (2012 г.) и др. В рамках проведенного эмпирического исследования установлено, что психологическая готовность рассматривается как предрасположенность к определенному поведению, настрой, структура действий, направленных на достижение результата. В основе психологической готовности ле-

© Ганишина И. С., Сучкова И. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

жат механизмы адаптации и копинг-стратегии преодоления стрессовых ситуаций. В силу этого поведенческий аспект является необходимым структурным элементом психологической готовности к деятельности.

Цель исследования – изучение психологической готовности сотрудников подразделений охраны Федеральной службы исполнения наказаний к применению огнестрельного оружия на поражение. Исследовательскую выборку составили сотрудники 18 территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний, участвовавшие в пресечении побегов осужденных путем применения огнестрельного оружия в местах лишения свободы. Методы и методики исследования: тестирование, опросник формально-динамических свойств индивидуальности (В. М. Русалов), методика изучения стратегий преодоления стрессовых ситуаций (С. Хобфолл), опросник агрессивности Басса – Дарки, методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев). Для обработки полученных данных была использована программа PsychometricExpert (версия 9.1.1). Установлено, что в структуре психологической готовности сотрудников к применению оружия на поражение поведенческий компонент выражается в сниженной потребности в общении, ограниченном круге контактов, ориентации на референтную группу. Конфликтность и враждебность маловероятны, но при необходимости используются как инструменты в достижении цели. Сотрудников отличают работоспособность, высокий мышечный тонус, повышенная двигательная активность, высокая скорость и гибкость при переключении с одних форм активности на другие. Осторожность и тщательность сочетаются с импульсивностью, что отражает способность к быстрому переходу от пассивного наблюдения к активным действиям.

Ключевые слова: психологическая готовность, применение оружия на поражение, подразделения охраны, уголовно-исполнительная система, побеговая активность осужденных, поведенческий аспект.

Введение

Деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) направлена на обеспечение и реализацию функций по принудительной изоляции осужденных от общества, их исправление, формирование правопослушной мотивации и профилактику совершения новых преступлений. В случае, когда осужденный пытается нарушить границы пенитенциарного учреждения, исключительным средством является применение оружия на поражение. В силу этого служба в подразделениях охраны ФСИН России предъявляет особые требования к личности сотрудника УИС, несущего службу с оружием [3].

Актуальность исследования психологической готовности к применению оружия на поражение в деятельности сотрудников подразделений охраны УИС обусловлена стабильным уровнем побеговой активности преступников, а также необходимостью изучения личностных особенностей сотрудников, отвечающих за успешность профессиональных действий по применению оружия. В контексте исследуемой проблемы важно отметить то, что эмпирических исследований психологической готовности сотрудников подразделений охраны ФСИН России к применению оружия на поражение в рамках пенитенциарной психологии проводилось недостаточно.

В современной психологической науке накоплен обширный теоретический и практический материал по проблеме готовности человека к разным видам деятельности.

По мнению Н. Н. Ивашко, деятельность сотрудников подразделений охраны проходит в особых условиях, которые являются источником напряжения, снижения психологической готовности сотрудников УИС [7]. Исследованием готовности к деятельности в особых условиях занимались Л. С. Нерсесян, В. Н. Пушкин (1969 г.), М. И. Дьяченко (1985 г.), Л. А. Кандыбович (1985 г.), И. С. Дорошенко (2002 г.), А. И. Адаев (2004 г.), Б. Б. Казак (2006 г.), Е. В. Овчарова (2012 г.) и др. Анализ теоретических источников позволил выделить ряд особенностей, актуальных для определения специфики психологической готовности к применению оружия на поражение. Так, представляет интерес классическая модель научения Э. Торндайка, который предложил закон формирования готовности путем закрепления успешных стимульно-реактивных связей и подкрепления желаемого поведения [17]. В. А. Ядов в диспозиционной концепции изучил психологическую готовность в рамках предрасположенности, обусловленной условиями и результатами предшествующей деятельности [1].

В исследованиях, посвященных изучению психологической готовности к деятельности в особых, экстремальных условиях, М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, В. А. Пономаренко рассматривали ее как психологический настрой на исполнение деятельности, задача которого – модифицировать поведение, содействовать активности личности [5]. В. Н. Пушкин и Л. С. Нерсесян предложили рассматривать психологическую готовность в виде трех компонентов: первый – психическая направленность личности, второй – интегральный психофизиологический компонент, третий – структура действий, направленных на достижение результата [12]. И. А. Кучерявенко отмечает, что готовность предполагает наличие у специалиста образа структуры поведения и направленности сознания на его выполнение, стремление выполнить поставленную задачу [11].

Изучая психологическую готовность курсантов образовательных организаций МЧС России, К. А. Волосов доказывает ее зависимость от уровня личностных ресурсов, особенностей стресс-преодолевающего поведения, нервно-психической устойчивости, развития волевых качеств [2]. Похожую позицию высказывает и Л. Э. Кузнецова, отмечая, что основной составляющей психологической готовности к службе является адаптационный потенциал личности, который определяет копинг-ресурс, копинг-стратегии совладания со сложными жизненными ситуациями, а также копинг-поведение [10].

Е. В. Овчарова, раскрывая содержание адаптационного потенциала, доказала, что для успешного поведения сотрудников подразделений охраны ФСИН России важны такие показатели, как индивидуалистичность, сверхконтроль, демонстративность поведения, эгоистичность, отрицание трудностей социальной адаптации, настойчивость, высокая степень вовлеченности в работу [13]. Внутреннюю напряженность, неуверенность в себе, пессимистическую оценку перспективы, депрессию, неустойчивость эмоций, озабоченность собственным здоровьем, склонность к импульсивным действиям без учета последствий она связывает с низким уровнем психологической готовности [14].

И. С. Дорошенко, исследуя психологическую готовность к выполнению задач у сотрудников подразделений охраны исправительных учреждений, определяет личностный уровень готовности. Она выделяет некоторые свойства (качества), присущие сотруднику, которые помогают ему качественно решать поставленные задачи: организованность, уравновешенность, независимость, адаптивность, энергичность, заинтересованность в достижении поставленной цели. Автор выделяет социально-психологический уровень психологической готовности (потребность в общении, самостоятельность в принятии решений, умеренная агрессивность) и психофизиологический уровень (сила нервных процессов, равновесие, подвижность, быстрая реакция, сопротивляемость, настойчивость, сдержанность) и др. [4].

И. Н. Коноплева, изучая личностную составляющую психологической готовности к применению оружия на поражение у сотрудников МВД России, выделяет в качестве ключевых элементов готовности способность личности к адаптации и саморегуляции. Автор подчеркивает, что проблема готовности может быть понята и исследована только в рамках конкретной профессиональной деятельности или профессиональной группы [9].

Отмечая высокую значимость рассмотренных нами теоретических исследований, необходимо указать на то, что эмпирическое изучение поведенческого аспекта психологической готовности к применению оружия на поражение у сотрудников подразделений охраны уголовно-исполнительной системы проводилось недостаточно. Соглашаясь с мнением Р. Д. Санжаевой, мы считаем, что психологическая готовность – это комплексная интегративная характеристика психологического содержания субъекта экстремальной деятельности. Ее психологическая структура имеет стержневое значение [19], а потому должна быть более подробно исследована.

Методы

Для изучения поведенческих аспектов психологической готовности сотрудников подразделений охраны УИС нами была сформирована выборка, в которую вошли сотрудники, успешно применявшие в служебной деятельности оружие на поражение. Выборка была сформирована в рамках изучения всех фактов побегов из мест лишения свободы. В состав выборки вошли 34 сотрудника из учреждений УИС. Для определения поведенческих аспектов психологической готовности к применению огнестрельного оружия на поражение в рамках психодиагностического метода были использованы следующие методики: опросник формально-динамических свойств индивидуальности (В. М. Русалов) [16], методика изучения стратегий преодоления стрессовых ситуаций (С. Хобфолл) [20], опросник уровня агрессивности Басса – Дарки [18], методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев) [8].

Результаты

В рамках эмпирического исследования нами был проведен анализ личностных особенностей сотрудников, применявших оружие на поражение. Рассматривая результаты исследования по опроснику формально-динамических свойств индивидуальности (В. М. Русалов), в организации поведения сотрудников ФСИН России были выявлены особенности следующих психофизиологических параметров:

- 1) эргичность – характеризует степень напряженности взаимодействия организма со средой;
- 2) пластичность – отражает степень легкости (трудности) переключения с одних программ поведения на другие;
- 3) скорость (темп) – показывает степень быстроты исполнения программы поведения;
- 4) эмоциональная чувствительность – отражает порог чувствительности к возможному несовпадению результата действия с акцептором результата действия (рис. 1).

Полученные результаты дают основание сделать следующие выводы:

– высокие результаты по шкале «Эргичность психомоторная» свидетельствуют о наличии у респондентов высокого мышечного тонуса и двигательной активности. У сотрудников отделов охраны ФСИН России диагностирован избыток физических сил, потребность в деятельности, высокая мышечная работоспособность;

– высокие результаты по шкале «Пластичность психомоторная» свидетельствуют о гибкости при переключении с одних форм двигательной активности на другие, выраженном стремлении к разнообразным способам физической деятельности;

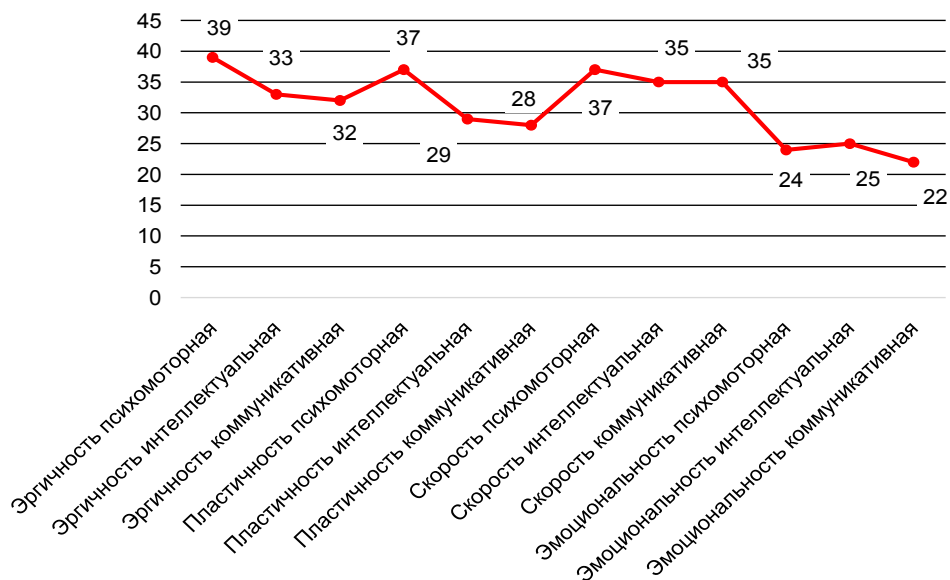

Рис. 1. Средние значения у сотрудников подразделений охраны ФСИН России по методике «Опросник формально-динамических свойств индивидуальности» (В. М. Русалов)

– высокие показатели психомоторной скорости указывают на высокий темп поведения, легкость при переключении от одного вида деятельности к другой, высокую двигательную активность;

– повышенные показатели коммуникативной скорости свидетельствуют о наличии способности к легкой и плавной речи, быстрой вербализации, высокой скорости речевой активности. Характерна вербальная «острота», образность и доступность речи;

– средние, с тенденцией к низким, результаты по шкале «Эргичность коммуникативная» свидетельствуют о сниженной потребности в общении, ограниченном круге контактов. Для сотрудников характерна избирательность и требовательность к окружению, потребность в новых знакомствах снижена;

– важным элементом для анализа являются низкие показатели по всем шкалам эмоциональности (интеллектуальная, коммуникативная, психомоторная). Из этого следует, что для выборки нехарактерна чувствительность к возможным неудачам. Уверенность в себе, спокойствие, критика к качеству работы не оказывают разрушительного воздействия на личность. Трудности в процессе общения не вызывают колебаний в самооценке и каких-либо внутренних переживаний.

Проведенный анализ по методике «Опросник формально-динамических свойств индивидуальности» (В. М. Русалов) показывает, что респондентам характерна высокая скорость речевой активности, интеллектуальная и физиологическая гибкость, которая проявляется в легком переходе от пассивного созерцания к активным мыслительным процедурам и поступкам.

Анализ психодиагностических данных, полученных при использовании методики изучения стратегий преодоления стрессовых ситуаций (С. Хобфолл), позволил сделать

выводы о личностных особенностях респондентов, направленных на поддержку психосоциальной адаптации в период стресса (рис. 2).

По результатам исследования у сотрудников подразделений охраны ФСИН России выявлены высокие значения по шкале «Поиск социальной поддержки», что свидетельствует о потребности в одобрении представителями референтной группы, важности эмоциональной поддержки близких, потребности в понимании и сочувствии.

Необходимость поиска социальной поддержки у сотрудников отдела охраны сочетается с высоким уровнем стремления к вступлению в социальный контакт, что выражается в отзывчивости, желании помочь коллегам при решении их проблем. Попадая в сложную ситуацию, они предпочитают действовать сообща, избегая персональной ответственности. Считают, что совместные усилия приносят больше пользы, чем действия одного, ценят свою принадлежность к команде и группе.

Высокие баллы по шкале «Ассертивные действия» указывают на способность респондентов адекватно оценивать сложность и значимость происходящих событий, проявлять самостоятельность при решении проблем. Характерна независимость, самодостаточность, уверенность в себе. Развита способность защищать свои права, не ущемляя прав окружающих, присутствует тенденция высказывать собственное мнение и удовлетворять свои требования.

Отмечается выраженный показатель по шкале «Осторожные действия». Данный параметр свидетельствует о наличии у сотрудников, применивших оружие, тенденции к тщательности, планомерности выполняемой деятельности. Преобладает внимательность к деталям, недоверчивость к непроверенной информации, осмотрительность и осторожность, отказ от поспешных решений, тщательность при анализе значимых стимулов.

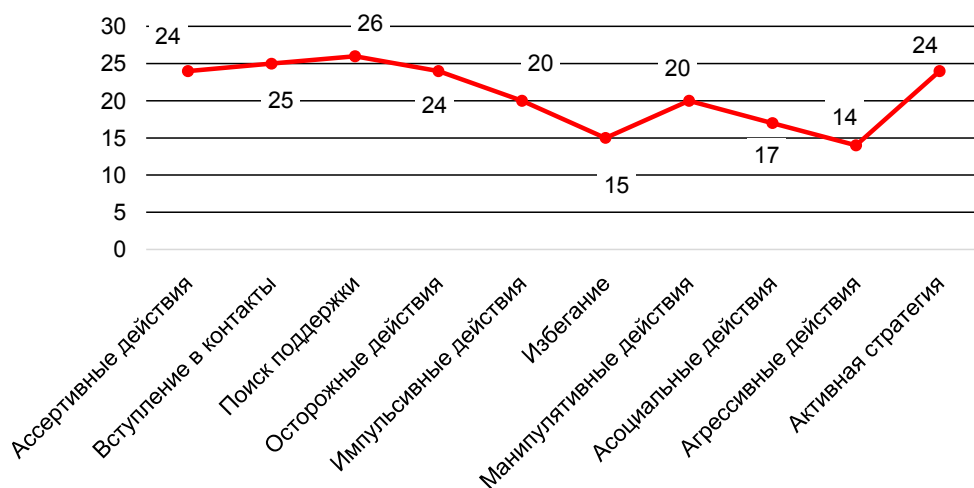

Рис. 2. Средние баллы сотрудников подразделений охраны ФСИН России по методике изучения стратегий преодоления стрессовых ситуаций (С. Хобфолл)

Повышенные баллы по шкале «Импульсивные действия» свидетельствуют о способности быстро принимать и реализовывать принятые решения.

Шкала «Избегание» демонстрирует средние показатели, из чего следует, что респондентам характерно рациональное использование собственных ресурсов при решении возникающих проблем. При необходимости отмечается готовность прибегнуть к действиям, требующим большой напряженности и ответственности за последствия.

Таким образом, диагностируемая выборка демонстрирует уникальное сочетание шкал – тенденцию к осторожности и склонность к проявлению импульсивных действий, что может указывать на легкость перехода от пассивного наблюдения к стремительным действиям.

В ходе применения опросника агрессивности Басса – Дарки получены результаты, свидетельствующие о наличии в поведении респондентов умеренных агрессивных тенденций в области субъект-субъектных отношений. Это говорит о том, что агрессия может использоваться в качестве одного из способов решения проблем, связанных с защитой собственной ценности, самооценки, уровня притязаний (рис. 3).

Для участников исследования характерно наличие таких личностных качеств, как настойчивость, потребность в достижении результата, способность к устранению и разрушению препятствий. Повышенные значения по шкале «Физическая агрессия» дают основания предположить, что использование физической силы против другого лица маловероятно, но при возникновении экстремальной ситуации, а также в ситуации угрозы для себя или своих близких данный ресурс может быть актуализирован.

При анализе шкал «Вербальная агрессия», «Чувство вины» установлено, что данные показатели находятся в границах средних значений. Сотрудники, применившие оружие на поражение, не склонны к проявлению вербальных реакций в виде спора, угроз, кри-

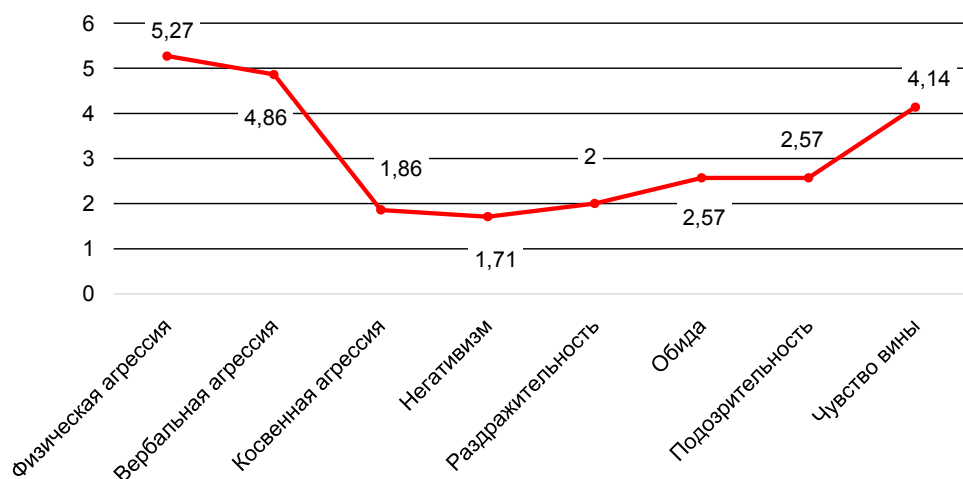

Рис. 3. Средние баллы у сотрудников подразделений охраны ФСИН России по опроснику агрессивности Басса – Дарки

ков. Чувство вины, угрызения совести испытывают редко, критично и трезво относятся к своим поступкам.

В целом у сотрудников, принявших участие в исследовании, отсутствует потребность в оппозиционном поведении по отношению к социальному пространству. Пассивное сопротивление, как и активная борьба против установившихся обычаев и законов, не является характерной для выборки. Отмечается нормальная устойчивость эмоционального состояния. Уровень готовности к проявлению отрицательных эмоций и негативных чувств незначительный. Характерна доверчивость, критичность, адекватная самооценка.

Использование методики «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев) позволило уточнить и дополнить сведения, полученные при использовании методики Басса – Дарки, включив в структуру исследования параметр «конфликтность» (рис. 4).

Повышенные показатели по шкале «Бескомпромиссность» свидетельствуют о наличии у представителей исследовательской выборки выраженного стремления брать инициативу, отстаивать свои взгляды, интересы. В личной и профессиональной среде возможно игнорирование аргументов собеседника, следование своим интересам и убеждениям.

Конфликтность является собирательной шкалой, куда входит сумма значений по показателям «бескомпромиссность», «вспыльчивость», «обидчивость» и «подозрительность». Учитывая, что для выборки значимой является только шкала «Бескомпромиссность», можно предположить, что источником конфликтов может стать посягательство на личностные интересы, принципы, установки и убеждения респондентов.

Установлено, что усредненный профиль по методике «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев) выявляет преобладание в личности со-

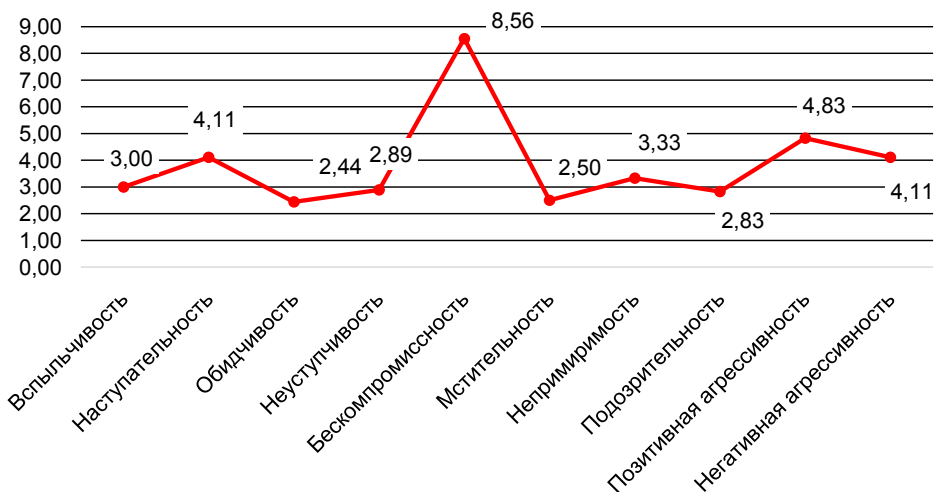

Рис. 4. Средние значения у сотрудников подразделений охраны ФСИН России по методике «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев)

трудников подразделений охраны ФСИН России таких черт, как низкая потребность в урегулировании разногласий, устойчивость в отношении напряженности в общении, неуступчивость в принципиальных позициях, настойчивость в реализации задуманных действий. Характерны более выраженная нацеленность на результат, потребность в достижении поставленной цели.

Выводы

1. Сотрудники подразделений охраны ФСИН России имеют ряд поведенческих особенностей, учет которых может повысить эффективность кадрового отбора в подразделения охраны и организовать профилактическую работу с ними. Для сотрудников исследуемой категории характерны сниженная потребность в общении, ограниченный круг контактов. В сочетании с высоким уровнем поиска социальной поддержки это может свидетельствовать о наличии значимой референтной группы, отношениями внутри которой сотрудники ограничиваются. Для них конфликтность и агрессивность маловероятны, однако они могут использоваться как инструмент в отстаивании собственных интересов и достижении поставленных целей. Характерна неуступчивость в принципиальных позициях, настойчивость в реализации задуманных действий, приоритет личных ценностей и интересов, самодостаточность.

2. Сотрудников подразделений охраны ФСИН России отличают работоспособность, высокий мышечный тонус, избыток физических сил, двигательная активность. Характерны высокая скорость реакции и гибкость при переключении с одних форм активности на другие. Осторожность и тщательность сочетаются с импульсивностью, что отражает способность к быстрому переключению от пассивного наблюдения к активным действиям.

Библиографический список

1. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности : учеб. пособие. М. : Академия, 2009. 304 с.
2. Волосов К. А. Психологическая готовность выпускников образовательных учреждений МЧС России к профессиональной деятельности: на примере ФПС МЧС России : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012. 128 с.
3. Ганишина И. С., Кириллова Т. В., Федосеева Л. Н. Личностный профиль сотрудников уголовно-исполнительной системы, несущих службу с оружием // Психология экстремальных профессий : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Я. А. Корнеева. Архангельск : Изд-во РАО, 2019. С. 33–35.
4. Дорошенко И. С. Психологическая готовность к выполнению служебных задач сотрудников подразделений охраны уголовно-исполнительной системы Минюста России : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2002. 23 с.
5. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А., Пономаренко В. А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: психологический аспект. Минск : Университетское, 1985. 175 с.
6. Заурова Э. В. Особенности личности сотрудника охраны уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2019. № 2(6). С. 99–105.
7. Ивашко Н. Н. Особенности профессиональной подготовки сотрудников подразделений охраны и конвоирования исправительных учреждений к служебной деятельности // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. № 1(1). С. 20–27.
8. Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» // Диагностика эмоционально-нравственного развития / под ред. И. Б. Дерманова. СПб. : Речь, 2002. С. 142–146.

9. Коноплева И. Н. Личностная составляющая психологической готовности сотрудников милиции к применению огнестрельного оружия и ее изменение в процессе тренинга : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2005. 167 с.

10. Кузнецова Л. Э. Формирование психологической готовности юношей к прохождению обязательной военной службы в ВС РФ с точки зрения ресурсного подхода // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 324–327.

11. Кучерявенко И. А. Проблема психологической готовности к профессиональной деятельности // Молодой ученый. 2011. № 12. С. 60–62.

12. Нерсисян Л. С., Пушкин В. Н. Психологическая структура готовности оператора к экстремальным действиям // Вопросы психологии. 1969. № 5. С. 24–31.

13. Овчарова Е. В. Психические состояния сотрудников отделов охраны уголовно-исполнительной системы, несущих службу с оружием, и их краткосрочная коррекция : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2012. 198 с.

14. Овчарова Е. В. Особенности психических состояний сотрудников отделов охраны уголовно-исполнительной системы, несущих службу с оружием // Юридическая наука. 2019. № 3. С. 55–58.

15. Пестриков Д. В., Полянин Н. А., Пентяшин Е. В. Формирование психологической готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к применению боевого оружия в экстремальных ситуациях // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 56–65.

16. Практикум по психодиагностике личности / под ред. Н. К. Ракович. Минск : БГПУ имени М. Танка, 2002. 248 с.

17. Кордуэлл М. Психология. А – Я : словарь-справочник / пер. с англ. К. С. Ткаченко. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. 448 с.

18. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие. Самара : Бахрах, 1998. 672 с.

19. Санжаева Р. Д. Готовность и ее психологические механизмы // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 2. С. 6–16.

20. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Институт психотерапии, 2002. 362 с.

УДК 343.83

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.255-262

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КИСЕЛЕВ,

доктор педагогических наук, доцент,

профессор кафедры мобилизационной и тактико-специальной подготовки,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: kamkis@bk.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВУЗА ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ К ВЫПОЛНЕНИЮ СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ ПРИРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Для цитирования

Киселев, А. М. Об особенностях подготовки курсантов вуза Федеральной службы исполнения наказаний к выполнению служебных задач в условиях чрезвычайных ситуаций природного характера / А. М. Киселев // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 255–262. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.255-262.

Аннотация. Для того чтобы подготовить персонал уголовно-исполнительной системы к деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций природного характера, необходимо обеспечить ему возможность овладения специальными знаниями и приемами (методами), способствующими раскрытию потенциала как отдельного сотрудника, так и служебного коллектива в целом. Кроме того, не стоит забывать о необходимости систематического совершенствования профессионального мастерства персонала, что целесообразно принимать во внимание в ходе организации обучения курсантов в образовательных организациях, подведомственных Федеральной службе исполнения наказаний. При этом следует учитывать множество специфических условий, которые возникают при организации образовательного процесса в ведомственном вузе (например, выполнение служебных задач (несение службы в нарядах) одновременно с обучением). Педагогический эксперимент, проведенный в ходе исследования роли образовательного процесса в формировании у курсантов вуза Федеральной службы исполнения наказаний состояния готовности к действиям при возникновении чрезвычайных ситуаций природного характера, позволил нам обосновать ряд условий, способствующих сформированности достаточного уровня подготовленности для профессиональной деятельности в подобных обстоятельствах.

1. Выделяемый из общей профессиональной подготовки курсантов вуза Федеральной службы исполнения наказаний учебный блок, включающий в себя действия

© Киселев А. М., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

при чрезвычайных ситуациях, должен состоять из таких приемов и способов, которые по своему алгоритму являлись бы однотипными с действиями, совершаемыми в реальной служебной деятельности персонала уголовно-исполнительной системы.

2. Практические учебные занятия в основе своей должны быть способны обеспечить освоение модели, отражающей реалии той или иной чрезвычайной ситуации природного характера.

3. Основной целью профессиональной подготовки курсантов к деятельности при чрезвычайной ситуации является формирование у них специфических служебных навыков, способствующих эффективному исполнению будущих должностных обязанностей.

4. Учебные задачи, выполняемые курсантами в ходе практических и теоретических занятий, должны обеспечивать развитие у обучаемых познавательной, регулятивной и коммуникативной функций.

С целью получения стабильно положительных результатов в вопросах формирования состояния готовности курсантов вуза Федеральной службы исполнения наказаний к профессиональной деятельности при чрезвычайной ситуации природного характера автором предложены способы оптимизации практических занятий:

– сочетание повышения темпа отработки выполняемого упражнения с последовательным его усложнением;

– отработка нормативов в условиях, граничащих со стрессовой ситуацией, но не представляющих опасности для жизни и здоровья обучаемых;

– введение внезапных препятствий и искусственных раздражителей (яркий свет, громкая музыка, радиопомехи и т. п.);

– выполнение поставленной учебной задачи, требующей от курсанта – руководителя игрового коллектива выбора единственного целесообразного управленческого решения;

– последовательное моделирование эпизодов одной или нескольких чрезвычайных ситуаций, подразумевающее «лавиное» нарастание технических сложностей и психологического дискомфорта;

– использование моделей природных чрезвычайных ситуаций, потенциально возможных в месте дислокации образовательной организации Федеральной службы исполнения наказаний.

Формирование готовности курсантов вуза Федеральной службы исполнения наказаний к действиям в экстремальных ситуациях, в том числе в условиях чрезвычайных ситуаций природного характера, и дальнейшее совершенствование данного процесса целесообразно осуществлять в тесной взаимосвязи с общими целями образовательной деятельности, учитывая при этом характер и содержание имеющихся служебных задач.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, образовательная организация, Федеральная служба исполнения наказаний, курсанты, профессиональная подготовка, чрезвычайные ситуации природного характера.

Персонал уголовно-исполнительной системы (УИС) должен обладать определенными знаниями и умениями, позволяющими ему быть готовым к профессиональной деятельности в различных условиях оперативной обстановки, в том числе и при угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций природного характера (ЧС).

Добиться личному составу высокой степени подготовленности к действиям при ЧС должен помочь процесс профессионального обучения, направленный на формирование у сотрудников специальных практических навыков и теоретических установок, обеспечивающих возможность эффективного выполнения профессиональных задач в сложных условиях. Немаловажным фактором для достижения состояния готовности является соответствие субъективных свойств и в первую очередь склонностей и способностей личности характеру профессии [1, с. 14]. Формирование подобных склонностей у сотрудников УИС России способствует достижению успешности профессиональной деятельности и в условиях возникновения ЧС.

Для того чтобы подготовить персонал УИС к деятельности в условиях ЧС природного характера, необходимо предоставить ему возможность в овладении специальными знаниями и приемами (методами), способствующими раскрытию потенциала как отдельного сотрудника, так и служебного коллектива в целом. Кроме того, не стоит забывать о необходимости систематического совершенствования профессионального мастерства персонала, что целесообразно принимать во внимание в ходе организации обучения курсантов в образовательных организациях, подведомственных Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН России). Тем не менее, на наш взгляд, необходимо учитывать и то множество специфических условий, которые возникают при организации образовательного процесса в ведомственном вузе, например, выполнение служебных задач (несение службы в нарядах) одновременно с обучением, занятия в различных кружках (секциях), осуществление научно-исследовательской деятельности и т. д. Важно не забывать и о специфике воспитательной работы в вузе ФСИН России, являющейся важнейшей составляющей в процессе формирования у обучаемых психологической готовности к выполнению сложных профессиональных задач, в том числе и при возникновении ЧС.

Одной из основных проблем, связанных с состоянием готовности курсантов вузов ФСИН России к эффективному выполнению служебных обязанностей при ЧС, формируемым у обучаемых в ходе образовательного процесса, является, по нашему мнению, проблема управления профессиональным поведением. Часто при постановке вопроса об управлении сотрудником УИС своим профессиональным поведением в первую очередь обращают внимание на умение преодолевать им состояние стресса. Бесспорно, это весьма важная составляющая проблемы управления профессиональным поведением, затрагивающая индивидуальные психофизиологические характеристики каждого курсанта. Различные особенности профессиональной деятельности при ЧС природного характера, будь то острый дефицит времени, повышенная ответственность или возросшая экстремальность, по-разному действуют на сотрудников: одного подавляют, у другого вызывают повышенное возбуждение, у третьего – дискомфорт, мешающий быстрой адаптации к условиям ЧС, и т. п.

Изучением проблемы стрессовых состояний, возникающих у сотрудников правоохранительных органов в ходе профессиональной деятельности, занимались такие ученые, как М. А. Котик, Л. В. Лионов, В. Л. Марищук, Е. А. Милерян, Н. И. Наенко. Анализ их научных трудов убедительно доказывает, что наиболее действенными формами предупреждения стресса и преодоления его последствий являются:

- осуществление профессионального отбора, учитывающего индивидуальные психофизиологические свойства и эмоционально-волевую устойчивость личности [2, с. 134];
- организация образовательного процесса, способствующего достижению высокого уровня профессиональной компетентности [3, с. 27];

- освоение специальных знаний и умений, обеспечивающих достижение поставленной цели путем творческого подхода к решению служебных (профессиональных) задач;
- закрепление алгоритма навыков действий, необходимых для профессиональной деятельности в экстремальных условиях [4, с. 98–99];
- непрерывное совершенствование организации профессиональной (служебной) подготовки персонала [5, с. 128].

Что касается подготовки курсантов вузов ФСИН России к действиям при ЧС, то к перечисленным выше мероприятиям более чем целесообразно присовокупить регулярное использование психологических методов и физических упражнений, обеспечивающих существенное снижение уровня эмоциональной напряженности организма обучаемого, тем более что образовательный процесс позволяет осуществить эти дополнения без лишней затрат учебного времени.

Педагогический эксперимент, проведенный в ходе исследования роли образовательного процесса в формировании у курсантов вуза ФСИН России состояния готовности к действиям при возникновении ЧС природного характера, позволил нам обосновать ряд условий, способствующих сформированности достаточного уровня подготовленности для профессиональной деятельности в подобных обстоятельствах.

1. Выделяемый из общей профессиональной подготовки курсантов вуза ФСИН России учебный блок, включающий в себя действия при ЧС, должен состоять из набора таких приемов и способов, которые по своему алгоритму являлись бы однотипными с действиями, совершаемыми в реальной служебной деятельности персонала УИС. При организации и проведении специальных учебных занятий целесообразно использовать систему знаний и умений, обеспечивающую эффективное выполнение профессиональных обязанностей в условиях ЧС природного характера.

2. Практические учебные занятия в основе своей должны обеспечить освоение модели, отражающей реалии той или иной ЧС природного характера. При этом создаваемая учебная модель ЧС должна быть способна в полной мере обеспечить экстремальность различных эпизодов, характерных для реальной профессиональной деятельности сотрудников в подобных условиях.

3. Основной целью профессиональной подготовки курсантов к деятельности при ЧС является не столько их «натаскивание» по определенному алгоритму действий, сколько формирование у них специфических служебных навыков, способствующих эффективному исполнению будущих должностных обязанностей в органах и учреждениях УИС России.

4. Учебные задачи, выполняемые курсантами в ходе практических и теоретических занятий, должны развивать у обучаемых познавательную, регулятивную и коммуникативную функции, что, в свою очередь, обеспечит сформированность внимания, памяти и мышления, способствующих принятию целесообразных решений по ликвидации последствий ЧС природного характера.

Особо следует, по нашему мнению, выделить роль второго условия в формировании у курсантов готовности к деятельности в условиях ЧС, так как конструирование учебных моделей обеспечивает участие обучаемых в ситуациях, потенциально возможных в учреждениях (органах) УИС при возникновении той или иной чрезвычайной ситуации природного характера.

Уникальность выдвинутых нами организационно-педагогических условий заключается в формировании у курсантов вуза ФСИН России отработанного до автоматизма алгоритма действий при ЧС, а также психологической готовности к профессиональной деятельности в экстремальных условиях. Кроме того, названные условия предполага-

ют, в частности, что курсанты в процессе обучения действиям при ЧС не только будут получать теоретические знания и практические навыки, но и формировать определенные реакции организма, обеспечивающие эффективность деятельности в экстремальных эпизодах, характерных для тех или иных чрезвычайных ситуаций природного характера. Например, моделирование потенциально возможной чрезвычайной ситуации природного характера является, во-первых, стимулом для формирования защитных и охранительных функций организма обучаемого, а во-вторых, фактором для развития творческого начала в процессе принятия курсантом управленческого решения по смоделированному эпизоду ЧС.

Более пристального внимания, на наш взгляд, заслуживает специфика проведения тех учебных занятий, которые предлагаются с целью достижения курсантами вуза ФСИН России состояния готовности к деятельности в условиях ЧС, и к таковым, прежде всего, относятся практические занятия по тактико-специальной подготовке и психологическая подготовка. Для достижения необходимого уровня готовности к действиям при ЧС, кроме обычных теоретических занятий и выполнения практических заданий, применяются многофункциональные современные информационно-технические средства обучения, а перед важнейшими темами могут проводиться показательные и инструкторско-методические занятия.

Педагогический опыт говорит о том, что для скорейшего и эффективного достижения необходимой степени готовности к выполнению профессиональных задач в условиях ЧС природного характера, помимо учебных занятий, целесообразно проводить с личным составом диспуты (собеседования) по тематике, раскрывающей виды чрезвычайных ситуаций природного характера, характерных для местности, в которой расположены территориальный орган, учреждения УИС, образовательная организация, подведомственная ФСИН России, а также порядок действий личного состава при ликвидации ЧС. Подобные мероприятия положительно влияют на формирование у обучаемых состояния готовности к службе в различных условиях ЧС, в том числе при природных пожарах, сезонных половодьях, наводнениях, сходе селей, лавин и других стихиях.

В ходе проведенной в вузе опытно-экспериментальной работы (ОЭР), главной целью которой являлось определение организационно-педагогических условий и практических рекомендаций по оптимизации процесса профессиональной подготовки курсантов к действиям при ЧС природного характера, исследовались и иные факторы, влияющие на подготовленность личного состава. Например, в одном из экспериментов уточнялось минимально достаточное количество тренажей для устранения неисправностей противопожарного оборудования в ограниченный промежуток времени. Не секрет, что в ходе таких занятий выясняется, во-первых, то, в какой степени у обучаемых сформированы аналитические способности и усвоены технические знания, во-вторых, их эмоционально-волевая устойчивость и способность выдерживать психологическую нагрузку различного уровня. В целях более точного определения оптимального количества тренировок для обучаемых осуществлялось от пяти до пятнадцати подходов к выполнению одного и того же упражнения по выявлению неисправностей с последующим измерением данных и сравнением в изменении психофизиологических функций организма испытуемых. Прежде чем приступить к выполнению контрольного упражнения, с курсантами проводился соответствующий инструктаж о мерах безопасности, уточнялись временные показатели для выполнения норматива, обращалось внимание на характерные ошибки, допускаемые в процессе отработки норматива. Проведенный впоследствии анализ отчетов преподавателей, привлекавшихся к проведению занятий, показал, что на готов-

ность курсантов к отысканию неисправностей противопожарного оборудования в рамках нормативного времени влияет не только знание обучаемыми устройств определенных механизмов и принципиальных алгоритмов действий по устранению неполадок, но и хладнокровие и эмоциональная устойчивость к стрессовой ситуации.

Кроме того, контроль над обучаемыми в ходе отработки нормативного задания выявил у курсантов определенные сложности, что и было подтверждено как результатами выполнения норматива, так и измерениями психофизиологических функций тестируемых. Выяснилось также, что в зависимости от степени развитости интеллектуальных способностей одним курсантам для формирования состояния подготовленности к устранению поломок на определенном устройстве (механизме) достаточно пяти – семи тренировок, некоторым же для выполнения точно такого же задания необходимо делать не менее десяти – двенадцати попыток.

Интерес представляют и результаты следующего эксперимента: были исследованы скорость и качество выполнения группового задания по тушению условного лесного пожара на ограниченной территории. Целью эксперимента являлось определение необходимого временного норматива в зависимости от количества привлекаемого личного состава и задействованных средств тушения открытого огня. Всего проводилось до пяти подходов для каждой из трех экспериментальных групп.

Измерения изменений психофизиологических функций осуществлялись в конце 2-й и 5-й тренировок. На основании полученных результатов можно констатировать, что, во-первых, чем большее количество тренировок производится, тем ниже у обучаемых показатель психической напряженности, во-вторых, к 5-й тренировке курсанты полностью укладывались в запланированное время, практически не допуская при этом значимых оплошностей, в-третьих, анализ самоотчета тестируемых показал, что в ходе двух первых тренажей курсанты не осознают, что допускают серьезные ошибки либо механические неточности, в-четвертых, с нарастанием количества тренировок (как правило, после 4-й и 5-й) к курсантам приходило чувство полной осознанности своих действий, и абсолютное большинство обучаемых переставало совершать какие-либо неточности и ошибки.

В итоге запланированной и проведенной ОЭР на основании результатов экспериментов напрашивался однозначный вывод: с целью получения стабильно положительных результатов в вопросах формирования состояния готовности курсантов вуза ФСИН России к профессиональной деятельности при ЧС природного характера логично использовать предложенные ниже способы оптимизации практических занятий:

- 1) сочетание повышения темпа отработки выполняемого упражнения с последовательным его усложнением;
- 2) отработка нормативов в условиях, граничащих со стрессовой ситуацией, но не представляющих опасности для жизни и здоровья обучаемых;
- 3) введение внезапных препятствий и искусственных раздражителей (яркий свет, громкая музыка, помехи в радиосвязи и т. п.);
- 4) выполнение поставленной учебной задачи, требующей от курсанта, руководителя игрового коллектива, выбора единственного целесообразного управленческого решения;
- 5) последовательное моделирование эпизодов одной или нескольких ЧС, подразумевающих «лавинное» нарастание технических сложностей и психологического дискомфорта;
- 6) использование моделей чрезвычайных ситуаций природного характера, потенциально возможных в месте дислокации образовательной организации ФСИН России.

Анализ профессиональной подготовки курсантов вузов ФСИН России к действиям в условиях ЧС природного характера подтверждает выдвинутую нами гипотезу о том, что на эффективность процесса формирования у них готовности к подобной деятельности положительное влияние оказывает рациональное сочетание разнообразия выполняемых заданий с их высокой, но достижимой сложностью исполнения. Оптимальное сочетание разнообразия и сложности учебных упражнений (нормативов) не только формирует у курсантов высокий уровень готовности к действиям при ЧС, но и вырабатывает необходимые профессионально значимые для сотрудника УИС качества – решительность, стойкость, способность к самопожертвованию, коллективизм и взаимовыручку.

Проведенное исследование проблемы подготовки курсантов ведомственного вуза к действиям в условиях ЧС природного характера показало, что формированием профессионально значимых качеств как важнейшего из элементов состояния готовности обучаемых необходимо заниматься непрерывно и последовательно. При этом обязательно надо принимать в расчет личностные характеристики курсанта и особенности его эмоционально-психологического восприятия стрессовых ситуаций. Когда индивидууму присуща эмоционально-волевая устойчивость, он значительно успешнее справляется с постстрессовым синдромом и скорейшим образом адаптируется к новым, более сложным условиям ЧС. Если же курсант излишне эмоционален, недостаточно волевой, впечатлителен и психологически неустойчив, то такого целесообразно подводить к более высокой степени готовности, предлагая ему выполнение служебных (учебных) заданий по принципу «от простого к сложному», с последовательным наращиванием трудностей.

Организация и проведение профессиональной подготовки курсантов вузов ФСИН России к деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций природного характера должны быть согласованы с применяемыми в образовательной организации приемами самоконтроля и методами воспитательной работы. Формирование готовности курсантов вуза ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях, в том числе в условиях ЧС, и ее дальнейшее совершенствование целесообразно осуществлять в тесной взаимосвязи с общими целями образовательного процесса, учитывая при этом характер и содержание имеющихся служебных задач.

В заключение отметим, что при определении профпригодности выпускника вуза ФСИН России к будущей служебной деятельности в учреждениях (органах) УИС целесообразно учитывать, помимо психологических особенностей и личностных качеств, его способность к сохранению высокого уровня готовности к действиям в экстремальных условиях [6, с. 174].

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. Комплексное изучение человека и психологическая диагностика // Вопросы психологии. 1968. № 6. С. 11–35.
2. Котик М. А. Саморегуляция и надежность человека-оператора. Таллин : Валгус, 1974. 168 с.
3. Лиопо Л. В., Кривонос А. М. Возможности кибернетического метода распознавания образов для оценки мобилизации физиологических резервов спортсмена // Пути мобилизации функциональных резервов спортсмена : сб. науч. тр. Л., 1984. С. 78–83.
4. Лучкин С. В. Социальная реабилитация сотрудников органов внутренних дел, проходивших службу в экстремальных условиях. Совершенствование правового и организационного обеспечения // Закон и право. 2011. № 3. С. 98–99.

5. Начальная профессиональная подготовка и введение в специальность: правоохранительная деятельность : учебник для среднего профессионального образования / отв. ред. Д. В. Бахтеев. М. : Юрайт, 2018. 369 с.

6. Киселев А. М. Система совершенствования профессиональной подготовки сотрудников ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях : дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2009. 361 с.

УДК 159.9:343.823

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.263-269

НАДЕЖДА ЕВГЕНЬЕВНА РУБЦОВА,

доктор психологических наук, доцент,

профессор кафедры общей психологии и психологии труда,
Российский новый университет, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID 0000-0001-7232-4539,

e-mail: hope432810@yandex.ru;

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ,

кандидат психологических наук,

заместитель начальника психологического факультета,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

ORCID 0000-0001-5283-390X,

e-mail: abv2712@rambler.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ

Для цитирования

Рубцова, Н. Е. Психологическая модель отношения к труду осужденных, отбывающих уголовные наказания / Н. Е. Рубцова, Б. В. Александров // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 263–269. – DOI: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.263-269.

Аннотация. В статье раскрыты основные принципы, на которых базируется процесс моделирования, широко применяемый при описании результатов психологических исследований (научной обоснованности, системности, соответствия решаемой задаче, открытости, а также принцип упрощения при сохранении существенных свойств системы). Кроме того, представлены методики, ставшие необходимым инструментарием в выявлении компонентов психологической модели отношения осужденных к труду, направленные на изучение ценностно-смысловой, эмоциональной, когнитивной, мотивационной сфер личности осужденных к лишению свободы. Проведенное на базе исправительных учреждений исследование позволило определить факторы, оказывающие влияние на отношение к труду лиц, отбывающих уголовные наказания в исправительных колониях, которыми выступили жизненные ценности личности осужденного, его смысложизненные ориентиры, мотивы, являющиеся движущими силами на пути преодоления трудностей, активность, направленная на достижение целей и решение задач. В результате статистической обработки данных были выявлены и ранжированы по степени зна-

© Рубцова Н. Е., Александров Б. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

чимости предикторы отношения к труду осужденных: психологический тип осужденного по отношению к труду и трудовой занятости в исправительном учреждении; восприятие труда и профессионализма как социальных ценностей; образование и квалификация; позитивный опыт труда и трудоустройства; ценности – образование, профессия, увлечения и пр.; латентные факторы – ценности, активность, мотивы (познавательный, внутренний, самоуважения, мотив к смене текущей деятельности и пр.). Представленные результаты исследования, позволившие подготовить психологическую модель отношения к труду осужденных, имеют ценную структурно представленную и практико-ориентированную информацию, которая способствует пониманию компонентов такого отношения и может служить опорой в решении вопросов мотивации и приобщения лиц, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях, к труду и трудовой деятельности.

Ключевые слова: отношение к труду, осужденные, труд осужденных, психологическая модель, исправительные учреждения, мотивация к труду, ценностно-смысловая сфера.

Одним из перспективных методов исследования отношения к труду осужденных является метод моделирования, поскольку образное мышление позволяет более предметно конкретизировать и наглядно представить его структуру, а также продемонстрировать все его элементы, образующие целостную психологическую модель отношения к трудовой деятельности лиц, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы [3, 5].

В словаре иностранных слов под моделью понимается некий образец, предмет, обладающий и наделенный теми же характеристиками, что и аналогичный экземпляр, имеющийся в действительности. В рамках проведенного исследования моделью отношения к труду осужденных является наглядная схема, описывающая отдельные элементы, которая к тому же имеет особую системную взаимосвязь между всеми ее компонентами. Учитывая то, что большинство включенных в модель компонентов имеют психологическое содержание и обуславливают отношение к труду, следует определить ее именно как психологическую модель.

Представление такой психологической модели становится весьма значимым как для психологов, так и для иных сотрудников исправительных учреждений, осуществляющих свою профессиональную деятельность в рамках таких направлений деятельности, как: диагностика ценностно-смысловой сферы личности лиц, отбывающих уголовные наказания; мотивация осужденных к труду; психологическая коррекция отношений осужденного к различным сторонам действительности. Моделирование отношения к труду осужденных необходимо определить и как объект системного анализа, поскольку оно само по себе является частью системного подхода [7, 11].

Определяя векторы в моделировании отношения к труду осужденных, следует также выделить основные принципы разработки самой психологической модели, на которых основано ее построение:

– принцип научной обоснованности, заключающийся в эмпирическом обосновании с использованием методов статистической обработки данных содержательных элементов структуры, который также основан на фундаментальных трудах известных отечественных и зарубежных авторов;

– принцип системности, являющийся неотъемлемым в построении моделей и означающий объединение всех влияющих и обуславливающих частей на основе их сопричастности в данном случае к такой психологической категории, как отношение к труду;

– принцип соответствия решаемой задаче, заключающийся в том, что модель отношения к труду осужденных определяет те аспекты системы, которые выступают наиболее важными для решения задачи исследования. В случае если предпринимались бы попытки создать универсальную модель такого отношения, то это могло бы привести к ее усложнению и, вероятнее, к непригодности;

– принцип открытости, связанный с возможностью общего доступа к использованию и применению в практической деятельности разработанной психологической модели;

– принцип упрощения при сохранении существенных свойств системы. Смысл моделирования заключается в упрощении модели и абстрагировании от второстепенных деталей, свойственных прототипам.

В. Н. Мясищев в своей научной работе отмечал, что структура отношений в общем виде представлена такими их компонентами, как: когнитивный, эмоциональный и мотивационно-поведенческий (волевой) [12]. Эти компоненты стали фундаментом в структуре отношения человека к труду и являются базовыми компонентами психологической модели отношения осужденных к труду. В то же время, основываясь на положениях системного подхода в психологии и, в частности, на положении о системной детерминации психических явлений (Б. Ф. Ломов и др.), отношение к труду следует рассматривать как сложное психологическое образование. В связи с этим отношение к труду осужденных выступает в качестве психической системы, а следовательно, имеет определенную структуру. Компоненты данной структуры являются в функциональном плане интегративными, объединяя названные когнитивные, эмоциональные и мотивационные проявления психологического конструкта «отношение» [8].

Анализ теоретических представлений об отношении к труду осужденных и результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, проведенного на базе исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, позволяют на совершенно новом, научно обоснованном уровне описать психологические элементы отношения к труду и трудовой занятости осужденных, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях, и с учетом соблюдения принципов моделирования представить психологическую модель отношения к труду осужденных, отбывающих уголовные наказания [1]. Основными методиками, позволившими описать компонентную структуру психологической модели отношения осужденных к труду, стали:

1. Морфологический тест жизненных ценностей В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушиной (МТЖЦ). В целях исследования отношения к труду методика определяет мотивационно-ценностную структуру личности осужденного. В связи с этим понятие «ценность» выступает в качестве отношения субъекта к объекту (труду) и признается имеющим жизненную важность для человека [14]. Изучение терминальных ценностей методики способствует установлению ориентиров осужденных на жизненном пути. Авторами теста делается акцент на направленность опросника на исследование индивидуальной системы ценностей, что приводит к пониманию смысла действий личности, а также поступков. Человеку свойственно опираться на ценности, складывающиеся в обществе. Они и вырабатывают его самобытность. Однако ценности самой личности обычно не воспроизводят точную копию ценностей, присущих обществу.

2. Опросник Л. И. Вассермана и Н. В. Гуменюка. Методика диагностики типа поведенческой активности. Выбранная методика, направленная на диагностику типа поведен-

ческой активности, позволила выявить личностные особенности, детерминированные уровнем общей активности человека, а также типами его поведения [2]. Данный тест-опросник из области диагностики стратегий поведенческой активности в стрессовых условиях, а также социально-психологической диагностики развития личности.

3. Тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д. А. Леонтьева – тест (СЖО). Методика представляет собой адаптацию версии опросника «Цель в жизни» (Purpose-in-LifeTest, PIL), разработанного и используемого в диагностической практике Д. Крамбо и Л. Махоликом [10]. Методика СЖО применяется с целью изучения смысложизненных ориентиров личности, которые формируют основу образа Я. Выделяемые субшкалы методики («Цели жизни», «Процесс жизни», «Результат жизни», «Локус контроля – Я», «Локус контроля – жизнь») являются факторами, составляющими смысл жизни человека.

4. Тест – личностный опросник изучения темперамента Я. Стреляу. В содержании опросника выделены три шкалы, соответствующие основным характеристикам нервной деятельности (сила процессов возбуждения, сила процессов торможения и уровень подвижности нервных процессов). Тест представляет собой перечень из 134 вопросов, предусматривающих варианты ответа: да, не знаю и нет. Методика Я. Стреляу позволила доказать зависимость свойств нервной системы от специфических свойств раздражителя. Описанные автором шкалы отмечают значение темперамента в регуляции стимулирующей ценности окружающей среды.

5. Методика оценки уровня притязаний В. К. Гербачевского. Цель применения опросника В. К. Гербачевского заключалась в выявлении уровней притязаний личности. Опросник основан на диагностике компонентов мотивационных структур личности. В процессе ответов на задания опросника происходит актуализация различных потребностей личности, среди которых особое место занимают социальные и познавательные потребности, а также желание повысить самоуважение, потребности самосознания и многие другие. Исходя из этих потребностей происходит оценка человеком значимости задания, трудности его выполнения, оценка временных затрат и сил [4].

6. Методика цветowych метафор для диагностики мотивов различных видов деятельности, являющаяся модифицированным вариантом цветовой теста отношений А. Эткин-да. Метод цветowych метафор позволяет осуществлять диагностику реальных мотивов личности, побудительные механизмы к тому или иному виду деятельности (например, к труду), само отношение к ней, при этом указывая на его полярность [14].

Как было отмечено ранее, для разработки психологической модели отношения к труду осужденных ориентиром стал интегративный подход, учитывающий необходимость всестороннего и детального изучения различных психологических компонентов [13]. Прежде чем представить общую, специфичную структуру модели отношения к труду осужденных, следует выделить факторы, оказывающие влияние на само отношение в условиях мест лишения свободы. В проведенном Б. В. Александровым исследовании основными детерминантами отношения к труду лиц, отбывающих уголовные наказания, выступили жизненные ценности личности осужденного, его смысложизненные ориентиры, мотивы, являющиеся движущими силами на пути преодоления трудностей, имеющих место в жизнедеятельности каждого человека, активность, направленная на достижение целей и решение задач [7]. Кроме того, особое место в структуре отношения к труду занимают предикторы, обуславливающие дальнейшую динамику составных элементов отношения осужденных к труду. Отсюда становится очевидным, что одним из свойств психологической модели является ее динамичность.

Выделение предикторов отношения к труду осужденных было основано на проверке результатов проведенного исследования, в котором приняли участие 214 осужденных мужского пола, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях Воронежской и Рязанской областей, на нормальность распределения. Из них: отбывающих наказание в обычных условиях – 81 %, облегченных – 19 %; отбывающих наказание за преступления против жизни и здоровья – 15,4 %, за преступления против собственности – 57,9, против здоровья населения и общественной нравственности – 17,3, за иные преступления, в том числе против половой неприкосновенности и половой свободы личности, – 9,4 %. Возраст – от 19 до 60 лет ($M = 33.2$, $SD = 7.50$), при этом в возрасте от 18 до 30 лет – 37,3 %, от 31 года до 40 лет – 46,3, 41 года и старше – 16,4 %. Срок осуждения – от 0,67 (8 месяцев) до 24 лет ($M = 4.8$, $SD = 3.84$), при этом до 2 лет – 27,6 %, от 2 до 5 лет – 33,6, от 5 до 10 лет – 30,8, свыше 10 лет – 8 %. Количество судимостей – от 1 до 9 ($M = 2.8$, $SD = 1.80$), при этом одну судимость имели 27 %, 2 или 3 – 43, 4 и более – 30 %. С целью проверки на нормальность распределения обследованию подверглись три группы осужденных: трудоустроенные в исправительном учреждении, нетрудоустроенные, но желающие работать в этих учреждениях и нетрудоустроенные, отказывающиеся от работы. Далее осуществлялся анализ по переменным, при котором для групп, в которых встречалось более 50 чел., использовался одновыборочный критерий Колмогорова – Смирнова. В то же время для групп, где количество осужденных было менее или равно 50, применялся критерий Шапиро – Уилка. Следующим этапом исследования явилось определение самих предикторов отношения к труду путем применения к полученным результатам однофакторного дисперсионного анализа ANOVA – в случае нормального распределения, а также непараметрического критерия Краскела – Уоллиса – в отношении переменных, для которых выявлены существенные отклонения от нормального распределения. Кроме того, при выявлении значимого влияния проводились множественные сравнения с помощью критерия Манна – Уитни. Критический уровень значимости при множественных сравнениях трех групп составлял 0,017. Все представленные в психологической модели отношения к труду осужденных в исправительном учреждении предикторы были определены исходя из статистически значимых различий ($p < 0,05$) между тремя обозначенными ранее группами.

Анализ результатов исследования позволил установить, что ключевым предиктором отношения к труду является психологический тип осужденного по отношению к труду и трудоустройству в исправительном учреждении; он объясняет свыше 75 % дисперсии. Кроме того, к наиболее сильным предикторам отношения к труду относятся: все три субшкалы методики «Шкала отношения осужденных к труду» (ШООТ) («Восприятие труда и профессионализма как социальных ценностей», «Образование и квалификация», «Позитивный опыт труда и трудоустройства»); ценности «Образование», «Профессия», «Увлечения» и др.; латентные факторы «Ценности» и «Активность»; познавательный мотив. Важно отметить, что попавшие в число предикторов контролируемые переменные «Категория судимости» и «Исправительное учреждение» сильно проигрывают многим психологическим переменным по силе влияния. Это позволило надеяться на то, что удастся изменить отношение к труду даже у осужденных с не самой лучшей криминальной историей, помещенных в учреждения строгого режима.

Особое место в структуре психологической модели отведено компонентам, которые были получены при помощи методики ШООТ, не имеющей аналогов в отечественной и зарубежной психологической литературе, но в то же время интегрирующей возможности личностного опросника, проективного теста и биографического метода и при этом

обладающей обоснованной валидностью и эмпирически доказанными удовлетворительными показателями надежности [9]. К их числу следует отнести:

- позитивный объективный и субъективный опыт труда и трудоустройства, накопленный человеком (как до осуждения, так и, возможно, после);
- субъективное восприятие реальных (объективных) достижений человека (равно как и их последующих перспектив) в отношении квалификации и профессионализма, а также необходимого для них общего и профессионального образования;
- субъективное восприятие труда, профессионализма и образования как социальных ценностей.

С учетом изложенного была подготовлена психологическая модель отношения к труду осужденных в исправительном учреждении для использования ее в практической деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений (рис.).

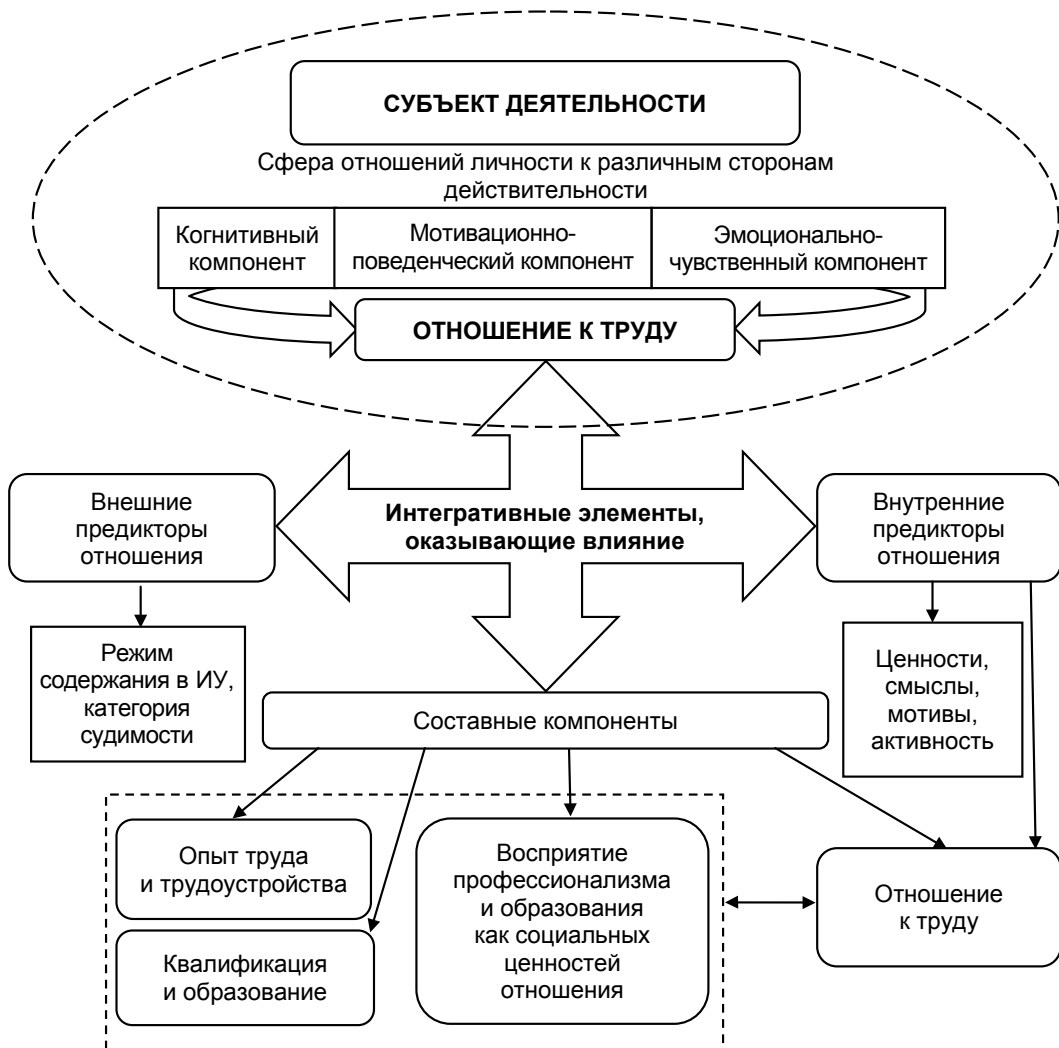

Рис. Психологическая модель отношения к труду осужденных в исправительном учреждении

Выводы

На основании представленной психологической модели, разработанной с учетом полученных в ходе исследования эмпирических данных, предлагаем рассматривать отношение к труду как системное образование, интегрирующее в своей структуре психологические детерминанты, которые служат опорой для представителей администрации исправительных учреждений в вопросах оказания психологического воздействия на осужденных с целью их исправления. С учетом особенностей структуры представленной модели отношения к труду осужденных психологическими ресурсами его формирования должны являться: направленность осужденных на повышение уровня своего образования и квалификации; развитие профессионализма; психокоррекция ценностно-смысловых конструктов; мотивация трудовой деятельности.

Библиографический список

1. Верещагин В. А. Методы оценки использования труда осужденных. М. : ВНИИ МВД СССР, 1979. 63 с.
2. Зобков А. В. Психологическая модель саморегуляции поведения и учебно-профессиональной деятельности студенческой молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 7(99). С. 79–86.
3. Караяни А. Г. Психологическая модель служебной деятельности как инструмент создания системы ее психологического обеспечения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. 2013. Т. 6, № 4. С. 92–98.
4. Ломов Б. Ф. Системность в психологии: избранные психологические труды. 3-е изд. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. 423 с.
5. Мясищев В. Н. Психология отношений. 4-е изд. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. 400 с.
6. Левченко Е. В. История и теория психологии отношений. СПб. : Алетейя, 2003. 312 с.
7. Александров Б. В. Психологическая специфика отношения к труду осужденных с разными типами занятости в исправительном учреждении : дис. ... канд. психол. наук. М., 2020. 260 с.
8. Сопов В. Ф., Карпушина Л. В. Морфологический тест жизненных ценностей // Прикладная психология. 2001. № 4. С. 9–30.
9. Вассерман Л. И., Гуменюк Н. В. Тестовая методика «Тип поведенческой активности» и ее компьютерная версия для диагностики устойчивости к стрессу : пособие для врачей. СПб. : Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В. М. Бехтерева, 1995. 30 с.
10. Леонтьев Д. А., Калашников М. О., Калашникова О. Э. Факторная структура теста смысложизненных ориентаций // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 1. С. 150–155.
11. Стреляя Я. Роль темперамента в психическом развитии / пер. с пол. В. Н. Поруса. М. : Прогресс, 1982. 232 с.
12. Гербачевский В. К. Опросник «Оценка уровня притязаний» // Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии : учеб. пособие / под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. 2-е изд., доп. и перераб. СПб. : Питер, 2000. С. 303–308.
13. Соломин И. Л. Психосемантическая диагностика скрытой мотивации : метод. рук. СПб. : Иматон, 2001. 112 с.
14. Рубцова Н. Е. Интегративно-типологический подход к психологической классификации профессиональной деятельности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2014. 59 с.
15. Леньков С. Л., Рубцова Н. Е., Александров Б. В. Шкала отношения осужденных к труду (ШООТ) // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 223–239.

УДК 364.465:343.8(470+48)
DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.270-277

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАЗАНЦЕВ,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социальной психологии и социальной работы,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: v.cazantsev2010@yandex.ru;
МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КУЗНЕЦОВ,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru;
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛУЗГИН,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: upip2009@yandex.ru

РОССИЙСКО-ШВЕЙЦАРСКИЙ ПРОЕКТ В ОБЛАСТИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Для цитирования

Казанцев, В. Н. Российско-швейцарский проект в области пенитенциарной социальной работы: опыт международного сотрудничества образовательных организаций и исправительных учреждений / В. Н. Казанцев, М. И. Кузнецов, С. А. Лузгин // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 270–277. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.270-277.

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта международного научно-практического сотрудничества в области пенитенциарной социальной работы на примере российско-швейцарского проекта, реализованного в период активного реформирования отечественной уголовно-исполнительной системы в соответствии с международными и европейскими стандартами, отражающими объективный процесс глобализации в сфере как исполнения уголовных наказаний, так и образования. Проект позволил разработать и апробировать оригинальную образовательную программу подготовки специалистов в области пенитенциарной социальной работы; способствовал научному и учебно-методическому обеспечению учебного процесса

© Казанцев В. Н., Кузнецов М. И., Лузгин С. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

в Академии ФСИН России и других образовательных организациях. В процессе сотрудничества были созданы предпосылки для формирования социальной работы с осужденными как самостоятельного вида профессиональной деятельности в пенитенциарных учреждениях России: разработана квалификационная характеристика специалиста; подготовлены организационно-управленческие решения о введении в штаты исправительных учреждений должностей специалистов по социальной работе с осужденными. Важнейшими составляющими проекта стали непосредственное внедрение в деятельность исправительных учреждений центров психолого-педагогической и социальной работы с осужденными, а также опытно-экспериментальная проверка отечественной модели ее функционирования. Проект дал возможность сформировать деловые и дружеские отношения его участников, выработать опыт межкультурного сотрудничества и позитивного разрешения проблем, возникающих на основе социокультурных, культурно-исторических и иных различий. Особую актуальность содержанию статьи придает то, что в соответствии с указом Президента Российской Федерации вузам Федеральной службы исполнения наказаний разрешено готовить кадры для пенитенциарных систем зарубежных государств.

Ключевые слова: международное сотрудничество, пенитенциарная социальная работа, центры психолого-педагогической и социальной работы с осужденными, подготовка специалистов по социальной работе для уголовно-исполнительной системы, отечественный и зарубежный опыт подготовки персонала для пенитенциарных учреждений.

Социальная работа как самостоятельный вид профессиональной деятельности существует в России с 1991 г. Тогда же началась и подготовка специалистов по социальной работе. Однако в уголовно-исполнительной системе (УИС) социальная работа как вид профессиональной деятельности долгое время не проводилась, не осуществлялась и подготовка специалистов в данном направлении. Однако потребность в этой деятельности ощущалась довольно остро, особенно в условиях гуманизации УИС и ее приближения к международным стандартам исполнения уголовных наказаний. В конце 1990-х гг. назрела необходимость поиска путей решения этой проблемы. Так, в процессе международного научно-практического сотрудничества в области реформирования УИС был реализован проект Рязанского института права и управления Минюста России и Департамента полиции и юстиции Швейцарской Конфедерации. С российской стороны общестратегическое сотрудничество осуществляли начальник образовательного учреждения С. Н. Пономарев и его заместитель по научной работе А. Ф. Маруков. Организационно-содержательные вопросы решались С. А. Лузгиным, Д. В. Панкратовым, М. И. Кузнецовым и профессорско-преподавательским составом кафедры социальной психологии и социальной работы психологического факультета (В. Н. Казанцев, Н. И. Махиборода, А. В. Чечкова, В. П. Шорников и др.). В состав швейцарской группы входили: Х. Бюльманн, руководитель проекта на его начальном этапе, обеспечивавший стратегическое руководство, Фр. Хохштрассер, эксперт, отвечающий за содержательную часть проекта, и его коллеги по Институту подготовки социальных работников кантона Базель (ранее – Высшая школа). Проект был утвержден и финансировался, главным образом, Дирекцией по развитию и сотрудничеству (DEZA) посольства Швейцарии в России. Проект осуществлялся в три этапа [1].

Первый этап (1997–2003 гг.) реализовывался швейцарской стороной вместе с Рязанским институтом права и экономики Минюста России (Академия ФСИН России). Основная задача этого этапа состояла в том, чтобы на основе российских государственных образовательных стандартов и с учетом швейцарского опыта организовать качественную подготовку курсантов – будущих социальных работников УИС. Не менее важно было внедрить социальную работу как абсолютно новый вид деятельности российских исправительных учреждений. Участники проекта ознакомили друг друга с условиями обучения специалистов, деятельностью систем исполнения наказаний в России и Швейцарии, организацией социальной работы с осужденными за рубежом. Несмотря на социально-экономические, культурно-исторические и иные различия, было выявлено много общего, что послужило надежным фундаментом дальнейшего сотрудничества.

Второй этап (2003–2006 гг.) осуществлялся в основном на базе Вологодского института права и экономики ФСИН России при активном участии Академии ФСИН России. Он был направлен на совершенствование программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации социальных работников исправительных учреждений (ИУ) из числа практиков, развитие в территориальных органах УИС социальной работы с осужденными как инновационного вида деятельности.

Третий (заключительный) этап проекта (2006–2008 гг.) характеризовался распространением опыта подготовки и переподготовки специалистов, а также экспериментальной проверкой впервые разработанной российской модели пенитенциарной социальной работы. К проекту присоединились сотрудники Владимирского юридического института ФСИН России и Томского филиала Академии ФСИН России.

В качестве одного из главных результатов проекта стала разработка учебных планов подготовки специалистов по социальной работе в УИС и их квалификационной характеристики (модели) [2]. Образовательная подготовка специалистов по социальной работе осуществлялась в Академии ФСИН России (далее – академия) в соответствии с государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования и с учетом швейцарского опыта. Продолжительность обучения в академии на тот момент составляла 4 года. Основная сложность разработки образовательной программы состояла в определении содержания дисциплин специализации, поскольку ни в России, ни в Европе специалистов по социальной работе для работы с осужденными в местах лишения свободы в образовательных организациях высшего образования не готовили. Опираясь на личностно-деятельностный подход, в процессе совместной работы над квалификационной характеристикой были определены основные функции этого специалиста (педагогическая, социально-психологическая, правозащитная, предупредительно-профилактическая, социально-медицинская (терапевтическая), организаторская и обеспечивающая), а затем разработаны оригинальные учебные дисциплины. При этом была значительно усилена психолого-педагогическая составляющая образовательной программы.

Выявились проблемы и при организации практического обучения. Учебным планом в России того времени предусматривались непродолжительные практики. В Швейцарии практика организовывалась непрерывно в течение всего учебного года и занимала около трети всего времени обучения. В ходе дискуссий участники проекта пришли к мнению об увеличении продолжительности практики. В учебный процесс были включены две практики в исправительных учреждениях: учебная – шесть недель и преддипломная – десять недель. Таким образом, практика будущих социальных работников

стала значительно продолжительнее в сравнении с подготовкой других специалистов для УИС рубежа XX–XXI вв.

Затем перед организаторами практики встал вопрос о месте ее проведения. Ситуация складывалась таким образом, что социальная работа как самостоятельное направление профессиональной деятельности в ИУ России еще не сформировалась, следовательно, не было и сотрудников – специалистов по социальной работе, способных оказать методическую помощь курсантам в ИУ. В итоге был сделан выбор в пользу исправительных колоний Орловской области. Инициатива исходила от руководства территориального органа региона и была поддержана руководством академии. Кроме того, этот выбор был обусловлен и другими причинами:

- наличием опыта длительного и плодотворного взаимодействия академии и УИН Минюста России по Орловской области при подготовке психологов ИУ и становлении психологической службы;

- достаточным уровнем развития психологической службы в управлении и в учреждениях, способной стать основой для формирования службы социальной работы и подготовки будущих специалистов;

- профессиональной готовностью и творческой заинтересованностью в инновациях руководства УИН Минюста России по Орловской области (начальник – полковник внутренней службы В. А. Суровцев, ставший впоследствии кандидатом юридических наук) и сотрудников колоний;

- организационно-методическим опытом проведения учебных практик курсантов академии на базе учреждений Орловского региона и сотрудничества с психологическим факультетом академии;

- сравнительно небольшой удаленностью Орла от Рязани и Москвы;

- наличием в Орловской области колоний разного вида (общего, строгого режимов, женской), что позволяло успешно организовать практику обучающихся мужского и женского пола.

Необходимо отметить и еще одну важнейшую особенность первой практики. Руководство, сотрудники УИН Минюста России по Орловской области и исправительных учреждений (ИК-2, ИК-5, ИК-6) при непосредственном участии швейцарских и рязанских коллег предложили свои учреждения в качестве базы для проведения регионального эксперимента по введению социальной работы в исправительных учреждениях.

После выбора региона для проведения практики была произведена оценка готовности ИУ к инновациям и начата непосредственная работа по методической подготовке как будущих руководителей из числа сотрудников ИУ Орловской области, так и кураторов из числа преподавателей академии. Обучение руководителей проводилось в форме международных семинаров-практикумов с участием швейцарских партнеров в Орле и Рязани. В ходе работы внимание уделялось не только различным аспектам организации и проведения практического обучения курсантов, но и разъяснению сотрудникам ИУ сути и содержания социальной работы в пенитенциарной системе с учетом международного опыта, в первую очередь деятельности тюрем Швейцарской Конфедерации, что способствовало выработке отечественной модели социальной работы с осужденными. В декабре 1999 г., за несколько дней до завершения первой практики, на базе УИН Минюста России по Орловской области состоялся Международный научно-практический семинар по подведению ее итогов. После прибытия в академию курсанты сдавали зачет по итогам практики. При выставлении оценки принимались во внимание не только отзывы руководителей из числа практических работников и преподавателей, но и качество отработки программы, которое подтверждалось представленными материалами (отче-

ты, справки, характеристики, дневники и прочие рабочие материалы). Таким образом, первая практика проходила в необычных условиях, что послужило дополнительным стимулом и для сотрудников, и для практикантов.

Графиком учебного процесса было предусмотрено прохождение восьминедельной преддипломной практики курсантов выпускного курса в феврале-марте 2001 г. Подготовка к ней началась уже во второй половине 2000 г. Базой для проведения практики было решено оставить три учреждения Орловского региона как наиболее подготовленные к этому. Курсанты были распределены в те же колонии, где они проходили первую практику, что позволило сохранить преемственность в обучении и сократить до минимума адаптационный процесс.

Детально различные аспекты организации второй практики обсуждались в начале декабря 2000 г. на семинаре, проведенном в Орле. Состав участников этого семинара был шире, чем прежде. Заинтересованное участие в его работе приняли представители ГУИН Минюста России, органов власти Орловской области, посольства Швейцарии в России, а также профессорско-преподавательский состав факультета социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева. Участие последних объясняется тем, что УИН Минюста России по Орловской области установил взаимодействие с этой образовательной организацией для подготовки кадров социальных работников непосредственно у себя в регионе из числа местных жителей. Целью семинара было подведение итогов первой (учебной) практики курсантов второго набора (1998 г.) и обсуждение содержания и программы второй (преддипломной) практики курсантов первого набора 1997 г.). Тогда же состоялся предварительный инструктаж руководителей второй практики из числа сотрудников исправительных учреждений Орловской области.

Итоги впервые проведенной преддипломной практики были подведены в конце марта 2001 г. в Орле. Была высказана удовлетворенность результатами практики как работниками исправительных учреждений, так и кураторами из числа профессорско-преподавательского состава, отмечен достаточный уровень теоретической подготовленности обучающихся, а также их стремление довести до персонала ИУ все нововведения в становлении социальных служб, конструктивное взаимодействие обучающихся со своими руководителями. Практикантами был собран эмпирический материал для дипломных исследований, завершающий их подготовку. Курсанты научились самостоятельно работать в профессиональной сфере. Выработанный алгоритм организации практической подготовки курсантов и слушателей, обучающихся по специальности «Социальная работа в УИС», прошедший апробацию в ИУ Орловской области, впоследствии был применен во время проведения практики в учреждениях УИН Минюста России по Рязанской области.

Следует отметить, что в рамках проекта проводилась большая работа по изучению зарубежного опыта и внедрению социальной работы в деятельность ИУ России. Это касается изучения работы исправительных учреждений Швейцарии, Высшей школы подготовки социальных работников кантона Базель сотрудниками академии и ИУ УИН Минюста России по Орловской области. В ноябре 1997 г., июле 1999 г. и июне 2000 г. группы, состоящие из сотрудников колоний, где проходили практику курсанты, и представителей академии, совершили рабочие поездки в Швейцарию, где ознакомились с организацией социальной работы в тюрьмах и подготовкой специалистов по социальной работе [3]. Швейцарскими коллегами были выбраны для изучения россиянами учреждения, «родственные» орловским колониям (общая тюрьма, тюрьма строгого режима, женская тюрьма).

Знакомство с этим опытом показало, что социальная работа в ИУ Швейцарии осуществляется в двух основных моделях. Первая модель предусматривает, что муниципальные социальные работники в соответствии с заключенным с исправительным учреждением договором регулярно посещают тюрьмы с целью решения социальных проблем осужденных. Преимущество этой модели заключается в том, что муниципальные социальные работники имеют больше возможностей заниматься социальной реадaptацией освобождаемых из тюрем осужденных, осуществлять постоянный контакт с другими социальными службами города (службой занятости, пенсионного обеспечения, социального надзора и т. д.). Вторая модель предусматривает нахождение социальных работников в штате учреждения. В этом случае социальные работники постоянно находятся в тюрьме и приглашают к себе заключенных, изъявляющих желание иметь контакт с социальными работниками для решения своих проблем. Однако вне рамок таких контактов с социальными работниками остаются те заключенные, которые не изъявляют подобного желания. Вновь прибывающие осужденные в любом случае, находясь в карантинном отделении, встречаются с социальными работниками и другими специалистами: психологами, психотерапевтами, врачами [4]. Описание зарубежного опыта социальной работы с осужденными в пенитенциарных учреждениях и подготовки специалистов по социальной работе в этом направлении нашло свое отражение в ряде совместных научных публикаций сотрудников академии и представителей швейцарской стороны [5].

Рассматриваемый российско-швейцарский проект оказал влияние и на внедрение социальной работы с осужденными в исправительных учреждениях России. В рамках реформирования УИС в целях обеспечения более эффективного управления воспитательным процессом по ресоциализации осужденных на базе ИК-6 УИН Минюста России по Орловской области с 1 апреля 2000 г. проводился эксперимент по реорганизации отрядного звена путем создания центров психолого-педагогической и социальной работы с осужденными. Разработка программы эксперимента, положения о центре психолого-педагогической и социальной работы с осужденными и пакета других методических документов осуществлялась в тесном сотрудничестве академии, Департамента юстиции и полиции Швейцарской Конфедерации, а также Высшей школы подготовки социальных работников кантона Базель.

В дальнейшем эксперимент по созданию центров психолого-педагогической и социальной работы с осужденными был распространен на ИК-2 (строгий режим) и ИК-5 (общий режим) Орловской области. Его суть заключалась в реформировании отрядов таким образом, что они объединялись в несколько центров (или отделений), которые имели своего начальника (назначаемого из наиболее опытных и квалифицированных начальников отрядов), и за каждым центром закреплялись социальный работник, психолог, а также работники оперативного отдела и отдела безопасности [6]. Первоначально эксперимент по созданию центров психолого-педагогической и социальной работы с осужденными планировалось распространить в 22 регионах России. Однако финансовые возможности не позволили тогда реализовать его.

Подводя итог рассмотрению российско-швейцарского проекта, отметим, что он позволил достичь следующих результатов.

1. Удалось операционализировать понятия «гуманизация процесса отбывания наказания», «пенитенциарная социальная работа», «социальная реабилитация осужденных», «права человека в пенитенциарной сфере», разработать инструментарий для их практической реализации и сделать процесс внедрения социальной работы в деятель-

ность пенитенциарных учреждений России необратимым. Это произошло благодаря действенной поддержке проекта со стороны руководства ФСИН России.

2. Приобретен опыт координации работы образовательных организаций ФСИН России с исправительными учреждениями, проводившими практику, а также руководством ФСИН России и международными организациями (Департамент полиции и юстиции Швейцарской Конфедерации, Дирекция по развитию и сотрудничеству (DEZA), Департамент иностранных дел Швейцарской Конфедерации и посольство Швейцарии в России).

3. Разработана и усовершенствована уникальная образовательная программа подготовки пенитенциарных социальных работников в образовательных организациях ФСИН России, в том числе программы практик курсантов в учреждениях УИС, а также учебный процесс в вузах и практические работники обеспечены оригинальной и доступной учебно-методической и научно-практической литературой [7].

4. Разработана квалификационная характеристика специалиста по социальной работе с осужденными, подготовлена нормативно-правовая база, в штаты ИУ введена должность старшего специалиста по социальной работе, что позволило институционализировать новый вид профессиональной деятельности в учреждениях исполнения наказаний, а также опытно-экспериментально апробировать модель функционирования нового вида деятельности в УИС России [8].

5. Успешно завершён эксперимент по созданию на базе нескольких исправительных учреждений УИН Минюста России по Орловской области центров психолого-педагогической и социальной работы с осужденными, скоординирована деятельность преподавателей образовательных организаций ФСИН России, руководителей и сотрудников различных региональных управлений ФСИН России и практических работников многих колоний, направленная на внедрение социальной работы с осужденными в ИУ России.

6. Изучен зарубежный опыт подготовки специалистов по социальной работе и различные модели социальной работы в исправительных учреждениях Швейцарии.

7. Получен опыт межкультурного сотрудничества и позитивного разрешения неизбежных проблем, возникающих на основе социокультурных различий участников любого международного проекта.

Анализируя современное состояние социальной работы с осужденными в России, с сожалением приходится констатировать, что это важнейшее направление деятельности УИС остановилось в развитии: снизился профессиональный статус службы; функционально работа сведена к формальному социальному обслуживанию осужденных; прекращен процесс научно-практического поиска ее оптимальной модели; свернут процесс ведомственной подготовки и переподготовки специалистов. В силу этого считаем целесообразным предложить:

- реанимировать социальную работу с осужденными как направление профессиональной деятельности, законодательно закрепить его как одно из основных средств исправления осужденных;

- скорректировать функции и содержание этой работы: от социального обслуживания перейти к социально-педагогической помощи, поддержке, защите, ресоциализации, реабилитации и реадaptации, в том числе в процессе отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества;

- поднять профессиональный статус специалистов (должностные оклады, специальные звания), ввести в штаты уголовно-исполнительных инспекций, исправительных

центров, колоний-поселений должности специалистов (старших специалистов) по социальной работе с осужденными;

– восстановить ведомственную подготовку и переподготовку специалистов для УИС, дифференцировать их по специальностям и направлениям (социальная работа, социальная педагогика, психосоциальная работа, педагогика и психология девиантного поведения).

Библиографический список

1. Хохштрассе Ф. Немного истории. Обзор российско-швейцарского проекта в рамках реформирования пенитенциарной системы 1997–2008 гг. // Социальная работа. 2016. № 7. С. 47–51.

2. Совершенствование подготовки и практической деятельности специалистов по социальной работе для уголовно-исполнительной системы России (отчет об итогах российско-швейцарского сотрудничества). Рязань ; Базель, 2003.

3. Кузнецов М. Организация подготовки специалистов по социальной работе в Швейцарии // Человек: преступление и наказание. 2001. № 2. С. 60–62.

4. Кузнецов М. И., Казанцев В. Н. Социальная работа в пенитенциарных учреждениях Швейцарии : учеб. пособие. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2003. 109 с.

5. Хохштрассер Ф., Кузнецов М. И. Российско-швейцарское сотрудничество в области подготовки специалистов по социальной работе для уголовно-исполнительной системы: предварительные итоги и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2002. № 3-4.

6. Лузгин С. А., Суровцев В. А. Центры психолого-педагогической и социальной работы с осужденными: предпосылки деятельности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 6. С. 2–10.

7. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие / под общ. ред. Ю. И. Калинина. Рязань : Академия ФСИН России, 2005. 355 с.

8. Кузнецов М. И. Социальная работа с осужденными в профессиональной деятельности сотрудников исправительных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2002. № 1. С. 12–16.

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ ДОКТОРА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ИРИНЫ ВАЛЕРЬЯНОВНЫ ЧЕРЕМИСОВОЙ

Для цитирования

Щербаков, Г. В. К юбилею профессора кафедры общей психологии психологического факультета Академии ФСИН России доктора психологических наук Ирины Валерьяновны Черемисовой / Г. В. Щербаков, М. И. Кузнецов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 2. – С. 278–280.

Ирина Валерьяновна родилась 27 апреля 1961 г. в станице Краснокумской Георгиевского района Ставропольского края в семье Марии Ивановны и Валерия Кузьмича Абросимовых. Кроме нее, родители воспитывали двух сыновей: Вадима и Евгения. В 1976 г. поступила в Горьковское педагогическое училище. Во время учебы играла в оркестре русских народных инструментов и в его составе была участником культурной программы Олимпиады-80 в Москве. После окончания училища в 1980 г. более 12 лет работала учителем, организатором внеклассной и внешкольной работы (заместителем директора по воспитательной работе), учителем музыки в Костеревской средней школе № 3 во Владимирской области.

С 1984 по 1989 год обучалась во Владимирском государственном педагогическом институте имени П. И. Лебедева-Полянского, по окончании которого получила специальность «Учитель музыки и пения». С 1991 по 1993 год обучалась по очной форме на факультете психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по направлению подготовки «Практическая психология для системы образования».

Работала в должности педагога-психолога в средней общеобразовательной школе № 103 г. Нижнего Новгорода, в дневном неврологическом стационаре Детской городской поликлиники № 39 Советского района г. Нижнего Новгорода. Замещала должности доцента кафедры дошкольного образования Нижегородского института развития образования, профессора кафедры теории, методики и организации социально-культурной деятельности Волгоградской государственной академии последипломного образования, доцента Нижегородского филиала Института бизнеса и политики, Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета. В 2012 г. возглавила вновь созданную кафедру психологии Волгоградской государственной ака-

демии физической культуры. С 2015 по 2019 год возглавляла кафедру психологии Волгоградского государственного университета.

В 2004 г. защитила кандидатскую диссертацию «Психологические условия развития творческого потенциала старшеклассников средствами музыкального искусства» (специальность 19.00.07 – Педагогическая психология), в 2011 г. – докторскую диссертацию на тему «Психологические основы музыкально-творческого развития личности в образовательном процессе» (19.00.07 – Педагогическая психология). В 2011 г. ей присвоено ученое звание доцента по кафедре психологии.

И. В. Черемисовой разработана концепция музыкально-творческого развития личности на основе авторского эстетико-семиотического подхода, обеспечивающего психологическую готовность личности к творческой деятельности на всех ступенях образования, во всех возрастных категориях; разработано и обосновано понятие «вторичная музыкальная личность»; определены основные компоненты структуры, разработаны уровни развития вторичной музыкальной личности в условиях непрерывного музыкального образования; создана и апробирована авторская музыкально-семантическая модель психологического сопровождения творческого развития личности на основе развития музыкальности в условиях музыкально-творческой развивающей среды, эффективность которого обеспечивается специфическими особенностями музыкального текста, особенно шедевров как произведений эстетико-художественного максимума.

Награждена Почетной грамотой Российской академии образования за внедрение в образовательный и воспитательный процессы новых технологий, форм и методов обучения, формирование интеллектуального, культурного и нравственного развития личности; благодарственным письмом и ценным подарком Волгоградской областной Думы за конкретный вклад в развитие науки Волгоградской области; благодарностью от главы городского округа г. Волжский Волгоградской области и председателя Волжской городской Думы.

Ириной Валерьяновной опубликовано более 150 научных работ по проблемам психологии развития творческой личности, музыкальной психологии, музыкальной психотерапии, психологии управления, конфликтологии, психологии элитарности, психологии имиджа, возрастной и педагогической психологии, в том числе 3 монографии, главы в международных коллективных монографиях, 14 учебно-методических пособий, 27 статей в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, 5 публикаций в журналах Web of Science, 8 – в зарубежных научных журналах на английском языке. Наиболее значимые публикации:

Черемисова И. В. Вторичная музыкальная личность в пространстве элитарного образования: эстетико-семиотический подход : монография. Ульяновск : Зебра, 2019. 235 с. ISBN 978-5-6043834-7-6.

Cheremisova, I. V. 2019, 'Semantics of Musical Text as a Key Condition for Development of Secondary Musical Personality', in *SHS Web of Conferences The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH-2019) 23–28 April 2019, Volgograd*, vol. 69, 00028, doi : 10.1051/shsconf/20196900028.

Cheremisova, I. V. 2018, 'A.R. Luria: Ideas and Prospects of Their Development in Pedagogical Psychology of the Twenty-first Century', in *The Fifth International Luria Memorial Congress «Lurian Approach in International Psychological Science» (Ekaterinburg, 13–16 October 2017)*, vol. 4 (8), pp. 225–240, Knowledge E, KnE Life Sciences, Dubai, doi: 10.18502/kls.v4i8.3280;

Cheremisova, I. V. 2016, 'Development of Intelligence in Children with Neurological Diseases by Means of Music-to-color Synaesthesia. Aesthetic and Semiotic Approach', *International Journal of Psychophysiology*, vol. 108, p. 158, doi: 10.1016/j.ijpsycho.2016.07.455.

Черемисова (Курьшева) И. В. Критерии и методы оценки музыкально-творческого развития личности обучающегося на этапе высшего образования // Российский психологический журнал. 2016. № 2. С. 115–124, doi: 10.21702/rpj.2016.2.9.

Cheremisova, I. V. 2020, 'Gender specificity of the subjective ideas about happiness of educational institution employees', *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, vol. 95, pp. 1082–1090, doi: 10.15405/epsbs.2020.11.03.114.

С августа 2019 г. И. В. Черемисова работает профессором кафедры общей психологии психологического факультета Академии ФСИН России. Творческий, инициативный сотрудник. Занесена на Доску почета постоянного состава образовательной организации. Является научным руководителем адъюнктов и аспирантов, под ее руководством защищены 2 диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.07 – Педагогическая психология. В настоящее время под научным руководством Ирины Валерьяновны выполняются диссертационные исследования двумя адъюнктами и пятью аспирантами.

Активно формируется научная школа профессора И. В. Черемисовой «Развитие элитарной личности в образовательном процессе».

И. В. Черемисова является членом диссертационного совета Д212.029.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет» по научной специальности 09.00.11 – Социальная философия. Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 25 ноября 2020 г. № 728/нк назначена председателем диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д229.003.04 по научным специальностям 19.00.06 – Юридическая психология, 19.00.07 – Педагогическая психология, созданного на базе Академии ФСИН России.

Многочисленные коллеги, друзья, ученики поздравляют Ирину Валерьяновну с юбилеем и желают ей крепкого здоровья, творческого долголетия, счастливой личной жизни и успехов во всех созидательных начинаниях!

Г. В. Щербаков,

кандидат психологических наук, доцент,
заместитель начальника Академии ФСИН России
по научной работе;

М. И. Кузнецов,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики
Академии ФСИН России

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

ABROAD

Yuriy Alekseevich Vorob'ev, PhD (Philology), Associate Professor, associate professor of the department of foreign languages, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: jurij.worobjow@yandex.ru

LIFE IMPRISONMENT IN GERMANY: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT TRENDS

Recommended citation

Vorob'ev, Yu. A. 2021, 'Life imprisonment in Germany: current state and development trends', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 184–191, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.184-191.

Abstract. The article analyzes the development, state and legal regulation of the institution of punishment in the form of life imprisonment in the Federal Republic of Germany. In the course of the study, changes in the field of criminal and penal legislation of the country in terms of this punishment application were considered. Special attention is paid to one of the main results of the changes that have occurred – the appearance of the possibility of parole. The conditions of the court's decision to suspend the execution of a sentence and the appointment of probation, the frequency of these decisions in modern judicial practice, and data on the recidivism of persons who received parole are considered. It is noted that the ongoing process of humanization of the German institution of life imprisonment affected not only the stage of execution of this sentence in penitentiary institutions, but also the previous and subsequent stages. This predetermined the complexity of work with persons serving this type of sentence, made it more holistic, and the consequences of being in a penitentiary institution less fatal for the physical and mental health of convicts. Such a policy within the framework of the penitentiary system provides an opportunity for a differentiated approach to each convict and the search for the most effective methods of the prisoners' behavior correction. At the same time, the perception of life imprisonment as a punishment that has an indisputable right to exist in the near and medium term has become firmly entrenched in the German professional community and the legal system. As part of the analysis, the most up-to-date data from the German National Statistical Office, as well as the relevant departments of the Federal states, were used, which made it possible to trace these changes not only on a qualitative, but also on a quantitative level.

Keywords: the German penal system, punishment, life imprisonment, convicted person, parole, parole from punishment, resocialization of prisoners.

References

The criminal law for the German Empire of May 15, 1871, viewed 15 January 2021, <https://lexetius.com/leges/StGB/Inhalt.jsessionid=node08hoy4qs0nzct1j8h4fi8h5kik5048.node0?0>.

The Criminal Vode for the Federal Republic of Germany, viewed 15 January 2021, <https://dejure.org/gesetze/StGB>.

Dessecker, A. & Rausch, E. 2021, *The execution of life sentences. Duration and reasons for termination in 2019*, viewed 20 January 2021, <https://www.krimz.de/fileadmin/dateiablage/E-Publikationen/BM-Online/bm-online24.pdf>.

Jehle, J.-M. 2019, *Criminal justice in Germany*. Facts and figures, 7th edn, Federal Ministry for Justice and Consumer Protection, viewed 16 January 2021, https://www.bmjv.de/SharedDocs/Downloads/DE/Service/Fachpublikationen/Strafrechtspflege_Deutschland.pdf?__blob=publicationFile&v=15.

'Administration of justice. Penal system. Characteristics of prisoners as of the reference date 01.31.2020', *Federal Statistical Office (Destatis)*, viewed 20 January 2021, https://www.destatis.de/DE/Themen/Staat/Justiz-Rechtspflege/Publikationen/Downloads-Strafverfolgung-Strafvollzug/strafvollzug-2100410207004.pdf?__blob=publicationFile.

'Juvenile Court Act', *Federal Office of Justice*, viewed 15 January 2021, <https://www.gesetze-im-internet.de/jgg>.

Duttge, G. 2020, 'The assessment problem in the operationalization of the debt severity clause (§ 57a StGB)', *Criminal Political Journal*, viewed 22 January 2021, <https://kripoz.de/2020/03/23/das-bemessungsproblem-bei-der-operationalisierung-der-schuldschwereklauseel-§-57a-stgb>.

Jurisdiction. BVerfG. 21-06-1977 - 1 BvL 14/76, viewed 15 January 2021, <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=21.06.1977&Aktenzeichen=1%20BvL%2014%2F76>.

Decisions of the Federal constitutional court. BVerfGE 117, 71, viewed 16 January 2021, https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2009/07/rk20090720_2bvr032809.html.

Desseker, A. & Gomille, A. 2020, *The execution of life imprisonment. Duration and reasons for termination in 2018*, Wiesbaden, viewed 25 January 2021, https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/67902/ssoar-2020-gomille_et_al-Die_Vollstreckung_lebenslanger_Freiheitsstrafen_Dauer.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

Jehle, J.-M., Albrecht, H.-J., Hohmann-Fricke, S., & Tetel, C. 2016, *Legal probation after criminal sanctions: a nationwide relapse investigation from 2010 to 2013 and 2004 to 2013*, Forum, Mönchengladbach, viewed 25 January 2021, http://www.bmjv.de/SharedDocs/Downloads/DE/Statistiken/Download/Gesamt_Rueckfall.html.

Dessecker, A. 2018, 'Life imprisonment', in B. Maelike & S. Suhling (eds), *The prison under scrutiny. State and future of the prison system*, pp. 351–362, Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Wiesbaden.

'Law on the execution of custodial sentences and custodial measures for reform and security', *Federal Office of Justice*, viewed 20 January 2021, <https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/BJNR005810976.html>.

Bavarian penal law, Law, Bavaria, viewed 15 January 2021, <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/BayStVollzG?AspxAutoDetectCookieSupport=1>.

'Lower Saxony Correctional Law', *Lower Saxony regulations information system*, viewed 15 January 2021, <http://www.nds-voris.de/jportal/?quelle=jlink&query=JVollzG+ND&psml=bsvorisprod.psml&max=true&aiz=true>.

Meier, B.-D. 2018, 'The life sentence de lege ferenda', in B. Hecker, B. Weißer & C. Brand (eds), *Festschrift für Rudolf Rengier zum 70 Geburtstag*, pp. 647–655, C. H. Beck, München.

'Homicide law reform', *Federal Ministry of Justice and Consumer Protection*, viewed 25 January 2021, https://www.bmjv.de/DE/Ministerium/ForschungUndWissenschaft/ReformToetungsdelikte/ReformToetungsdelikte_node.html.

'Law on Outpatient Rehabilitation and Victim Assistance (AROG) of January 21, 2015', *Ministry of Justice*, viewed 25 January 2021, <https://recht.saarland.de/bssl/document/jlr-SozDJGSL2015rahmen>.

Desseker, A. 2017, 'Development and future of life imprisonment in Germany', *Forum Strafvollzug* 66, iss. 4, pp. 223–228, viewed 25 January 2021, https://krimpub.krimz.de/frontdoor/deliver/index/docId/147/file/Dessecker_FS2017_4.pdf.

Dina Nikolaevna Sadchikova, lecturer of the department of criminal law, South-Western State University, Kursk, Russian Federation, ORCID 0000-0002-1270-7447, e-mail: dina.0206@mail.ru

FORCED LABOR AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE CRIMINAL LAW REGULATIONS OF FOREIGN COUNTRIES

Recommended citation

Sadchikova, D. N. 2021, 'Forced labor as a type of criminal punishment in the criminal law regulations of foreign countries', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 192–199, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.192-199.

Abstract. Forced labor is a unique type of criminal punishment in the Russian Federation, which has no analogues in the legislation of a number of foreign countries (CIS member states, other former republics of the USSR and participants of the Warsaw Pact, developed countries with market economies, as well as states with case law). Having included the characteristic features of certain types of "foreign" criminal sanctions, forced labor has not been consolidated as an alternative to imprisonment abroad. A positive example for domestic practice can be the legislative provisions that provide for the mandatory serving of forced labor of convicts at the place of residence, which makes it necessary to increase the number of correctional centers in proportion to the number of subjects of the Russian Federation. The purpose of this work is to study foreign experience in the legal regulation of criminal punishment in the form of forced labor, as well as its analogues. To achieve this goal, we studied the content of the criminal legislation of a number of foreign countries from different legal groups that determine the specifics of the regulation of punishments, which are similar in their essential characteristics to Russian forced labor. The research methodology is reduced to the use of the dialectical method of scientific cognition, as well as a number of private scientific methods, including comparative legal, formal logical, legal modeling method and others. As a result of the study, it is concluded that today there is not a single state in the world, in the criminal legal system of which there would be a punishment that is completely identical to domestic forced labor. It is revealed that by a number of individual signs, it is possible to judge the similarity of such an alternative to imprisonment with other criminal sanctions. The necessity of borrowing the experience of certain foreign countries in terms of expanding the possibility of serving forced labor at the place of residence is determined, and a proposal is put forward to increase the number of correctional centers for convicts. The novelty of the research is determined by the formulated new scientific provisions on the theoretical understanding, normative regulation and practical implementation of forced labor.

Keywords: forced labor, criminal punishment, restriction of freedom, convicted person, labor, punitive nature, foreign legislation.

References

Kadyrova, N. N. 2015, 'The system of criminal penalties in foreign countries', *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, iss. 3, pp. 151–154.

Barkov, L. A. 2012, 'Restriction of freedom in the modern criminal legislation of the CIS countries', *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, iss. 29, pp. 48–52.

Teplyashin, P. V. 2017, 'Eastern European type of penitentiary systems', *Lex Russica*, iss. 3(124), pp. 176–194.

Stromov, V. Yu. 2016, 'The system of punishments in the legislation of foreign countries in the context of the preventive actions effectiveness', *Bulletin of the Tambov University*, iss. 2, pp. 39–47.

Rodionov, A. V. 2016, 'International experience of convicts' work organization (on the example of England and Wales)', *Business. Education. Right*, iss. 4, pp. 22–25.

Koryak, A. 2020, 'Foreign experience in the legal regulation of punishments in the form of compulsory, correctional and forced labor', *International journal of humanities and natural sciences*, iss. 2-2, pp. 120–124.

TIME LENS

Anatoliy Nikolaevich Sukhov, Sc.D (Psychology), Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, head of the department of social psychology and social work, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru

THE HISTORY OF SOCIAL CONFLICTOLOGY FORMATION

Recommended citation

Sukhov, A. N. 2021, 'The history of social conflictology formation', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 200–209, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.200-209.

Abstract. The article deals with the essence of the socio-psychological approach to understanding conflicts. The chronology of the development of social conflictology is objectively presented and restored in full, taking into account the contribution of those researchers who actually stood at its origins. The subject of the theory of social conflictology includes the patterns of occurrence and manifestation of conflicts. The article analyzes the difficulties in defining the concept, structure, dynamics, and classification of social conflicts. Social conflictology is intensively developing: general theoretical prerequisites and grounds for its coherent theory have been created. It promotes the development of an optimal social policy and the professional training of social workers.

Keywords: conflict, social tension, social conflictology, conflictological competence, social policy, professional training.

References

- Antsupov, A. Ya. & Shipilov, A. I. 2015, *Conflictology*, Piter, St. Petersburg.
- Antsupov, A. Ya. & Proshanov, S. L. 2013, *Russian Conflictology. Index of 1555 dissertations of Russian scientists (1949-2012)*, TAST, Moscow.
- Afon'kova, V. M. 1975, *Conflicts in the team of high school students and ways to overcome them: PhD thesis (Pedagogy)*, Moscow.
- Bekhterev, V. M. 1898, *The role of suggestion in public life: a speech delivered at the Imperial Military Medical Academy*, K. L. Rikker, St. Petersburg.
- Boulding, K. 1963, *Conflict and defense. General theory*, Harper, New York.
- Bol'shakov, A. G. & Nesmelova, M. Yu. 2001, *Conflictology of organizations*, Moscow.
- Voytova, S. A. & Zuban', E. N. 1992, *Conflictology*, St. Petersburg.
- Vorozheykin, I. E., Kibanov, A. Ya. & Zakharov, D. K. 2000, *Conflictology*, INFRA-M, Moscow.
- Grishina, N. V. 2006, *The psychology of conflict, 2nd edn*, Piter, St. Petersburg.
- Gromova, O. N. 2000, *Conflictology*, Tandem, EKMOS, Moscow.
- Zaytsev, A. K. 2001, *Social conflict*, Academia, Moscow.
- Ivanova, O. A. & Surtaeva, N. N. 2016, *Conflictology in social work*, Urite, Lyubertsy.
- Generally understandable psychological studies by Viktor Kandinsky. I. An outline of former and modern views on the psychic life of man and animals. II. Neuropsychiatric contagion and mental epidemics 1881*, A. Lang, Moscow.
- Kil'mashkina, T. N. 2013, *Conflictology. Social conflicts*, UNITY-DANA, Law and right, Moscow.

- Kozer, L. 2008, *Functions of a social conflict*, translated from English by O. A. Nazarova, Idea-Press, Intellectual Book House, Moscow.
- Kozyrev, G. I. 2000, *Introduction to conflictology*, Vlado, Moscow.
- Karmin, A. S. (ed.) 1999, *Conflictology*, Lan', St. Petersburg.
- Conflictology for the XXI Century: science – education – practice: materials of the St. Petersburg International Forum 2015*, St. Petersburg State University, St. Petersburg.
- Cornelius, H. & Faire, Sh. 1992, *Everyone can win*, Stringer, Moscow.
- Korsakov, S. S. 1901, *Psychiatry course*, 2nd edn, Moscow.
- Rubin, D. 2010, *Social conflict. Escalation, deadlock, resolution. Secrets of Persuasion*, Prime-Evroznak, Moscow.
- Sukhov, A. N. (ed.) 2017, *Social psychology*, 8th edn, Unity, Moscow.
- Polyakov, N. L. (ed.) 1991, *Social conflict: modern research: abstract collection*, INION, Moscow.
- Stepanenkova, V. M. 2004, 'The concept of social conflict in the theory of R. Dahrendorf', *Sociological researches*, iss. 5, pp. 141–142.
- Sukhov, A. N. 2020, 'Social conflictology: theoretical and historical aspect', *Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia*, iss. 4, pp. 300–304.
- Sukhov, A. N. 1978, *Conflicts in primary collectives of convicts*, RLI of the MIA of Russia, Ryazan.
- Sukhov, A. N. 1993, *Criminogenic communication among convicts*, RLI of the MIA of Russia, Ryazan.
- Sukhov, A. N. 2002, *Social psychology of security*, Academia, Moscow.
- Sukhov, A. N. 2020, 'Intrapersonal conflict: a constructive aspect', *Human capital*, iss. 10(142), pp. 171–178.
- Sukhov, A. N. 2015, 'Socio-psychological approach to understanding the mass crisis', *Human capital*, iss. 10(82), pp. 6–9
- Sukhov, A. N. & Geras'kina, M. G. 2017, *Social psychology*, 8th edn, Unity, Moscow.
- Shil'tsova, Yu. V. 2020, 'On the question of the pioneers in the development of domestic conflictology', *Young scientist*, iss. 33(323), pp. 81–83.
- Jung C. 1991, *Archetype and symbol*, Renaissance, Moscow.
- Tokarskiy, A. A. 1891, 'Mental epidemics', *Questions of philosophy and psychology*, iss. 5(20), pp. 203–223.21 September 2020, <https://fb.ru/article/284896/smyisl-pogovorki-gorbatogomogila-ispraviv>.

Dmitriy Alekseevich Nikitin, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of criminal law disciplines, University of the FPS of Russia, St. Petersburg, Pushkin, Russian Federation, e-mail: dima60-62@yandex.ru;

Boris Pavlovich Kozachenko, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the Institute of the Academy of the FPS of Russia in penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: boriskozachenko@mail.ru;

Lyudmila Vladimirovna Karkhanina, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ludakarhanina@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION IN THE FIELD OF APPOINTMENT AND EXECUTION OF SENTENCES IN RELATION TO JUVENILE CONVICTS, NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY

Recommended citation

Nikitin, D. A., Kozachenko, B. P. & Karkhanina, L. V. 2021, 'The development of domestic legislation in the field of appointment and execution of sentences in relation to juvenile convicts, not related to isolation from society', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 210–217, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.210-217.

Abstract. The article provides a brief analysis of the development of national legislation in the field of the application of punishments not related to isolation from society in relation to persons under the legal age, starting from the period of Ancient Russia and ending with the post-Soviet period. The authors come to the conclusion that until the beginning of the XVIII century in Russia, there were practically no features of bringing underage convicts to criminal responsibility and executing the punishments imposed on them. The Soviet period is characterized, on the one hand, by a softening of the state's punitive policy towards juveniles, and, on the other hand, by a significant increase in criminal liability against this category of persons during the Great Patriotic War.

At this time, there are differences in the procedure and conditions for the execution of sentences without isolation from society in relation to adult and juvenile convicts. The post-war period was again marked by a softening of the responsibility of persons who have not reached the legal age: the use of punishment in the form of imprisonment is reduced and the use of measures not related to the isolation of convicts from society is expanded, which continues in the post-Soviet period.

Keywords: punishments not related to isolation from society, juvenile convicts, penal legislation, execution of punishments, historical analysis of legislation.

References

'Report of the Criminal-Judicial Board of the Supreme Court of the USSR on the state and nature of crime in the period 1933-1935.', *State Archive of the Russian Federation*, form 9474, inventory 16, case 79, pp. 1–76.

'Information about the movement of convicts held in correctional labor camps and colonies in the period 1953-1956. March 28, 1956', *State Archive of the Russian Federation*, form 7523, inventory 89, case 4408, pp. 78–82.

Isaev, M. M., Utevskiy, B. S. & Karev, D. S. 1948, Soviet law during the Great Patriotic War, I. T. Golyakov (ed.), in 2 vols, vol. 2, *Criminal law, Criminal procedure*, Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, Moscow.

The history of Stalin's Gulag. Late 1920s – first half of the 1950s: a collection of documents 2004, in 7 vols, vol. 4, I. V. Bezborodova, V. M. Khrustalev (eds), I. V. Bezborodova, V. M. Khrustalev (comp.), *GULAG population: number and conditions of detention*, Russian Political Encyclopedia, Moscow.

Medvedeva, N. T. & Uporov, I. V. 1997, *Origins and development of criminal punishment*, Ryazan Institute of Law and Economics, Ryazan.

Mel'nikova, E. B. 1990, *Juvenile justice: history and modernity*, F. M. Reshetnikov (ed.), Nauka, Moscow.

Rozhnov, A. A. 2007, *Criminal law of the Moscow State (XIV–XVII centuries)*, Promotion Technologies Corporation, Ulyanovsk.

Tagantsev, N. S. 1994, *Russian criminal law: lectures. General Part*, in 2 vols, vol. 1, Nauka, Moscow.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Kristina Aleksandrovna Zarubina, PhD student, South-Western State University, Kursk, Russian Federation, ORCID 0000-0003-2725-6906, e-mail: kris1996z@mail.ru

TRANSFORMATION OF CRIMINAL PROFESSIONS IN RUSSIA IN THE POST-SOVIET PERIOD

Recommended citation

Zarubina, K. A. 2021, 'Transformation of criminal professions in Russia in the Post-Soviet period', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 218–225, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.218-225.

Abstract. Professional crime is a dangerous criminal phenomenon, and therefore it is particularly important to keep the development of this type of criminal activity under control. In the Post-Soviet period in Russia, criminal professions have significantly transformed, new areas of activity have appeared in the criminal environment, individual specializations have been lost, so from a scientific and practical point of view, it is necessary to monitor the development of professional crime. The purpose of this work is to solve the problem of determining the main directions of modern professional crime development in Russia for its prediction and prevention. To achieve this goal, some of the most common criminal professions of our time are studied, which determine the course of further development of the world of professional criminals. The research methodology is represented by the dialectical method of cognition, as well as by such private scientific methods as analysis, synthesis, comparative legal method, modeling, etc. As a result of the study, it was determined that professional crime has now significantly changed its "appearance" in comparison with the Soviet period. Based on the analysis of the development of professional crime in Russia in the Post-Soviet period, we believe that in the near future criminal specializations will continue to be significantly intellectualized. In this regard, professional cybercrime will continue to develop intensively. In the near future, those criminal professions that are directly related to obtaining a quick and significant material benefit will become particularly common, since it is actually "not profitable" to commit "low-profit" multiple crimes of a mercenary or self-serving-violent orientation (for example, pickpocketing) at the present time. In addition, there are some other trends in the development of the criminal world of "professionals". The novelty of the presented research in comparison with other related scientific studies is to predict the course of further development of professional crime in Russia, substantiating the above prediction.

Keywords: professional crime, criminal professionalism, cybercrime, professional fraud, criminal professions.

References

- Ovchinskiy, V. S. 1994, *Criminological, criminal-legal and organizational bases of the fight against organized crime in the Russian Federation: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Ishigeev, V. S., Romanova, N. L. & Bondar', A. Ya. 2019, 'Criminal professionalism in the XXI century as an object of criminological research', *Bulletin of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, iss. 4(37), pp. 132–137.

Amel'chakov, I. F., Safonov, A. A. & Osokin, P. G. 2006, *Modernization of the State and Law of Russia in the XX-XXI centuries: historical experience and modern problems: materials of the intercollegiate correspondence scientific conference*, Pershin R. V., Tambov.

Gurov, A. I. 1995, *Red Mafia*, Commercial Bulletin, Moscow.

Gayfutdinov, R. R. 2017, 'Types of computer scammers', *Bulletin of economics, law and sociology*, iss. 2, pp. 54–58.

Astishina, T. V. & Markelova, E. V. 2014, 'Problems of investigation of crimes related to fraudulent actions committed with the use of cellular telephone communication means', *Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia*, iss. 2(16), pp. 94–98.

Dolgov, D. V. 2011, 'Fraud with the use of mobile communications', *Man: crime and punishment*, iss. 3, pp. 32–36.

'Society profile' 2015, *Business daily planner*, iss. 34, pp. 48–51.

Gilyazov, R. R. 2014, 'Some features of the methods of committing fraud using cellular communication means', *Bulletin of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia*, iss. 1(63), pp. 60–65.

'Phone fraud (the department "K" of the MIA of Russia warns)' 2011, *National interests: priorities and security*, iss. 4, pp. 74–76.

Gorbanev, V. M. 2016, 'Operational-search characteristics of fraud related to the use of cellular communications', *Society and law*, iss. 4(58), pp. 137–141.

Repetskaya, A. L. 2017, 'Characteristics of criminal professions transformations of the Post-Soviet period', *Siberian Legal Bulletin*, iss. 4, pp. 56–60.

Antonyan, Yu. M. 2010, 'Hired killers as particularly dangerous criminals', *Man: crime and punishment*, iss. 2, pp. 82–86.

Gurov, A. I. 1990, *Professional crime: past and present*, Moscow, viewed 2 October 2020, <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/10.htm>.

Khokhryakov, G. F. 2002, *Criminology*, V. N. Kudryavtsev (ed.), Yurist, Moscow.

Faryshev, E. V. 2016, 'Modern concept and content of professional crime', *Bulletin of the Krasnodar University of the MIA of Russia*, iss. 3(33), pp. 90–93.

Danilov, A. A. 2004, *Magicians of crime*, Law Center Press, Moscow, viewed 31 August 2020, <https://books.google.ru/s?id=XzHhCgAAQBAJ&pg=PT295&dq=вор+карманник+рубл ей+в+месяц&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewjc1u7v58TrAhXDFXcKHbFJDgIQ6AEwAHoECAMQAg#v=onepage&q=вор%20карманник%20рублей%20в%20месяц&f=false>.

Mukaev, I. S. 2017, 'Investigation of auto thefts', *Domestic jurisprudence*, iss. 5(19), pp. 110–112.

Lyudmila Evgen'evna Prikhozhaya, adjunct of the faculty for scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-5547-9678, e-mail: lyudmila_prikhozhaya@mail.ru

SEPARATE DETENTION OF CONVICTS AS ONE OF THE PROMISING DIRECTIONS OF THE CONCEPT OF THE RUSSIAN PENAL SYSTEM DEVELOPMENT UNTIL 2030

Recommended citation

Prikhozhaya, L. E. 2021, 'Separate detention of convicts as one of the promising directions of the Concept of the Russian penal system development until 2030', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 1, pp. 226–236, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.226-236.

Abstract. The article focuses on the creation of conditions for the separate detention of certain categories of convicts in institutions of the penitentiary system and the improvement of the procedure for individual prevention of offenses in places of liberty deprivation. The article presents the current state of law enforcement activities of correctional institutions in Russia, where a standard model of conducting an experiment on the organization of supervision and correctional work with convicts is being implemented. A comprehensive analysis of the requirements implementation for the separate detention of convicts provided for in the Concept of the Russian penal development system until 2030 is being carried out. The study was carried out by means of a survey among convicts and employees of correctional colonies of general and strict regimes, on the territory of which a standard model of conducting an experiment on the organization of supervision and correctional work with convicts was introduced. The purpose of the study was to identify existing problems and determine the feasibility of such measures in other institutions of the Russian penal system. Within the framework of creating conditions for the separate detention of certain categories of convicts and improving the procedure for individual prevention of offenses, it is proposed to divide the convicts who are on the preventive record, held in sector "A" into three groups for separate detention from each other.

Keywords: separate detention of convicts, preventive record, a standard model for conducting an experiment on the organization of supervision and correctional work with convicts.

References

Strelkov, D. O. 2017, 'About the course of the experiment on organization of supervision and correctional work with convicts in correctional institutions of the penal system', in *III International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation): collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, November 21–23, 2017)*, in 8 vols, vol. 7, *Materials of the round tables "Implementation of operational and investigative activities in penal institutions at the present stage", "Science and practice in ensuring the regime in penitentiary institutions", "Cynological support for the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia: theoretical foundations and practical experience"*, pp. 319–324, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

COMPETITIVENESS ANALYSIS

Tat'yana Nikolaevna Belova, Sc.D (Economics), Professor, professor of the department of economics and management, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: belova_t_n@mail.ru;

Mukhtar Aman-Muratovich Bekaristanov, deputy duty assistant to the head of the colony, Correctional Colony 10 of the FPS of Russia for the Astrakhan region, Astrakhan, Russian Federation, e-mail: muxtar-777@mail.ru

THE SCALE EFFECT IN THE PRODUCTION AND ECONOMIC ACTIVITIES OF THE INSTITUTION OF THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Belova, T. N. & Bekaristanov, M. A.-M. 2021, 'The scale effect in the production and economic activities of the institution of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 237–244, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.237-244.

Abstract. The scale effect, the implementation tool of which is to determine the minimum effective volume of production, is considered in the article. The use of scale effect is useful for all market factors, including institutions of the penal system. The authors propose a method for determining the minimum effective volume of production (breakeven point) adapted to the peculiarities of the functioning of the production units of correctional institutions. The essence of the method is to calculate such a volume of single nomenclature products, in which the financial result is zero. If the production unit will produce more products than the critical volume, then make a profit. The position of the breakeven point depends on the ratio of fixed and variable production costs, the share of fixed costs in total costs. According to the authors, planning using the minimum effective volume of production for each type of product is a necessary condition for the successful development of a correctional institution in the medium and long term prospect. As the object of the study, the production unit of the Correctional Colony 10 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Astrakhan region was selected, for which the problem of optimizing the volume and structure of the leading industry – the production of bread and bakery products is relevant. Based on the reporting data for the last three years, the minimum-effective production volume for these products was calculated in terms of conventional units. Based on the calculations, the authors recommend expanding the production of bread and bakery products. The project schedule contains a decision on the volume of production, taking into account the scale effect, according to the criterion of increasing the mass of the financial result (profit). This will allow the institution to further invest in the expansion and modernization of the production of this segment of production and economic activity.

Keywords: scale effect, diversity effect, minimum effective production volume, food production, economic efficiency, production units of correctional institutions.

References

Belova, T. N. & Slyunyaev, D. V. 2020, 'Modeling of the product strategy of a correctional institution's production activity', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 2, pp. 276–283.

Belova, T. N. 2020, 'BCG matrix as a product strategy modeling tool', in O. V. Milovzorov (ed.), *Modern Technologies in Science and Education – Modern Technologies in Science and Education-2020: proceedings of the III International scientific and technical forum*, in 10 vols, vol. 8, pp. 76–81, Book Jet, Ryazan.

Belova, T. N. 2019, 'Differentiation of local food markets in the context of import substitution', in *Socio-economic development of economic entities, industries, and regions: problems and prospects: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference*, pp. 14–20, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Buranova, E. A., Ignat'ev, A. I., Rodionov, A. V., Chernyshov, I. N., Balyan, E. V. & Kochinyan, G. E. 2019, *Fundamentals of production activity planning*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Valuyko, K. P., Zarubina, O. A. & Krapivina, S. V. 2020, 'Features of improving the marketing policy in the Russian penitentiary system', in *Formation of a competitive environment, competitiveness and strategic management of enterprises, organizations and regions: collection of articles of the V International scientific and practical conference*, pp. 38–41, Penza State Agrarian University, Penza.

Konkina, V. S. 2018, 'Comparative analysis of the main approaches to cost management', *Bulletin of Agrarian Science*, iss. 1, p. 136.

Konkina, V. S., Ponomareva, E. V. & Kurochkina, E. N. 2016, 'Evaluation of the efficiency of the agro-industrial complex of the penal system on the example of the Ryazan region', *Herald of the Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev*, iss. 4(32), pp. 108–113.

Makarova, O. V. & Gasparyan, S. V. 2020, 'Features of the use of economic instruments for the development of agricultural production in the penitentiary system', *Economics and entrepreneurship*, iss. 11(124), pp. 951–954.

Porter, M. 2005, *Competitive strategy. Methodology for analyzing industries and competitors*, translated from English by N. Minervin, Alpina Biznes Buks, Moscow.

Feofanova, A. S. & Zarubina, O. A. 2020, 'On the issue of product competitiveness', in *Organizational-economic and innovative-technological problems of modernization of the Russian economy: collection of articles of the X International scientific and practical conference*, pp. 227–230, Penza State Agrarian University, Penza.

Chernyshov, I. N. 2020, 'Correctional center management structure: principles of construction and directions of changes', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 1, pp. 62–71.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Irina Sergeevna Ganishina, Sc.D (Psychology), Associate Professor, head of the department of legal psychology and pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: irinaganishina@yandex.ru;

Irina Vasil'evna Suchkova, deputy head of the interregional department of psychological work, the Main Department of the FPS of Russia for the Primorsky Territory, Vladivostok, Russian Federation, e-mail: shira78@mail.ru

PSYCHOLOGICAL READINESS AMONG EMPLOYEES OF THE SECURITY UNITS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA TO USE FIREARMS TO KILL: BEHAVIORAL ASPECT

Recommended citation

Ganishina, I. S. & Suchkova, I. V. 2021, 'Psychological readiness among employees of the security units of the Federal Penitentiary Service of Russia to use firearms to kill: behavioral aspect', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 245–254, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.245-254.

Abstract. The relevance of the study of the behavioral aspect of the psychological readiness of employees of the security units of the Federal Penitentiary Service of Russia to use firearms to kill is due to the stable level of escape activity of convicts, which determines the need to study the personal characteristics of employees responsible for the success of professional actions on the use of firearms to kill. L. S. Nersesyan, V. N. Pushkin (1969), M. I. D'yachenko (1985), L. A. Kandybovich (1985), I. S. Doroshenko (2002), A. I. Adaev (2004), B. B. Kazak (2006), E. V. Ovcharova (2012), and others were engaged in the study of readiness for activity in special and extreme conditions of service. Within the framework of the conducted empirical research, it is established that psychological readiness is considered as a predisposition to a certain behavior, mood, and structure of actions aimed at achieving results. Psychological readiness is based on adaptation mechanisms and coping strategies to overcome stressful situations. Because of this, the behavioral aspect is a necessary structural element of psychological readiness for activity. The purpose of the study is to study the psychological readiness of employees of the security units of the Federal Penitentiary Service of Russia to use firearms to kill. The research sample was made up of employees of 18 territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia who participated in the suppression of escapes of convicts by using firearms in places of deprivation of liberty. Methods and methods of research: testing, questionnaire of formal-dynamic properties of personality (V. M. Rusalov), methodology for studying strategies for overcoming stressful situations (S. Hobfall), Bass-Darkey aggressiveness questionnaire, methodology "Personal aggressiveness and conflict" (E. P. Il'in, P. A. Kovalev). The PsychometricExpert program (version 9.1.1) was used to process the obtained data. It is established that in the structure of psychological readiness of employees to use weapons to kill, the behavioral component is expressed in a reduced need for communication, a limited circle of contacts, and orientation to the reference group. Conflict and hostility are unlikely, but if necessary, they are used as tools to achieve the goal. Employees are distinguished by efficiency, high muscle tone, increased motor activity, high speed and flexibility when switching

from one form of activity to another. Caution and thoroughness are combined with impulsivity, which reflects the ability to quickly move from passive observation to active action.

Keywords: psychological readiness, the use of weapons to kill, security units, the penal system, the escape activity of convicts, the behavioral aspect.

References

Belinskaya, E. P. & Tikhomandritskaya, O. A. 2009, *Social psychology of personality*, Akademiya, Moscow.

Volosov, K. A. 2012, *Psychological readiness of graduates of educational institutions of the EMERCOM of Russia for professional activity: on the example of the FFS of the EMERCOM of Russia: PhD thesis (Psychology)*, St. Petersburg.

Ganishina, I. S., Kirillova, T. V. & Fedoseeva, L. N. 2019, 'Personal profile of employees of the penitentiary system serving with weapons', in Ya. A. Korneeva (ed.), *Psychology of extreme professions: materials of the II International Scientific and Practical Conference*, pp. 33–35, RAO Publishing House, Arkhangelsk.

Doroshenko, I. S. 2002, *Psychological readiness to perform official tasks among employees of security units of the Penal system of the Ministry of Justice of the Russian Federation: PhD thesis (Psychology)*, Ryazan.

D'yachenko, M. I., Kandybovich, L. A. & Ponomarenko, V. A. 1985, *Readiness to work in stressful situations: psychological aspect*, Universitetskoe, Minsk.

Zautorova, E. V. 2019, 'Features of the security officer's personality of the penal system of the Russian Federation', *Theory and practice of scientific research: psychology, pedagogy, economics and management*, iss. 2(6), pp. 99–105.

Ivashko, N. N. 2018, 'Features of professional training among employees of security units and convoy of correctional institutions to official activities', *Theory and practice of scientific research: psychology, pedagogy, economics and management*, iss. 1(1), pp. 20–27.

'Methodology "Personal aggressiveness and conflict"' 2002, in I. B. Dermanov (ed.), *Diagnostics of emotional and moral development*, pp. 142–146, Rech, St. Petersburg.

Konopleva, I. N. 2005, *The personal component of police officers' psychological readiness to use firearms and its change in the training process: PhD thesis (Psychology)*, Rostov-on-Don.

Kuznetsova, L. E. 2012, 'Formation of psychological readiness of young men for compulsory military service in the Armed Forces of the Russian Federation from the point of view of the resource approach', *Young scientist*, iss. 3, pp. 324–327.

Kucheryavenko, I. A. 2011, 'The problem of psychological readiness for professional activity', *Young scientist*, iss. 12, pp. 60–62.

Nersesyan, L. S. & Pushkin, V. N. 1969, 'Psychological structure of the operator's readiness for extreme actions', *Questions of psychology*, iss. 5, pp. 24–31.

Ovcharova, E. V. 2012, *Mental states of employees of the penal system's security departments serving with weapons, and their short-term correction: PhD thesis (Psychology)*, Ryazan.

Ovcharova, E. V. 2019, 'Features of mental states of employees of the penal system's security departments serving with weapons', *Legal science*, iss. 3, pp. 55–58.

Pestrikov, D. V., Polyandin, N. A. & Pentyashin, E. V. 2016, 'Formation of psychological readiness among employees of the penal system for the use of military weapons in extreme situations', *Applied legal psychology*, iss. 3, pp. 56–65.

Rakovich, N. K. (ed.) 2002, *Workshop on psychodiagnostics of personality*, BSPU named after M. Tank, Minsk.

Korduell, M. 2002, *Psychology. A–Ya. Dictionary-reference book, translated from English* by K. S. Tkachenko, FAIR-PRESS, Moscow.

Raygorodskiy, D. Ya. 1998, *Practical psychodiagnostics. Methods and tests*, Bakhrakh, Samara.

Sanzhaeva, R. D. 2016, 'Readiness and its psychological mechanisms', *Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society*, iss. 2, pp. 6–16.

Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V. & Manuylov, G. M. 2002, *Socio-psychological diagnostics of the personality development and small groups*, Institute of psychotherapy, Moscow.

Aleksandr Mikhaylovich Kiselev, Sc.D (Pedagogy), Associate Professor, professor of the department of mobilization and tactical-special training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kamkis@bk.ru

THE TRAINING PECULIARITIES OF CADETS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE'S UNIVERSITY TO PERFORM OFFICIAL TASKS IN NATURAL EMERGENCIES

Recommended citation

Kiselev, A. M. 2021, 'The training peculiarities of cadets of the Federal Penitentiary Service's university to perform official tasks in natural emergencies', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 255–262, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.255-262.

Abstract. In order to prepare the staff of the penal system for activities in conditions of natural emergencies, it is necessary to provide them with the opportunity to master special knowledge and techniques (methods) that contribute to the disclosure of the potential of both an individual employee and the service team as a whole. In addition, we should not forget about the need for systematic improvement of the professional skills of the staff, which is advisable to take into account in the course of organizing the training of cadets in educational organizations subordinate to the Federal Penitentiary Service of Russia. At the same time, it is necessary to take into account many specific conditions that arise when organizing the educational process in a departmental university (for example, performing official tasks (serving on duty) simultaneously with training). A pedagogical experiment conducted in the course of studying the role of the educational process in the formation of a state of readiness for action in the event of natural emergencies among cadets of the Federal Penitentiary Service of Russia allowed us to justify a number of conditions that contribute to the formation of a sufficient level of preparedness for professional activity in such circumstances.

1. The training block allocated from the general professional training of cadets of the university of the Federal Penitentiary Service of Russia, including actions in emergency situations, should consist of such techniques and methods that, according to their algorithm, would be of the same type as the actions performed in the real official activities of the penal system's staff.

2. Practical training sessions should basically be able to provide the development of a model that reflects the realities of a particular natural disaster.

3. The main purpose of professional training of cadets for emergency situations is to develop their specific service skills that contribute to the effective performance of future official duties.

4. Educational tasks performed by cadets during practical and theoretical classes should ensure the development of cognitive, regulatory and communicative functions in students.

In order to obtain consistently positive results in the formation of the state of readiness among cadets of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia for professional activity in natural emergencies, the author suggests ways to optimize practical classes:

– the combination of increasing the pace of practicing the exercise with its consistent complication;

– working out standards in conditions that border on a stressful situation, but do not pose a danger to the life and health of students;

– introduction of sudden obstacles and artificial stimuli (bright lights, loud music, radio interference, etc.);

- implementation of the assigned training task, which requires the cadet – the head of the game team to choose the only appropriate management solution;
- sequential simulation of episodes of one or more emergency situations, implying an "avalanche" increase in technical difficulties and psychological discomfort;
- use of models of natural emergencies, potentially possible in the location of the educational organization of the FPS of Russia.

Formation of readiness among cadets of the FPS of Russia for actions in extreme situations, including in conditions of natural emergencies, and further improvement of this process should be carried out in close relationship with the general goals of educational activities, taking into account the nature and content of the existing service tasks.

Keywords: penal system, educational organization, FPS of Russia, cadets, professional training, natural emergencies.

References

- Anan'ev, B. G. 1968, 'Comprehensive human study and psychological diagnosis', *Questions of psychology*, iss. 6, pp. 11–35.
- Kotik, M. A. 1974, *Self-regulation and reliability of the human operator*, Valgus, Tallinn.
- Liopo, L. V. & Krivonosov, A. M. 1984, 'The possibilities of the cybernetic method of pattern recognition for assessing the mobilization of the physiological reserves of a sportsman', in *Ways to mobilize the functional reserves of a sportsman: a collection of scientific works*, pp. 78–83, Leningrad.
- Luchkin, S. V. 2011, 'Social rehabilitation of employees of the internal affairs bodies who served in extreme conditions. Improving legal and organizational support', *Law and right*, iss. 3, pp. 98–99.
- Bakhteev, D. V. (ed.) 2018, *Initial professional training and introduction to the specialty: law enforcement*, Urite, Moscow.
- Kiselev, A. M. 2009, *System for improving the professional training of employees of the FPS of Russia for actions in extreme situations: PhD thesis (Pedagogy)*, St Petersburg.

Nadezhda Evgen'evna Rubtsova, Sc.D (Psychology), Associate Professor, professor of the department of general psychology and labor psychology, Russian New University, Moscow, Russian Federation, ORCID 0000-0001-7232-4539, e-mail: hope432810@yandex.ru;

Boris Vladimirovich Aleksandrov, PhD (Psychology), deputy head of the faculty of psychology, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-5283-390X, e-mail: abv2712@rambler.ru

PSYCHOLOGICAL MODEL OF THE ATTITUDE TO WORK OF CONVICTS SERVING CRIMINAL SENTENCES

Recommended citation

Rubtsova, N. E. & Aleksandrov, B. V. 2021 'Psychological model of the attitude to work of convicts serving criminal sentences', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 263–269, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.263-269.

Abstract. The basic principles on which the modeling process is based, which is widely used in describing the results of psychological research (scientific validity, consistency, compliance with the problem being solved, openness, as well as the principle of simplification while preserving the essential properties of the system) are revealed in the article. In addition, the methods that have become necessary tools in identifying the components of the psychological model of convicts' attitude to work, aimed at studying the value-semantic, emotional, cognitive, motivational spheres of the personality of convicts to imprisonment, are presented. The study conducted on the basis of correctional institutions allowed us to determine the factors that influence the attitude to work of persons serving criminal sentences in correctional colonies, which were the life values of the convict's personality, his life orientations, motives that are driving forces on the way to solving difficulties, activity aimed at achieving goals and solving tasks. As a result of statistical data processing, predictors of the convicts' attitude to work were identified and ranked according to the degree of significance: the psychological type of the convict in relation to work and employment in a correctional institution; the perception of work and professionalism as social values; education and qualifications; positive work and employment experience; values – education, profession, hobbies, etc.; latent factors – values, activity, motives (cognitive, internal, self-esteem, motive for changing current activities, etc.). The presented results of the study, which made it possible to prepare a psychological model of the attitude to the work of convicts, have valuable structurally presented and practice-oriented information that contributes to understanding the components of such an attitude and can serve as a support in solving issues of motivation and familiarization of persons serving criminal sentences in correctional institutions to labour and work.

Keywords: attitude to work, convicts, work of convicts, psychological model, correctional institutions, motivation to work, value-semantic sphere.

References

Vereshchagin, V. A. 1979, *Methods for assessing the use of convicts' labor*, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of USSR, Moscow.

Zobkov, A. V. 2011, 'Psychological model of self-regulation of behavior and educational and professional activity among students', *Bulletin of Tomsk State University*, iss. 7(99), pp. 79–86.

Karayani, A. G. 2013, 'Psychological model of service activity as a tool for creating a system of its psychological support', *Bulletin of the South Ural State University. Psychology Series*, vol. 6, iss. 4, pp. 92–98.

Lomov, B. F. 2011, *Consistency in psychology: selected psychological works*, 3rd edn, MPSU, MODEK, Moscow, Voronezh.

Myasishchev, V. N. 2011, *Relationship psychology*, 4th edn, MPSU, MODEK, Moscow, Voronezh.

Levchenko, E. V. 2003, *History and theory of relationship psychology*, Aleteya, St. Petersburg.

Aleksandrov, B. V. 2020, *Psychological specifics of the attitude to work of convicts with different types of employment in a correctional institution: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.

Sopov, V. F. & Karpushina, L. V. 2001, 'Morphological test of life values', *Applied Psychology*, iss. 4, pp. 9–30.

Vasserman, L. I. & Gumenyuk, N. V. 1995, *The test method "Type of behavioral activity" and its computer version for the diagnosis of resistance to stress: manual for doctors*, St. Petersburg Scientific Research Psychoneurological Institute named after V. M. Bekhterev, St. Petersburg.

Leont'ev, D. A., Kalashnikov, M. O. & Kalashnikova, O. E. 1993, 'Factor structure of the life-sense orientations test', *Psychological Journal*, vol. 14, iss. 1, pp. 150–155.

Strelyau, Ya. 1982, *The role of temperament in mental development*, translated from the Polish by V. N. Porus, Progress, Moscow.

Gerbachevskiy, V. K. 2000, 'Questionnaire "Assessment of the level of claims"', in A. A. Krylov, S. A. Manichev (eds), *Workshop on general, experimental and applied psychology*, 2nd edn, pp. 303–308, Piter, St. Petersburg.

Solomin, I. L. 2001, *Psychosemantic diagnostics of hidden motivation: a methodological guide, Imaton*, St. Petersburg.

Rubtsova, N. E. 2014, *Integrative-typological approach to the psychological classification of professional activity: PhD thesis (Psychology)*, Yaroslavl.

Len'kov, S. L., Rubtsova, N. E. & Aleksandrov, B. V. 2020, 'The scale of convicts' attitude to work', *Psychology and law*, vol. 10, iss. 2, pp. 223–239.

Valeriy Nikolaevich Kazantsev, PhD (Philosophy), Associate Professor, associate professor of the department of social psychology and social work, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: v.cazantsev2010@yandex.ru;

Mikhail Ivanovich Kuznetsov, PhD (Pedagogy), Associate Professor, associate professor of the department of legal psychology and pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru;

Sergey Aleksandrovich Luzgin, PhD (Pedagogy), Associate Professor, associate professor of the department of legal psychology and pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: upip2009@yandex.ru

RUSSIAN-SWISS PROJECT IN THE FIELD OF PENITENTIARY SOCIAL WORK: EXPERIENCE OF INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS AND CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Recommended citation

Kazantsev, V. N., Kuznetsov, M. I. & Luzgin, S. A. 2021, 'Russian-Swiss project in the field of penitentiary social work: experience of international cooperation between educational organizations and correctional institutions', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 270–277, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).2.270-277.

Abstract. The article analyzes the experience of international scientific and practical cooperation in the field of penitentiary social work on the example of a Russian-Swiss project implemented between the Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the Department of Police and Justice of the Swiss Confederation during the period of active reform of the penal system in accordance with International and European standards, reflecting the objective process of globalization in the field of both the execution of criminal penalties and education. The project made it possible to develop and test an original educational program for training specialists in the field of penitentiary social work; it contributed to the scientific and methodological support of the educational process at the Academy of the FPS of Russia and other educational organizations, as well as institutions and bodies that execute criminal penalties. In the course of cooperation, prerequisites for the formation of social work with convicts as an independent type of professional activity in Russian penitentiary institutions were created: the qualification characteristics of a specialist were developed; organizational and managerial decisions were prepared on the introduction of positions of specialists in social work with convicts to the staff of correctional institutions. The most important components of the project were the direct implementation of the centers of psychological, pedagogical and social work with convicts in the activities of correctional institutions, as well as the experimental testing of the domestic model of its functioning. The project provided an opportunity to form business and friendly relations of its participants, to develop experience of cross-cultural cooperation and positive resolution of problems arising on the basis of socio-cultural, cultural-historical and other differences. The special relevance of the article is given by the fact that the decree of the President of the Russian Federation allows universities of the Federal Penitentiary Service of Russia to train personnel for the penitentiary systems of foreign countries.

Keywords: international cooperation, penitentiary social work, centers for psychological, pedagogical and social work with convicts, training of specialists in social work for the

penitentiary system, domestic and foreign experience in training personnel for penitentiary institutions.

References

Hochstrasser, F. 2016, 'A little history. Review of the Russian-Swiss project in the framework of the penitentiary system reform in 1997–2008', *Social work*, iss. 7, pp. 47–51.

Improving the training and practical activities of social work specialists for the Russian penal system (report on the results of Russian-Swiss cooperation) 2003, Ryazan, Bazel'.

Kuznetsov, M. 2001, 'Organization of specialists training in social work in Switzerland', *Man: crime and punishment*, iss. 2, pp. 60–62.

Kuznetsov, M. I. 2002, 'Social work with convicts in the professional activities of correctional officers', *Man: crime and punishment*, iss. 1, pp. 12–16.

Kuznetsov, M. I. & Kazantsev, V. N. 2003, *Social work in Swiss penitentiary institutions*, Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Ryazan.

Hochstrasser, F. & Кузнецов, М. И. 2002, 'Russian-Swiss cooperation in the field of specialists training in social work for the penitentiary system: preliminary results and prospects', *Man: crime and punishment*, iss. 3-4.

Luzgin, S. A. & Surovtsev, V. A. 2003, 'Centers for psychological, pedagogical and social work with convicts: prerequisites for their activity', *Vedomosti of the penitentiary system*, iss. 6, pp. 2–10.

Kalinin, Yu. I. (ed.) 2005, *Social work in the penal system*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

PERSONALIA

TO THE ANNIVERSARY OF SC.D (PSYCHOLOGY), PROFESSOR OF THE DEPARTMENT OF GENERAL PSYCHOLOGY AT THE PSYCHOLOGICAL FACULTY OF THE ACADEMY OF THE FPS OF RUSSIA IRINA VALER'YANOVNA CHEREMISOVA

Recommended citation

Sherbakov G. V. & Kuznetsov, M. I. 2021, 'To the anniversary of Sc.D (Psychology), professor of the department of general psychology at the psychological faculty of the Academy of the FPS of Russia Irina Valer'yanovna Cheremisova', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 2, pp. 278–280.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 06.07.2021. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 8,13. Усл. печ. л. 7,56. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 1999-9917

21292

